E 86/146

ЗАДАЧА и МЕТОДА

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

2007058727

ЗАДАЧА и МЕТОДА

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. СЕРГѢЕВИЧА,

доцента императорскаго московскаго университета.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К°, у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1871.

М.О.М.

ЗАДАЧА и МЕТОДА
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.
Ю. СЕЛЬВЕРСТОВА.
МОСКВА
1871.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Нѣмецкое философское государственное право, по своей задачѣ, есть скорѣе искусство, чѣмъ наука.

2. Въ нѣмецкой ученой литературѣ политика-наука не отдѣлена отъ политики-практики.

3. Аренсъ выводитъ понятіе о существѣ и цѣляхъ государства не изъ апріорно постигаемаго существа человѣка и его назначенія, какъ бы слѣдовало по его собственному плану, а изъ наблюденія историческихъ явленій государственной жизни.

4. Характеристическія черты идеальнаго государства Шталя основаны единственно на аналогіи съ царствомъ божіимъ.

5. Абсолютные элементы человѣческой личности, которые Штейнъ кладетъ въ основаніе своей дедукціи организма государства, не включаютъ въ себѣ всѣхъ отдѣльныхъ моментовъ, получаемыхъ въ результатѣ дедукціи, какъ бы слѣдовало съ точки зрѣнія философской методы, на сторонѣ которой стоитъ Штейнъ.

6. Опытные пріемы познанія, которые одни только и допускаются Шмиттеннеромъ, не ведутъ къ рѣшенію задачи его идеальнаго государственнаго права.

7. Исходными точками философскаго государственнаго права Моля служатъ понятія, добытыя наблюденіемъ.

8. Общее право Блюнчли есть только обобщеніе историческаго права. Источники общаго права совершенно сливаются у него съ источниками права положительнаго.

9. Пріемы исторической школы, хотя и усвояются всѣми сторонниками соединенной методы,—не ведутъ, однако, къ рѣшенію задачи философскаго права.

10. Смутныя стремленія сторонниковъ соединенной методы, съ одной стороны, къ выведенію свойствъ государства изъ свойствъ человѣческой природы, а съ другой, къ наблюденію историческихъ явленій государственной жизни — приводятся въ гармонію и получаютъ ясную и совершенно правильную постановку только въ «положительной методѣ».

Печатано съ разрѣшенія Декана Юридическаго Факультета Моск. Императорскаго Университета.

Типографія Грачева и к., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

Предисловіе.

Предлагаемые вниманію читателя очерки имѣютъ задачей разъясненіе только двухъ тѣсно другъ съ другомъ связанныхъ вопросовъ о задачѣ и методѣ государственныхъ наукъ.

Опредѣляя возможно точно объемъ своего труда, авторъ можетъ надѣяться, что ему не будетъ вмѣнено въ вину, что онъ неисчерпываетъ всего содержанія тѣхъ ученій, на которыхъ останавливается. Полное изложеніе современныхъ взглядовъ на государство съ его устройствомъ и управленіемъ внѣ предѣловъ настоящихъ очерковъ. Если авторъ мѣстами и дѣлаетъ краткія характеристики тѣхъ или другихъ ученій въ цѣломъ, то только въ видахъ разъясненія методологическихъ пріемовъ разбираемыхъ имъ писателей.

Таже опредѣленность задачи да воздержитъ читателя и отъ всякихъ выводовъ относительно значенія нѣмецкой философіи вообще. Если авторъ и оста-

навливается на философскихъ пріемахъ, то только въ ихъ примѣненіи къ обработкѣ вопросовъ государственнаго права. Изъ его сужденій о значеніи философской методы для науки о государствѣ, какъ бы они ни были неблагопріятны для этой методы, нельзя еще ничего выводить въ предосужденіе этой методы какъ въ собственной области философіи, такъ и во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ вѣдѣнія, гдѣ она можетъ оказаться на своемъ мѣстѣ. Общаго и въ высокой степени важнаго вопроса о научномъ достоинствѣ нѣмецкой философіи, какъ совершенно чуждаго его задачѣ, авторъ не имѣлъ возможности касаться.

Москва. Февраль, 1871.

Содержаніе.

Введеніе. С. 1.

Наука о государствѣ съ нѣмецкой точки зрѣнія С. 4.

Наука государственнаго права. С. 5.

Политика. С. 12.

Общее ученіе о государствѣ. С. 27.

Наука объ обществѣ. С. 29.

Наука о государствѣ съ французской и англійской точки зрѣнія. С. 33.

Чистая наука. С. 34.

Прикладная наука и практика. С. 43.

Метода изслѣдованія въ нѣмецкой наукѣ. С. 47.

Чисто философская метода. С. 53.

Раціонализмъ. С. 53. Кантъ. С. 58. Гросъ. С. 63. Роттекъ. С. 64. Гегель. С. 67.

Попытки соединенія философской методы съ наблюденіемъ. С. 77.

Аренсъ. С. 78. Шиллингъ. 97. Шталь. С. 101. Бишофъ. С. 108. Штейнъ. С. 108. Шмиттеннеръ. С. 122. Робертъ Моль. С. 130. Блюнчли. С. 142.

Чистое наблюденіе. С. 148.

Пріемы исторической школы. С. 149. Опытные пріемы сторонниковъ соединенной методы. С. 153. Захарія. С. 157. Эшеръ. С. 170.

Приложеніе. Отзыты нѣмецкихъ ученыхъ о состояніи нѣмецкой науки. С. 171.

Метода изслѣдованія во французской и англійской наукѣ. С. 178.

Ог. Контъ, Д. Ст. Милль и Корн. Льюсъ. С. 178.

Теорія положительной методы. С. 181.

Наведеніе. С. 191.

Непримѣнимость методы различія, согласія, сопутствующихъ измѣненій и остатковъ къ рѣшенію политическихъ вопросовъ. С. 191. Возраженія Льюса, С. 198, — Моля, С. 205. Наведеніе чрезъ простое перечисленіе. С. 206. Эмпирическіе законы. С. 209.

Выведеніе. С. 212.

Приложеніе. Солидарность и единообразіе соціальныхъ явленій. С. 217.

Заключеніе. С. 230.

Введеніе.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что успѣшная разработка всякой науки стоитъ въ самой тѣсной связи съ правильнымъ пониманіемъ ея задачи и ученыхъ пріемовъ. Правильное опредѣленіе задачи науки — указываетъ цѣль, къ которой она должна стремиться; правильное опредѣленіе пріемовъ науки — указываетъ путь, которымъ она должна идти къ цѣли.

Несмотря на основную важность этихъ двухъ вопросовъ и сѣдую древность науки о государствѣ, еще и до сихъ поръ по отношенію ко многимъ и главнѣйшимъ отдѣламъ этой науки не установилась ни ея задача, ни метода. Литература науки представляетъ примѣры разнообразнѣйшаго пониманія этихъ вопросовъ. У однихъ писателей наука о государствѣ является въ видѣ естественнаго, философскаго или общаго государственнаго права, у другихъ въ видѣ политики, у третьихъ въ видѣ политической философіи, соціологіи, соціальной политики и т. д. Это не разныя только названія одного и того же по существу предмета; разницѣ въ имени всегда соотвѣтствуетъ большая или меньшая разница и во взглядѣ на задачу науки. Не меньшее разнообразіе представляютъ и пріемы изученія (метода). Мы встрѣчаемся здѣсь со всѣми возможными способами, начиная съ дедуктивнаго и строго философскаго въ нѣмецкомъ смыслѣ этого слова и оканчивая индуктивнымъ, въ томъ смыслѣ, какъ индукція примѣняется напримѣръ къ химическимъ изслѣ-

дованіямъ. И на сторонѣ каждаго изъ этихъ нерѣдко взаимно исключающихъ другъ друга пониманій задачи науки и ея методы — можно указать людей одинаково пользующихся высокимъ положеніемъ въ ученомъ мірѣ.

Въ виду такого разнообразія мнѣній по двумъ основнымъ вопросамъ, каждому, изучающему государство и его явленія, необходимо стать на сторонѣ того, или другаго мнѣнія, необходимо высказаться, что разумѣетъ онъ подъ наукой о государствѣ и какую методу считаетъ правильной, ибо нѣтъ ни науки о государствѣ, ни методы, которыя пользовались бы всеобщимъ признаніемъ, которыя подразумѣвались бы сами собой, отступленіе отъ которыхъ съ точки зрѣнія современной науки было бы невозможностью. Уясненіе этого вопроса и составляетъ задачу настоящаго труда.

Въ объясненіе хода послѣдующаго изложенія необходимо сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Изъ общей массы наукъ о государствѣ мы выдѣляемъ науку положительнаго государственнаго права. Указанное разномысліе къ этой наукѣ не относится: изученіе положительнаго государственнаго права покоится на твердыхъ основаніяхъ, литература предмета не представляетъ никакихъ сомнѣній ни относительно задачи такого изученія, ни относительно его пріемовъ. Наука положительнаго права есть наука чисто прикладная. Ея задача—разъяснить положительное право въ его началахъ и послѣдствіяхъ, въ видахъ примѣненія его положеній къ ежедневнымъ потребностямъ жизни. Она отправляется отъ данныхъ источниковъ извѣстнаго положительнаго права и при посредствѣ установившихся пріемовъ толкованія должна дать — систематическое изложеніе нормъ этого права. Поставленный выше вопросъ относится къ такъ называемой теоріи государственнаго права, а не къ положительному государственному праву.

Вопросъ о методѣ, т. е. о тѣхъ пріемахъ, которыми наука пользуется для добыванія своихъ истинъ, стоитъ въ тѣсной свя-

зи съ самымъ взглядомъ на задачу науки: метода до нѣкоторой степени уже предопредѣляетъ характеръ науки. А потому оба вопроса могутъ быть достаточно разъяснены только въ связи одинъ съ другимъ. Хотя для удобства изложенія мы и раздѣляемъ нашъ трудъ на двѣ части и въ первой останавливаемся преимущественно на задачѣ науки, а во второй на ея методѣ,— но эти двѣ части не совершенно разъединены между собой: въ первой мы говоримъ о задачѣ науки только то, что должно и можно сказать объ этомъ предметѣ независимо отъ вопроса о методѣ, во второй же, говоря о методѣ, мы будемъ останавливаться и на задачѣ, на сколько это нужно для возможно полнаго разъясненія разсматриваемыхъ вопросовъ.

Несмотря на все разнообразіе мнѣній отдѣльныхъ ученыхъ, нѣмецкая литература, благодаря особенностямъ нѣмецкаго національнаго духа и преданіямъ нѣмецкой философской науки, представляетъ нѣкоторыя характеристическія общія черты, отличающія ее — по крайней мѣрѣ въ цѣломъ — отъ литературы французской и англійской. Это послужило намъ основаніемъ для выдѣленія взглядовъ нѣмецкихъ ученыхъ въ особую группу, отдѣльную отъ той, въ которой мы останавливаемся на взглядахъ англичанъ и французовъ. Но это различіе во взглядахъ на науку и ея пріемы, условливаемое различіемъ національностей, можетъ быть допущено только въ общихъ чертахъ и ни какъ не должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что ни одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ не приближается ко взглядамъ, высказаннымъ французами или англичанами, и обратно. При давно установившейся связи народовъ запада — такое обособленіе есть дѣло невозможное. Хотя общеніе ученыхъ въ вопросахъ науки о государствѣ и не достигло еще того развитія, какое было бы желательно въ интересахъ самой науки, тѣмъ не менѣе оно существуетъ. Не беря на себя спеціальной задачи прослѣдить часто весьма скрытую исторію вліяній ученыхъ одной національности на ученыхъ другой, мы будемъ —

гдѣ слѣдуетъ — указывать на аналогическія явленія и въ литературахъ разныхъ народовъ.

Наука о государствѣ съ нѣмецкой точки зрѣнія.

Несмотря на величайшее разнообразіе во взглядахъ на науку о государствѣ, при чемъ едва ли можно указать два взгляда совершенно между собой согласные, нѣмецкая литература представляетъ, однако, возможность обозначить нѣкоторыя главныя направленія, около которыхъ группируется болѣе или менѣе значительное число писателей, согласныхъ между собой, если не во всѣхъ частностяхъ, то — по крайней мѣрѣ — въ общихъ чертахъ. Первое мѣсто среди такихъ болѣе или менѣе общихъ взглядовъ принадлежитъ высказываемому значительнымъ большинствомъ нѣмецкихъ ученыхъ требованію — двухъ отдѣльныхъ наукъ о государствѣ: науки государственнаго права и науки государственнаго искусства или политики, различныхъ между собой какъ по своимъ задачамъ, такъ и по ученымъ пріемамъ. Это требованіе выставляется какъ послѣднее слово новѣйшей науки въ ея противоположности съ наукой старой. — Почти всѣ ученые, признающіе необходимость двухъ отдѣльныхъ наукъ о государствѣ, признаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость еще третьей науки, служащей какъ бы общимъ введеніемъ къ выше обозначеннымъ двумъ. Эта третья наука извѣстна подъ именемъ общаго ученія о государствѣ (allgemeine Staatslehre). Наконецъ, нѣкоторые ученые, хотя и далеко не въ такомъ значительномъ числѣ, высказываются въ пользу существованія еще особой науки объ обществѣ, отдѣльной отъ наукъ государственныхъ. Таково положеніе разсматриваемаго нами вопроса въ Германіи. Мы остановимся отдѣльно на уясненіи задачи каждой изъ помянутыхъ наукъ.

1. НАУКА ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА.

Наука государственнаго права является подъ разными именами. Такъ какъ названіе въ настоящемъ случаѣ не безразлично, а выражаетъ до нѣкоторой степени самую суть дѣла, то мы и приведемъ для примѣра употребительнѣйшія изъ обозначеній этой науки. Разработкѣ теоретическаго государственнаго права посвящены труды, носящіе имя: естественнаго права (Naturrecht), общаго государственнаго права (allgemeines Staatsrecht), философскаго государственнаго права (philosophisches Staatsrecht), философіи права (Philosophie des Rechts), философской науки о правѣ (philosophische Rechtswissenschaft) и пр. Несмотря на все разнообразіе точекъ отправленія и ученыхъ пріемовъ, которое замѣчается у отдѣльныхъ изслѣдователей, всѣ сочиненія, посвященныя наукѣ государственнаго права, преслѣдуютъ одну общую задачу. Эта задача, выражающаяся въ самомъ названіи науки (естественное право, философское право и пр.), заключается въ установленіи нормъ государственнаго права или въ видѣ общихъ только началъ, или даже въ подробностяхъ, въ видѣ частныхъ положеній по разнымъ отдѣламъ государственнаго права. Въ этомъ видѣ — правилъ науку естественнаго или философскаго права находимъ въ распространеннѣйшемъ въ свое время учебникѣ Карла Гроса. Философское ученіе о правѣ или философію права Гросъ опредѣляетъ какъ науку о томъ, что устанавливается практическимъ разумомъ, какъ законодательствомъ внѣшней свободы (т. е. какъ науку о тѣхъ нормахъ, которыя установляются практическимъ разумомъ) [1]. Согласно съ этимъ, общее государственное право является у него, какъ ученіе о необходимыхъ правовыхъ отношеніяхъ между государствомъ и

[1] K v. Gros, Lehrbuch der philosophischen Rechtswissenschaft, oder des Naturrechts, 5-oe изд., 1829, § 41.

отдѣльными лицами (§ 48). Въ томъ же духѣ высказываются и тѣ изъ новыхъ писателей, которые берутъ на себя трудъ установить понятіе своей науки. Такъ у Р. Моля философское государственное право есть система правовыхъ нормъ [1]). У Шиллинга естественное право является какъ совокупность правовыхъ началъ и правовыхъ истинъ, и наука естественнаго права есть систематическое изложеніе этихъ основныхъ и общихъ началъ права [2]). У Аренса наука о государствѣ также имѣетъ задачей представить «совокупность нормъ и учрежденій государственныхъ» [3]). Въ своемъ «органическомъ ученіи о государствѣ» онъ дѣлаетъ попытку опредѣлить эти нормы и учрежденія. Говоря напримѣръ объ общихъ свойствахъ государственной власти, онъ выставляетъ какъ необходимое требованіе для каждаго государства — учрежденіе національныхъ представителей, суда присяжныхъ и мѣстнаго самоуправленія [4]). Въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ болѣе частныя правила относительно учрежденія народнаго представительства: — требуетъ двухъ палатъ и входитъ въ опредѣленіе состава каждой (гл. III). Говоря о раздѣленіи властей, Аренсъ выставляетъ такое правило: правительственная власть должна имѣть участіе въ законодательствѣ (гл. IV, § 2) и т. д. Вездѣ правила, вездѣ попытка опредѣлить то, что должно быть. Въ этомъ заключается преобладающее направленіе нѣмецкой науки о государственномъ правѣ и преобладающее до такой степени, что мы встрѣ-

---

[1]) R. v. Mohl, Encyklopädie der Staatswissenschaften, 1859, § 23.

[2]) F. Schilling, Lehrbuch des Naturrechts, oder der philosophischen Rechtswissenschaft, 1859—65. § 13. — Подобное же опредѣленіе даетъ и Schmithenner въ своихъ Grundlinien des allgemeinen oder idealen Staatsrechts, 1845, III, стр. 14.

[3]) Ahrens, Naturrecht oder Philosophie des Rechts und des Staates, 1870, стр. 387, ср. еще § 1, гдѣ подъ задачей философскаго права разумѣется установленіе цѣлой системы правовыхъ началъ для всѣхъ областей государственнаго права.

[4]) Organische Staatslehre, 1850, гл. IV, § 1.

чаемся съ нимъ даже и у тѣхъ писателей, которые во многомъ существенномъ отступаютъ отъ господствующаго въ Германіи типа научныхъ изслѣдованій. Таковъ напримѣръ Блюнчли. Задачу общаго государственнаго права онъ опредѣляетъ иначе, это не система нормъ права, тѣмъ не менѣе въ текстѣ его общаго государственнаго права мы не разъ встрѣчаемся съ попытками установить нормы права [1]).

Въ основаніи такого пониманія задачи философскаго или естественнаго права, лежитъ вѣра въ существованіе рядомъ съ положительнымъ правомъ—еще права философскаго, или естественнаго, которое должно дать нормы государственной жизни, необходимыя по самой своей идеѣ и могущія служить вѣчнымъ идеаломъ для каждаго дѣйствительнаго государства. Съ совершенной ясностью высказываетъ это убѣжденіе Рёдеръ. Задача естественнаго права или философіи права заключается, по его мнѣнію, въ установленіи такого понятія о правѣ и государствѣ, которое было бы независимо отъ времени и пространства, случая и произвола, и такъ же неизмѣнно, какъ неизмѣненъ разумъ, его идеи и законы. И далѣе: безъ такой чистой, единой и вездѣ дѣйствующей (allgemeingültig) истины о правѣ и неправдѣ невозможно осуществленіе права въ жизни [2]). Подобно этому Шмиттеннеръ называетъ свое общее государственное право масштабомъ, годнымъ для всѣхъ временъ [3]). Что касается до отношенія этого идеальнаго порядка къ положительному праву, то оно понимается весьма различно. У однихъ это и есть настоящее дѣйствующее право, положительное же право признается только на столько, на сколько согласно съ естественнымъ, едва же оно расходится съ нимъ, оно перестаетъ

---

[1]) Blüntschli, Allgemeines Staatsrecht, 1857, см. для примѣра книга 6, гл. II.

[2]) Röder, Grundzüge des Naturrecht oder der Rechtsphilosophie. 1860 2-ое изд., стр. 2—3.

[3]) В. н. с. §. 5.

быть правомъ и имѣетъ значеніе только фактическаго состоянія. Таковъ напримѣръ взглядъ Роттека [1]). Но гораздо многочисленнѣе тѣ писатели, которые въ естественномъ правѣ видятъ только идеальный порядокъ вещей, къ которому дѣйствительныя государства должны по возможности приближаться. Въ этомъ смыслѣ высказываются Рёдеръ и Аренсъ [2]). Къ этой же категоріи можно отнести и Р. Моля, по мнѣнію котораго философское право хотя и не имѣетъ внѣшней силы положительнаго, но представляетъ вѣрный масштабъ для его обсужденія и надежный источникъ для исправленія его непослѣдовательностей и пополненія недостающихъ положеній [3]). Совершенно въ томъ же духѣ высказываетъ и Шиллингъ [4]).

И такъ, наука государственнаго права должна дать самыя нормы права и опредѣлить государственныя учрежденія, она должна отвѣтить на вопросъ, что должно быть? Этотъ взглядъ такъ безспорно признается всѣми, допускающими особую философскую науку государственнаго права, и съ такою необходимостью вытекаетъ изъ лежащаго въ его основаніи предположенія о существованіи рядомъ съ положительнымъ правомъ еще права естественнаго или философскаго,—что мы можемъ ограничиться тѣми немногими ссылками на авторовъ, которыя сдѣлали выше и притомъ не столько съ цѣлью доказать существованіе такого взгляда, сколько для того, чтобы охарактеризовать его подлинными словами нѣмецкихъ авторитетовъ.

Нѣмецкая наука государственнаго права—чрезвычайно близко сходится, такимъ образомъ, по своей задачѣ съ наукой положительнаго права, существенно различаясь, однако, отъ этой послѣдней своими источниками. Философское или естественное право также должно представить систему нормъ въ руководство

---

[1]) Rotteck, Lehrbuch des Vernunftrechts und der Staatswissenschaften, 1830, т. I, стр. 1, т. II, стр. 74—77.

[2]) Röder в. н. с. т. I. стр. 36, 40 и сл.; Ahrens, Naturrecht, § 2.

[3]) В. н. с. § 25. [4]) В. н. с. § 26.

дѣйствительности. Но эти нормы отвлекаются не изъ данныхъ источниковъ положительнаго права, а изъ своихъ особыхъ, которые—по различію философскихъ системъ—отдѣльными философами понимаются весьма различно. По мнѣнію однихъ—этимъ источникомъ служитъ разумъ человѣческій, по мнѣнію другихъ естественное право начертано «въ сердцѣ человѣка и родится вмѣстѣ съ нимъ» и т. д. Есть, однако, и такіе, которые—на ровнѣ съ положительнымъ правомъ—признаютъ своими источниками—обычай и законъ, съ тѣмъ только различіемъ, что на основаніи этихъ источниковъ они усиливаются создать систему «общаго права», если не для всѣхъ возможныхъ государствъ, то для цѣлаго однороднаго класса ихъ (Гельдъ, Блюнчли). Съ практической точки зрѣнія все ученіе запечатлѣвается характеромъ проповѣди; тотъ или другой авторъ, выставляя свои идеальныя нормы въ образецъ дѣйствительной государственной жизни, старается доказать, что съ принятіемъ этихъ нормъ будутъ устранены всѣ возможныя недостатки современнаго государственнаго устройства и управленія. Этимъ характеромъ проповѣди проникнута не одна тенденціозная философія Роттека или Шталя; проповѣдь не менѣе слышится и у Аренса.

Значеніе такой науки о государствѣ съ должной обстоятельностью можетъ быть выяснено только позднѣе, когда мы будемъ говорить о методѣ, при чемъ остановимся ближе и на способѣ происхожденія (источникахъ) тѣхъ нормъ права, которыя выставляетъ философская наука. Теперь же въ цѣляхъ обсужденія этой науки считаемъ возможнымъ сдѣлать слѣдующія два замѣчанія.

1. Цѣль нѣмецкой философской науки о государствѣ далеко расходится съ реальными условіями жизни, а потому есть основаніе сомнѣваться въ пользѣ ея осуществленія. Дѣйствительныя условія человѣческой жизни представляютъ крайнее разнообразіе. Нѣтъ возможности найти даже двухъ государствъ,

потребности которыхъ были бы совершенно сходны, народы которыхъ не разнились бы между собой по степени развитія, характеру своихъ національныхъ стремленій и пр. Въ виду этого невозможно выставить одну систему права, которая могла бы быть пригодна всѣмъ государствамъ, ибо одно можетъ нуждаться въ такихъ учрежденіяхъ, которыя будутъ излишни для другаго. Идеальное государственное право, чтобы пригодится для всѣхъ, должно или отличаться крайней общностью своихъ опредѣленій, и неразлучною съ этой общностью — безсодержительностью, а вслѣдствіе этого и безполезностью для дѣйствительныхъ государствъ, или—войдти въ подробности, но вмѣстѣ съ тѣмъ изобразить столько отдѣльныхъ идеаловъ, сколько разновидностей государствъ представляетъ дѣйствительность[1]). Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ философское право — вмѣсто того, чтобы быть высшей руководительницей жизни, снизойдетъ на степень прислужницы дѣйствительныхъ государствъ.

Если невозможна одна система права, одинъ идеалъ, то еще менѣе возможенъ этотъ идеалъ съ признакомъ вѣчности и пригодности для всего безконечнаго будущаго, какъ идеалъ, далѣе котораго человѣчество идти не должно и не можетъ. Человѣчество находится въ постоянномъ и безконечномъ развитіи, исхода котораго ни какой мудрости не дано предвидѣть. Попытка разъ на всегда установить характеръ государственныхъ учрежденій — противорѣчитъ, такимъ образомъ, идеѣ прогресса, она вноситъ въ жизнь и движеніе элементъ застоя и смерти.

2. Задача нѣмецкой философіи права не есть задача чистой науки, это скорѣе задача науки прикладной, или искусства. Чистая наука изучаетъ явленія съ точки зрѣнія ихъ свойствъ и взаимной зависимости одного отъ другаго. Она не говоритъ, что должно быть, а указываетъ только на то, какъ что-либо есть и почему. Сказать, что что-либо должно быть, значитъ—

---

[1]) Именно такой опытъ дѣлаетъ Р. Моль въ своей энциклопедіи права.

создать нѣчто новое, хотя и изъ существующихъ элементовъ; а это и есть дѣло творчества, только оно имѣетъ силу призвать къ жизни — еще не существующее. Вся нѣмецкая философія права проникнута этимъ элементомъ творчества, а потому и должна быть отнесена къ области искусствъ, или прикладныхъ наукъ, а не наукъ чистыхъ [1]).

Высказываясь такимъ образомъ, мы далеки отъ мысли отрицать всякое значеніе нѣмецкой философіи государственнаго права. Мы хотѣли бы только указать принадлежащее ей мѣсто въ ряду существующихъ въ европейской литературѣ пониманій науки. Съ этой точки зрѣнія нѣмецкой наукѣ государственнаго права не можетъ принадлежать значеніе науки чистой. Но какъ попытка выставить образцы лучшаго устройства государственной жизни, она имѣетъ важное значеніе: она сильно возбуждаетъ мысль и даетъ ей болѣе или менѣе опредѣленное направленіе въ стремленіи къ лучшему.

Можно думать, однако, что и сами нѣмецкіе ученые не совершенно удовлетворены созданною ими наукой. Это видно изъ того, что они въ старую форму философскаго или общаго государственнаго права — начинаютъ вливать новое содержаніе. Такую попытку дѣлаетъ Блюнчли. Свое сочиненіе, посвященное государству, онъ называетъ «общимъ государственнымъ правомъ». Общее государственное право это только другое наименованіе философскаго права, задача котораго именно и заключается въ установленіи общихъ, вездѣ имѣющихъ значеніе началъ; въ силу такой задачи всякое философское право можетъ

---

[1]) Въ различеніи наукъ чистыхъ и прикладныхъ, или искусствъ, мы слѣдуемъ указаніямъ французскихъ и англійскихъ писателей. См. Mill A system of logik, т. II, кн. VI, гл. XII, G. C. Lewis, A treatise on the methods of observation and reasoning in politics, т. II, гл. XX, и Buchez, Traité de politique et de science sociale т. I, стр. 45 и сл., т. II, стр. 439 и сл. Подробнѣе на этомъ вопросѣ мы остановимся ниже.

быть названо общимъ [1]). Но подъ этимъ старымъ названіемъ Блюнчли разумѣетъ совершенно новую науку, задача которой не въ установленіи единыхъ и вѣчныхъ нормъ права, а только въ раскрытіи сознанія современнаго человѣчества о правѣ и въ объясненіи — съ этой точки зрѣнія — главнѣйшихъ явленій государственной жизни [2]). Такимъ образомъ, въ старую форму прокрадывается новый духъ. Не имѣя съ ней ничего общаго, онъ по необходимости кончитъ тѣмъ, что разложитъ эту форму и явится въ новой, ему наиболѣе свойственной.

Признаки той же неудовлетворенности можно видѣть и въ стремленіи нѣмецкихъ ученыхъ подлѣ философіи права создать другую науку о государствѣ, отличную отъ нея по задачѣ и по пріемамъ, науку не философскую, а опытную, къ разсмотрѣнію которой мы теперь и обратимся.

2. политика.

Мы уже выше замѣтили, что необходимость политики, какъ особой науки о государствѣ, признается значительнымъ большинствомъ нѣмецкихъ ученыхъ. Это большинство согласно, однако, только въ общей характеристикѣ этой науки, въ опредѣленіи же точнаго ея понятія (Begriff'a) оно снова распадается на части. Что касается общей характеристики, то можно считать установившимся взглядъ на политику, какъ науку опытную и практическую, въ противоположность къ философіи права, наукѣ — съ нѣмецкой точки зрѣнія — чистой, основной и строго философской. Политика разсматривается какъ наука государственнаго искусства (Staats Kunstlehre); ея задача —

[1]) Шиллингъ, в. н. с., § 13: „Естественное право въ смыслѣ науки — называется еще философіей права: кромѣ того, оно же называется и общимъ государственнымъ правомъ, по причинѣ общности (Algemeingültigkeit) его началъ".

[2]) В. н. с., Введеніе, гл. IV.

разработка средствъ, ведущихъ къ достиженію цѣлей государства.

Въ основаніи этой практической науки государственнаго искусства лежитъ совершенно вѣрное предположеніе о томъ, что то или другое государство съ его особеннымъ устройствомъ и управленіемъ не есть само себѣ цѣль, что оно имѣетъ извѣстное опредѣленное назначеніе, къ осуществленію котораго и должно стремиться. Смотря по тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находится данное государство, назначеніе его можетъ быть различно. Въ одно время своего бытія и при однихъ условіяхъ развитія — ему можетъ предлежать одна цѣль, въ другихъ — другая. Далѣе предполагается, что всѣ эти временныя цѣли должны сливаться въ одно цѣлое и вести къ одной высшей, составляющей единую и общую задачу жизни человѣка на землѣ. Если цѣли могутъ быть различны, то еще большее разнообразіе представляютъ средства, ведущія къ ихъ осуществленію. Одна и та же цѣль можетъ быть достигнута разными средствами смотря по состоянію государства и въ дѣйствительности достигается не абсолютно лучшими, а тѣми, которыя въ данное время были на лицо. Изученіе этихъ то средствъ и ихъ относительной годности для достиженія какъ временныхъ, такъ и единой вѣчной цѣли и составляетъ самостоятельную задачу политики.

Переходя отъ этой общей характеристики къ опредѣленію отдѣльными учеными понятія политики, мы встрѣчаемся съ весьма существенными различіями. Не останавливаясь на всѣхъ частныхъ видоизмѣненіяхъ понятія политики, мы укажемъ только на два главнѣйшихъ направленія. Особенность перваго направленія, на сторонѣ котораго стоятъ Гросъ, Моль и Шиллингъ, заключается въ томъ, что задача политики ограничена изученіемъ однихъ средствъ, при помощи которыхъ могутъ быть достигнуты цѣли государства. Опредѣленіе же самыхъ цѣлей, къ которымъ должно стремиться государство, отнесено

къ области или философской науки государственнаго права, или общаго ученія о государствѣ, особой науки, о которой мы будемъ говорить ниже [1]). Второе направленіе понимаетъ задачу политики шире, къ ея области оно относитъ не только изученіе средствъ, но и самыхъ цѣлей государства. Къ этому направленію принадлежатъ Бюлау, Блюнчли, Эшеръ [2]). Сравнивая эти два направленія, нельзя не отдать предпочтенія послѣднему. Всего болѣе грѣшатъ тѣ, которые, разрывая цѣли и средства, относятъ изученіе цѣлей къ наукѣ государственнаго права. Это не послѣдовательно даже съ ихъ точки зрѣнія. Въ системѣ права не можетъ быть мѣста спеціальнымъ изысканіямъ о цѣляхъ человѣка вообще и государства въ особенности, по скольку послѣднія условливаются первыми. Моль поступаетъ, конечно, логичнѣе, относя изученіе цѣлей къ особой наукѣ «общему ученію о государствѣ». Но и его мнѣніе нельзя принять по неудобству отдѣльнаго изученія средствъ независимо отъ цѣлей. Средства стоятъ въ самой тѣсной связи съ цѣлями; они могутъ быть изучаемы только въ виду извѣстныхъ цѣлей, а не самостоятельно.

Уяснивъ на сколько можно въ общихъ чертахъ задачу политики, мы остановимся на вопросѣ о томъ, на сколько выполнима разработка этой науки какъ самостоятельной и отдѣльной отъ науки философскаго права. Хотя отдѣленіе политики и выставляется многими нѣмецкими учеными, какъ послѣднее сло-

---

[1]) Перваго мнѣнія держится Гросъ, в. н с. §. 53 и Шиллингъ, в. н. с. § 22; втораго — Моль, Энциклопедія, §§ 11 и 84. — Аренсъ также изученіе цѣлей государства относитъ къ отдѣлу общаго ученія о государствѣ, org. Stl. стр. 78, и задачу политики ограничиваетъ — средствами; хотя къ „средствамъ“ онъ присоединяетъ еще „условія и пути“, но эти два послѣднія понятія мыслятся съ первымъ, а потому и ничего не привносятъ новаго. Naturrecht, § 2.

[2]) Bülau, Encyklopädie der Staatswissenschaften, 1856, § 30; Escher, Handbuch der praktischen Politik, стр. 8. и сл.; Блюнчли, D. St. Wörterbuch, сл. Politik.

во науки, отступленіе отъ котораго считается равнозначительнымъ возвращенію ко времени младенческаго состоянія науки[1]), тѣмъ не менѣе есть весьма серьёзныя причины сомнѣваться въ возможности такого отдѣленія. Для уясненія нашей мысли возьмемъ такое опредѣленіе политики, которое признаютъ всѣ, хотя нѣкоторые и найдутъ его не полнымъ: политика есть наука о средствахъ, ведущихъ къ достиженію цѣлей государственной жизни. Какъ бы различно ни понимались цѣли государства, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что та или другая система государственнаго права и государственныхъ учрежденій—представляетъ также одно изъ разнообразныхъ средствъ къ достиженію этихъ цѣлей. Однѣ цѣли достигаются при учрежденіи рабства и другія — при господствѣ свободы. Рабство въ древнихъ государствахъ и тѣ учрежденія, которыя служатъ гарантіею личной свободы въ новыхъ, — суть, конечно, разныя средства, которыми эти государства достигаютъ своихъ цѣлей. Допустивъ же, что право есть одно изъ средствъ, — мы необходимо придемъ къ слитію философіи права въ одно цѣлое съ политикой, ибо политикѣ также необходимо останавливаться на государственномъ правѣ и государственныхъ учрежденіяхъ и разсматривать ихъ съ точки зрѣнія пригодности для достиженія извѣстныхъ государственныхъ цѣлей. Нѣмецкая наука какъ бы предвидитъ такое возраженіе и старается отразить его слѣдующимъ соображеніемъ: она допускаетъ, что предметъ изученія одинъ и тотъ же, но изучается онъ съ разныхъ точекъ зрѣнія; въ этомъ и различіе разсматриваемыхъ наукъ: политика изучаетъ государственныя учрежденія съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, а философія съ точки зрѣнія права. Нельзя не согласиться, что государственныя учрежденія не толь-

[1]) См. напр. Моля Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, III, 341. Ср. Блюнчли, D. S. W. сл. Staatswissenschaft, Эшера, в. н. с., стр 8 и сл. Впрочемъ послѣдній авторъ крайне стѣсняетъ область философскаго или общаго права.

ко могутъ, но и должны быть разсматриваемы съ этихъ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія: права и политики. Но отсюда нельзя еще выводить, что эти различныя точки зрѣнія могутъ дать основаніе и двумъ совершенно отдѣльнымъ наукамъ. Политика, прежде чѣмъ говоритъ о цѣлесообразности извѣстнаго учрежденія, должна же разобрать его свойства, а при этомъ она не можетъ обойти и вопросовъ права. А это значитъ, что политика по необходимости должна включить въ себя все содержаніе философскаго права. При существованіи политики и философіи права въ формѣ двухъ отдѣльныхъ наукъ, въ первой придется повторять все то, что уже содержится во второй, обогащая только этотъ матеріялъ разными соображеніями о пригодности той или другой системы права для достиженія тѣхъ или другихъ государственныхъ цѣлей. — Но этимъ включеніемъ матеріяла философскаго права сочиненіями, посвященными политикѣ, не исчерпывается еще вся трудность отдѣленія ученія о правѣ отъ ученія о политикѣ. Самая наука права для объясненія своихъ положеній весьма часто нуждается въ соображеніяхъ, относящихся до ихъ пригодности и цѣлесообразности. Безъ такого рода соображеній многія положенія права остались бы непонятными. Такимъ образомъ при изложеніи философскаго права не можетъ быть совершенно обойдена та точка зрѣнія, которая должна бы была составлять исключительное достояніе политики, если только философія права не желаетъ обречь себя на одно сухое изложеніе нормъ права безъ всякой попытки ихъ разъясненія. Точки зрѣнія различны, но гораздо удобнѣе разсматривать единовременно тотъ же самый предметъ съ обѣихъ точекъ зрѣнія. Изложеніе выиграетъ въ полнотѣ и связности.

Это заключеніе о невозможности отдѣленія философіи права отъ политики безъ вреда для обѣихъ наукъ подверждается и ближайшимъ разсмотрѣніемъ тѣхъ опытовъ отдѣльнаго обработыванія этихъ наукъ, которые представляетъ нѣмецкая литература. Самый удобный матеріялъ для такого сравненія дается дву-

мя попытками, принадлежащими перу одного и того же писателя. Мы разумѣемъ философское право и политику Р. Моля, который пытается дать въ своей энциклопедіи образцикъ совершенно отдѣльной разработки этихъ наукъ. Несмотря на то, что мысль о необходимости двухъ отдѣльныхъ наукъ о государствѣ ни кому, можетъ быть, не обязана такъ своимъ распространеніемъ въ Германіи, какъ Р. Молю, собственные его опыты приводятъ къ убѣжденію въ неосуществимости такой мысли. Въ своемъ философскомъ государственномъ правѣ Моль также часто стоитъ на точкѣ зрѣнія политики, какъ и на точкѣ зрѣнія права. Говоря, напримѣръ, о разныхъ формахъ государственнаго устройства, онъ не ограничивается однимъ опредѣленіемъ юридической стороны дѣла, но постоянно дѣлаетъ указанія на бытовыя свойства той или другой формы, съ цѣлью разъяснить случаи ея примѣнимости и, слѣдовательно, пригодности, или цѣлесообразности. Такъ напримѣръ, говоря о демократіи, онъ останавливается на у с л о в і я х ъ, при которыхъ возможна чистая демократія; изъ отсутсвія же этихъ условій заключаетъ къ необходимости демократіи представительной (§ 46). Съ тѣмъ же пріемомъ встрѣчаемся и въ слѣдующемъ параграфѣ, посвященномъ аристократіи, гдѣ Моль высказывается, напримѣръ, противъ пригодности аристократіи денежной. Останавливаясь на разныхъ родахъ монархіи, Моль подвергаетъ оцѣнкѣ относительную пригодность монархіи ограниченной и неограниченной (§ 48), входитъ въ обсужденіе вопроса о томъ, кто долженъ быть избирателемъ въ монархіи представительной въ тѣхъ видахъ, что бы избраніе дало хорошіе результаты. Наконецъ, коснувшись парламентарной системы, разсматриваетъ ее какъ средство для мирнаго разрѣшенія возможныхъ столкновеній между правительствомъ съ одной стороны и народными представителями съ другой. Все это — соображенія цѣлесообразности, безъ которыхъ не можетъ обойтись политика, какъ наука о средствахъ достиженія цѣлей государственныхъ. И Моль, дѣйствительно, относитъ всѣ эти со-

ображенія и къ области политики. Въ параграфѣ 94 этой послѣдней науки, послѣ краткаго обозначенія нѣкоторыхъ главнѣйшихъ формъ государственнаго устройства и способовъ пріобрѣтенія государственной власти, читаемъ: «относящіяся сюда опредѣленія имѣютъ важное значеніе, ибо каждой особенности устройства свойственны и особыя, ей только принадлежащія выгоды и невыгоды; установленіе точныхъ понятій относительно естественныхъ свойствъ государственныхъ учрежденій составляетъ важнѣйшую задачу науки государственнаго искусства». И такъ, всѣ соображенія о естественныхъ свойствахъ разныхъ формъ государственнаго устройства — дѣло политики. Моль не повторяетъ этихъ соображеній въ политикѣ только потому, что они были высказаны уже прежде — въ философскомъ правѣ и, слѣдовательно, извѣстны читателю. Но оттого его опытъ политики, лишенный своего необходимаго содержанія, скорѣе даетъ программу этой науки, чѣмъ самую науку.—Если бы Моль былъ послѣдователенъ и сталъ съ должною подробностью говорить въ своей политикѣ о томъ, о чемъ въ ней, по его же мнѣнію, говорить должно, т. е. о свойствахъ разныхъ формъ государственнаго устройства съ точки зрѣнія ихъ пригодности, ему пришлось бы охарактеризовать эти формы и съ точки зрѣнія права, а это значило бы повторить въ политикѣ все то, что было сказано въ философскомъ государственномъ правѣ. Изложеніе обѣихъ наукъ у Моля такъ сходится и по предметамъ и по точкамъ зрѣнія, что нѣтъ возможности провести между ними какую либо разграничительную черту [1]).

---

[1]) Укажемъ для примѣра на нѣкоторыя мѣста. Въ философскомъ правѣ на стр. 217 и 271 устанавливается принципъ независимости судей и приводятся основанія, дѣлающія этотъ принципъ однимъ изъ существенныхъ условій всякаго правильнаго государственнаго устройства. По такъ какъ принципъ независимости судей чисто политическаго свойства, то объ немъ приходится говорить и въ политикѣ, хотя во избѣжаніе повтореній, покороче.—На стр. 264 читаемъ: «З а д а ч а государства, установить и поддерживать твердый порядокъ права, будетъ достигнута только тогда, когда бу-

Р. Моль, сколько намъ извѣстно, единственный писатель, взявшій на себя трудъ представить образчикъ обработки обѣихъ наукъ. Отъ другихъ сторонниковъ того же взгляда о необходимости двухъ отдѣльныхъ наукъ мы имѣемъ только сочиненія по какому либо одному предмету: или по праву, или по политикѣ. Но и въ этомъ случаѣ сравненіе приводитъ къ тому же заключенію. Для примѣра можно указать на «общее государственное право» Блюнчли и «политику» Эшера. Оба автора признаютъ необходимость отдѣленія и оба весьма близко сходятся въ своихъ взглядахъ на политику. Тѣмъ не менѣе, что одинъ даетъ въ политикѣ, то находимъ въ государственномъ правѣ другаго. Эшеръ, разсматривыя формы государственнаго устройства съ точки зрѣнія ихъ естественныхъ свойствъ и пригодности, что прилично политикѣ, вездѣ установляетъ и юридическія понятія учрежденій, т. е. разсматриваетъ ихъ и съ точки зрѣнія права. Блюнчли, предлагая публикѣ общее государственное право, долженъ, конечно, изучать разсматриваемыя имъ государственныя учрежденія съ юридической стороны; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нисколько не менѣе Эшера останавливается и на оцѣнкѣ ихъ свойствъ и пригодности, т. е. разсматриваетъ ихъ съ точки зрѣнія политики. Можно

детъ сдѣлано все необходимое какъ для предупрежденія нарушеній права, такъ и для возстановленія нарушеній уже совершившихся. Для этой цѣли необходима: 1. предупредительная юстиція» и т. д. Можно подумать, что эта стр. взята изъ политики, ибо здѣсь говорится о средствахъ для достиженія одной изъ задачъ государства. На дѣлѣ не такъ; приведенное мѣсто есть начало § 35 философскаго государственнаго права.—На стр. 357 читаемъ: «въ монархіяхъ наслѣдственныхъ точное опредѣленіе порядка наслѣдованія, исключающее всякое сомнѣніе и всякія неосновательныя притязанія, составляетъ высшій и важнѣйшій государственный законъ»; а на стр. 641: „въ вопросѣ охраненія правъ гражданства, какъ и во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ, можетъ принести доброе дѣйствіе хорошо расчитанная система наказаній». Сравнивая эти мѣста можно подумать, что оба взяты изъ политики, ибо и въ томъ въ другомъ указываются средства, ведущія къ извѣстнымъ цѣлямъ. Въ дѣйствительности только второе принадлежитъ политикѣ,—первое взято изъ философскаго права.

безъ преувеличенія сказать, что изъ «политики» Эшера читатель можетъ на столько же, если не больше, познакомиться съ государственнымъ правомъ, какъ и изъ «общаго государственнаго права» Блюнчли [1]). Такъ мало самостоятельны эти науки и такъ глубоко заходятъ онѣ одна въ другую.

При такой неосуществимости отдѣленія, неудивительно, что оно всегда имѣло своихъ противниковъ. Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ Карлу Саломону Захаріе, который въ своихъ знаменитыхъ «сорока книгахъ о государствѣ» не только не слѣдуетъ дѣленію, но и положительно высказывается противъ него. Захаріе допускаетъ различіе точекъ зрѣнія права и политики, но не думаетъ, чтобы на основѣ этого различія можно было создать двѣ отдѣльныя науки [2]). Болѣе близкіе къ намъ по времени противники дѣленія не поднимаютъ голоса противъ принципа дѣленія, какъ это сдѣлалъ Захаріе, а только не слѣдуютъ ему въ своихъ сочиненіяхъ. Сюда можно отнести Дальмана и Вайца. Оба ограничиваются молчаливымъ сопротивленіемъ, которое выражается въ томъ, что они въ изданныхъ ими политикахъ, разсматриваютъ государственныя учрежденія какъ съ точки зрѣнія права, такъ и съ точки зрѣнія цѣлесообразности [3]). Къ этому же роду молчаливыхъ противниковъ можно приписать Лоренца Штейна и Фолльграффа [4]). Штейнъ на сколько намъ извѣстно нигдѣ не высказывается противъ дѣленія, но

---

[1]) То обстоятельство, что Эшеръ вводитъ въ свою политику множество предметовъ, которыхъ вовсе не касается Блюнчли въ своемъ общемъ государственномъ правѣ нисколько не противорѣчитъ сдѣланному въ текстѣ заключенію, ибо мы сравниваемъ только тѣ отдѣлы книги, въ которыхъ оба автора говорятъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ.

[2]) Karl Salomo Zachariae, Vierzig Bücher vom Staate, 1832, I часть, стр. 170 и слѣд.

[3]) Dahlmann, Die Politik, 1847; Waitz, Grundzüge der Politik, 1862.

[4]) L. Stein, System der Staatswissenschaft, 1852—56, къ разсматриваемому вопросу относятся: I, 20 и слѣдующія, II, 51 и слѣдующія; Die vollziehende Gewalt, 1869, I, 32.—Karl Vollgraff, Staats und Rechtsphilosophie 1864.

въ своей «Системѣ государственныхъ наукъ» не упоминаетъ политики, какъ особой науки; въ изложеніи же вездѣ держится совмѣстно обѣихъ точекъ зрѣнія. Подобно этому и Фольграффъ не высказывается ни за ни противъ дѣленія, но въ своей философіи права и государства еще въ большой мѣрѣ стоитъ на точкѣ зрѣнія политики, чѣмъ права [1]).

Что касается отношенія политики къ философскому праву, то обѣ науки разсматриваются какъ самостоятельныя. Т. е. политика, хотя и искусство, не есть наука прикладная по отношенію къ философіи, какъ наукѣ чистой; она не черпаетъ изъ этой послѣдней выработанные ею законы и нормы для приложенія къ извѣстнымъ практическимъ цѣлямъ, какъэто дѣлаетъ напримѣръ строительная наука (тоже искусство) по отношенію къ геометріи, или технологія по отношенію къ физикѣ и химіи. Политика, наоборотъ, сама разработываетъ свои вопросы, ничего не заимствуя отъ философіи права.

Такова задача второй самостоятельной науки о государствѣ. Согласно взгляду самихъ нѣмцевъ, это не чистая наука, а прикладная, наука государственнаго искусства, ея назначеніе указать средства, при помощи которыхъ могутъ быть достигнуты извѣстныя цѣли. Идея прикладной науки—сама по себѣ—совершенно законна. Такія науки возникаютъ всякій разъ, какъ только является возможность воспользоваться научными данными для потребностей дѣйствительной жизни. Такъ возникли—технологія, строительныя науки въ ихъ многообразныхъ развѣтвленіяхъ, наука мореплаванія, практическая медицина и пр. Но каждая прикладная наука предполагаетъ существованіе одной или нѣсколькихъ чистыхъ наукъ, изъ которыхъ она и черпаетъ свои основанія; правильная разработка прикладныхъ наукъ возможна только при значительной степени разработки наукъ чистыхъ.—

[1]) Кантъ въ своемъ ученіи о государствѣ также разсматриваетъ государственныя учрежденія съ обѣихъ точекъ зрѣнія: установляетъ начала права и даетъ совѣты.

Вторая наука о государствѣ, какъ прикладная, имѣла бы все свое значеніе, если бы рядомъ съ нею существовала наука чистая, но таковой нѣмецкая литература не выработала. Философія права, какъ мы видѣли, есть чистѣйшее творчество и даже къ разряду прикладныхъ наукъ можетъ быть отнесена только съ натяжкою. При отсутсвіи же чистой науки—двѣ прикладныхъ, двѣ науки государственнаго искусства лишены своего необходимаго теоретическаго основанія. Если бы мы даже и приняли нѣмецкій взглядъ, покоторому философія права есть наука чистая и основная,—то и это нисколько не помогло бы дѣлу установленія правильнаго отношенія между второй наукой, какъ прикладной, и первой, какъ чистой. Ибо по тому же нѣмецкому взгляду, вторая наука также самостоятельна какъ первая, ничего изъ нея не черпаетъ и слѣдуетъ совершенно особымъ отъ первой пріемамъ изученія.—Указывая на эту методологическую ошибку, лежащую въ основѣ признанія двухъ наукъ—чистой и прикладной, но самостоятельныхъ и независимыхъ одна отъ другой, мы должны, однако, указать и на то, что съ признаніемъ необходимости второй науки нѣмецкая ученая литература дѣлаетъ великій шагъ впередъ. Политика, на сколько въ нее входитъ изученіе естественныхъ свойствъ учрежденій дѣйствительныхъ государствъ, имѣетъ великую будущность: изъ нея, при дальнѣйшемъ движеніи нѣмецкой науки, можетъ выработаться чистая наука о государствѣ въ томъ смыслѣ, какъ она понимается французскими и англійскими учеными.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе мотивовъ возникновенія двухъ разсмотрѣнныхъ нами наукъ. Несмотря на то, что и до сихъ поръ нѣмецкая наука въ большинствѣ своихъ явленій проникнута философскими пріемами изслѣдованія, до различенія двухъ отдѣльныхъ наукъ о государствѣ дошла она не философскимъ путемъ, а простой подмѣтой двухъ реальныхъ силъ, встрѣчающихся въ практикѣ каждаго государства. Эти двѣ реальныя силы, безъ

которыхъ необходится ни одно государство, суть — право и политика. Право, какъ дѣйствительная сила, проявляется въ совокупности тѣхъ нормъ, которыми опредѣляется общественный строй государства, и тѣхъ учрежденій, которыя имѣютъ цѣлью охраненіе этихъ нормъ и осуществленіе ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ жизни. Политика, какъ дѣйствительная сила, проявляется въ живой дѣятельности государственныхъ людей, направленной къ развитію существующаго права, къ поддержанію его на одномъ уровнѣ съ потребностями и степенью развитія извѣстнаго государства, а вслѣдствіе этого — и къ его измѣненію способами, само собой разумѣется, согласными съ тѣми, которые на этотъ случай установлены въ законахъ даннаго государства. Двѣ нѣмецкія науки — права и политики — только отвлеченіе, сколокъ съ этихъ двухъ реальныхъ силъ. Къ тому, что уже было сказано о невозможности такого дѣленія науки о государствѣ, едвали нужно добавлять, что существованіе двухъ реальныхъ силъ въ государствѣ, не есть еще достаточное основаніе для того, чтобы создать для ихъ изученія и двѣ отдѣльныя науки. Это происхожденіе двухъ наукъ о государствѣ изъ подмѣты двухъ реальныхъ силъ, наблюдаемыхъ въ жизни каждаго государства, весьма ярко просвѣчиваетъ изъ той характеристики политики, которую находимъ у Блюнчли. «Если мы, говоритъ онъ, созерцаемъ государство въ его организаціи, въ его учрежденіяхъ и законахъ мы находимъ государственное право; если же мы созерцаемъ его въ его движеніи, постепенномъ развитіи, въ его трудахъ и нуждахъ, — это будетъ политика. Государственное право и политика относятся другъ къ другу, какъ покой и движеніе. Высшее и чистѣйшее выраженіе государственнаго права есть законъ, самое ясное и живое выраженіе политики — есть практическое завѣдываніе дѣлами государства. Поэтому, политика есть еще болѣе искусство, чѣмъ наука» [1]). Все, предшествующее заключи-

[1]) Ср. его Allg. Staatsr., I, 2, и его же Словарь — сл. „Politik."

тельной фразѣ, относится исключительно къ практической политикѣ, она проявляется въ движеніи государства, въ его развитіи и прочее. Ни одно изъ этихъ выраженій, характеризующихъ практическую политику, не можетъ быть примѣнено къ политикѣ-наукѣ, а между тѣмъ въ заключительной фразѣ предъ нами является наука, хотя и съ признаками искусства. Какъ же совершился этотъ скачекъ къ наукѣ? Скачекъ къ наукѣ совершился въ силу слѣдующаго соображенія: особая реальная сила, проявляющаяся въ ежедневной жизни государства, нуждается и въ особой наукѣ для своего разъясненія. Какъ положительное право вызвало особую науку права естественнаго или философскаго, такъ точно — практическая политика вызываетъ науку политику.

Политика-наука, порожденная простымъ наблюденіемъ политики-практики, до сихъ поръ еще не размежевалась окончательно съ этою послѣднею. Въ нѣмецкой литературѣ весьма нерѣдко на политику-науку переносятъ тѣ признаки, которые свойственны только политикѣ-практикѣ. Для примѣра укажемъ на старинный и до сихъ поръ еще весьма разнообразно рѣшаемый вопросъ объ отношеніи политики къ праву. Вопросъ заключается въ томъ, можетъ ли политика противорѣчить праву, или, наоборотъ, она должна дѣйствовать всегда согласно съ нимъ? Этотъ вопросъ имѣетъ смыслъ только по отношенію къ политикѣ-практикѣ, ибо только въ ея области дѣйствуютъ, а, слѣдовательно, и могутъ поступить согласно или не согласно съ правомъ. Къ политикѣ-наукѣ этотъ вопросъ не примѣнимъ, политика-наука не дѣйствуетъ, она указываетъ только средства, ведущія къ достиженію извѣстной цѣли, а какъ примѣнить эти средства, это дѣло практики. Напримѣръ, въ политикѣ-наукѣ можно найдти перечисленіе тѣхъ послѣдствій, къ которымъ ведетъ существованіе рабства съ одной стороны и признаніе общей гражданской свободы съ другой, иначе говоря, въ политикѣ-наукѣ можно найдти указанія на то, въ какихъ

цѣляхъ можно воспользоваться учрежденіемъ рабства и въ какихъ — признаніемъ общей свободы. Но не ея дѣло совѣтовать кому либо вводить рабство, или свободу, и вводить съ нарушеніемъ существующихъ законовъ, въ ихъ обходъ, а не согласно съ тѣмъ порядкомъ, который существуетъ въ извѣстномъ законодательствѣ для подобныхъ нововведеній. Ввести то или другое, это дѣло практики, которая рѣшаетъ и вопросы какъ относительно времени, такъ и способовъ введенія. Несмотря на то, что въ разсматриваемомъ случаѣ роли науки и практики далеко расходятся, Р. Моль примѣняетъ выше поставленный вопросъ и къ политикѣ-наукѣ. Онъ требуетъ, чтобы и эта послѣдняя была согласна съ правомъ [1]). Это требованіе, совершенно вѣрное по отношенію къ практикѣ, не имѣетъ никакого смысла въ примѣненіи къ наукѣ и свидѣтельствуетъ только о недостаточномъ разграниченіи обѣихъ областей. Дѣло науки—безпристрастное разсмотрѣніе всякаго рода государственныхъ учрежденій съ точки зрѣнія ихъ пригодности, и независимо отъ того — соотвѣтствуетъ ли извѣстное учрежденіе общему строю даннаго государства, или нѣтъ. То или другое учрежденіе, пригодность котораго указана политикой, можетъ и не гармонировать съ существующимъ порядкомъ вещей даннаго государства, но въ этомъ нѣтъ никакого нарушенія права со стороны политики-науки, ибо такое нарушеніе можетъ проявиться только въ дѣйствіи, слѣдовательно, въ области практики. Наука же не дѣйствуетъ, ничего сама не вводитъ, она только изучаетъ. Если бы политика-наука не указывала возможно лучшія средства для достиженія государственныхъ цѣлей, возможно лучшіе, напримѣръ, способы устройства судовъ, администраціи и пр., она не была бы свѣтомъ способнымъ направлять практическую дѣятельность государственныхъ людей. Впрочемъ, Р. Моль, вообще очень послѣдователь-

[1]) Encyklopaidie, § 85.

ный, въ разсматриваемомъ вопросѣ дѣлаетъ счастливую непослѣдовательность. Только-что высказавшись въ параграфѣ 85 о необходимости для политики-науки согласоваться съ правомъ, въ параграфѣ 91 онъ разсматриваетъ вопросъ — объ измѣненіи конституціи, какъ вопросъ политики. По параграфу 91 политика-наука можетъ заключать въ себѣ указанія, которыми, въ случаѣ надобности, можно воспользоваться въ цѣляхъ измѣненія государственныхъ учрежденій. И такъ, изъ политики-науки можетъ возникнуть нѣчто и въ отмѣну дѣйствующаго права, слѣдовательно, несогласное съ нимъ. Это вѣрно, хотя и непослѣдовательно.

Примѣръ еще бо́льшаго смѣшенія практики и науки находимъ и въ недавно вышедшемъ сочиненіи профессора Гольцендорфа; бо́льшаго потому, что оно внесено въ самое понятіе (Begriff) науки. Гольцендорфъ не довольствуется ни однимъ изъ тѣхъ опредѣленій политики, которыя мы имѣли случай привести выше. Онъ выставляетъ собственное въ такой формѣ: «политика, какъ наука, имѣетъ предметомъ самое осуществленіе (Realisation) государственныхъ цѣлей». И далѣе поясняетъ, что для него существенный признакъ политики-науки не указаніе только пригодныхъ средствъ, а самое употребленіе ихъ [1]). Совершенно непонятно, какъ можетъ составлять задачу науки—осуществленіе государственныхъ цѣлей. Осуществленіе—предполагаетъ дѣйствіе. Наука же непосредственно не дѣйствуетъ и не только чистая, но и прикладная. Задача послѣдней только въ указаніи—какъ что либо можетъ быть сдѣлано. Всякія дѣйствія возможны только въ области практики, а потому опредѣленіе Гольцендорфа можетъ быть отнесено только къ практической политикѣ [2]).

[1]) Holzendorff, Die Principien der Politik, 1869, стр. 10.

[2]) Аренсъ также не отдѣляетъ политику-науку отъ политики-практики, Org. Staatsl., 83. Такое же смѣшеніе науки и практики встрѣчаемъ и у Роттека, см. ниже. — Штейнъ, Vollz. Gew., I, 144 и сл., подъ политикой разумѣетъ прямо практику.

3. ОБЩЕЕ УЧЕНІЕ О ГОСУДАРСТВѢ.

Исходя изъ наблюденія двухъ явленій дѣйствительной жизни — права и политики, и требуя соотвѣтственно съ тѣмъ и двухъ особыхъ наукъ для ихъ разъясненія — науки права и науки-политики, нѣмецкіе ученые не могли не замѣтить, что существуютъ еще и такія явленія, которыя никакимъ образомъ не могутъ быть объяснены съ одной исключительной точки зрѣнія права, или политики, для объясненія которыхъ необходимо соединить обѣ точки зрѣнія, стать выше этого раздѣленія. Одно изъ главнѣйшихъ явленій такого рода — представляетъ общая природа государства. Государство вращается не только въ области права, но и въ области политики, существо его можетъ быть понято только при цѣльномъ взглядѣ. Таковъ далѣе знаменитый вопросъ о возникновеніи государства и прочее. Эти явленія, которыя невозможно подвести подъ исключительную точку зрѣнія права или политики, нуждаются для своего объясненія въ особой вѣтви государственныхъ наукъ, извѣстной подъ именемъ «общаго ученія о государствѣ» [1].

Такимъ образомъ, эта третья наука вызвана двумя первыми, и именно замѣченною самими нѣмецкими учеными невозможностью провести отъ начала и до конца изученіе государства подъ двумя разными точками зрѣнія. Общее ученіе о государствѣ является, слѣдовательно, какъ необходимая поправка двойственности науки. Находясь въ такой тѣсной связи съ двумя первыми науками, общее ученіе о государствѣ, естественно, стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ ними. Не находя цѣлесообразнымъ основное дѣленіе, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣемъ надобности и въ его поправкѣ «общемъ ученіи о государствѣ».

Этотъ отдѣлъ, посвященный «общему ученію о государствѣ»,

---

[1]) Моль, Encykl. § 9, пр. 7; Блюнчли, Словарь, сл. Staatswissenschaft; Эшеръ, Pract. Politik, стр. 8; Аренсъ, Naturrecht, стр. 387.

мы не можемъ, однако, заключить, не остановившись нѣсколько подробнѣе на самомъ содержаніи общаго ученія. Эта остановка, знакомя ближе съ разсматриваемою вѣтвью науки о государствѣ, будетъ полезна и въ томъ отношеніи, что можетъ бросить еще нѣкоторый свѣтъ на степень выполнимости тѣхъ дѣленій науки, которыя предлагаются нѣмецкими учеными.

Мы уже выше видѣли, какъ трудно разграничить науку права отъ науки политики. Эта трудность несравненно значительнѣе при выдѣленіи общаго ученія о государствѣ, ибо общее ученіе соединяетъ обѣ точки зрѣнія, а предметъ изученія въ концѣ концовъ, по крайней мѣрѣ, тотъ же—государство. Благодаря этой еще большей трудности отдѣленія, нѣмецкая литература не представляетъ ни одного сочиненія, посвященнаго общему ученію о государствѣ, которое бы существенно не отличалось по содержанію отъ другихъ подобныхъ сочиненій, и имѣло бы хотя малѣйшую самостоятельность по отношенію къ двумъ другимъ наукамъ—права и политики.

Приведу нѣкоторые примѣры. Самый лучшій матеріялъ для сравненія и здѣсь представляетъ Р. Моль, ибо онъ и до сихъ поръ единственный писатель, вполнѣ осуществившій длинную программу нѣмецкой науки. Въ его энциклопедіи рядомъ съ философскимъ государственнымъ правомъ и политикой мы находимъ и выполненіе задачи общаго ученія о государствѣ. Изъ одиннадцати [1]) параграфовъ, посвященныхъ этому отдѣлу, только четыре не повторяются въ другихъ отдѣлахъ и, слѣдовательно, составляютъ самостоятельное достояніе общаго ученія. Эти четыре параграфа обнимаютъ слѣдующіе четыре вопроса: 1) понятіе государства, 2) его цѣль, 3) возникновеніе государствъ, измѣненіе ихъ и паденіе (впрочемъ, вопросъ объ измѣненіи въ устройствѣ государства Моль относитъ и къ политикѣ), и на-

[1]) Всѣхъ параграфовъ 12, но мы считаемъ первые два за одинъ, такъ какъ они посвящены одному и тому же вопросу.

конецъ 4) понятіе объ устройствѣ и управленіи. Содержаніе же всѣхъ остальныхъ параграфовъ (т. е. значительнаго большинства) повторяется и нерѣдко полнѣе и обстоятельнѣе въ подлежащихъ мѣстахъ или философскаго права, или политики [1]). Что касается до указанныхъ четырехъ вопросовъ, не находящихъ себѣ мѣста, ни въ философскомъ правѣ, ни въ политикѣ, то они не представляютъ ничего цѣлаго, и, конечно, не могутъ быть положены въ основаніе особаго зданія науки. Блюнчли также находитъ необходимымъ «общее ученіе о государствѣ», какъ особую и при томъ основную науку, но въ опредѣленіи ея содержанія расходится съ Молемъ: цѣли онъ относитъ не къ общему ученію, а къ политикѣ, къ общему же ученію—понятіе, возникновеніе, паденіе и виды государствъ. Любопытно, что онъ самъ своему мнѣнію не слѣдуетъ, а продолжаетъ разсматривать всѣ эти вопросы въ своемъ общемъ государственномъ правѣ. Эшеръ, также сторонникъ «общаго ученія», относитъ къ нему рядомъ съ ученіемъ о существѣ государства, ученіе о народномъ хозяйствѣ и многое другое. Аренсъ въ свое общее ученіе о государствѣ вводитъ почти все философское право, только въ краткихъ очеркахъ [2]). Наконецъ, Бюлау во второмъ изданіи своей книги общимъ ученіемъ о государствѣ называетъ тотъ самый отдѣлъ, который въ первомъ носилъ наименованіе «философскаго государственнаго права» [3]). До такой степени неясны границы отдѣльныхъ наукъ.

4. НАУКА ОБЪ ОБЩЕСТВѢ.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами трехъ главныхъ наукъ о государствѣ, нѣмецкая литература представляетъ еще не мало раз-

---

[1]) Напримѣръ: § 14-му общаго ученія соотвѣтствуютъ 10 §§ (40—49) философскаго права; § 16-му 31 и 32 философскаго права и 97 политики; § 17-му § 89 политики, § 18-му § 88 политики же и т. д.

[2]) Org. Staatsl., съ 78 стр. и до конца.

[3]) Bülau, Encyclop. der Staatswiss, стр. 16.

наго рода подраздѣленій этихъ наукъ, въ разсмотрѣніе которыхъ мы, однако, не войдемъ, частью по второстепенности этихъ подраздѣленій, частью же потому, что почти каждый писатель слѣдуетъ въ этомъ отношеніи своему собственному взгляду, и такимъ образомъ эти второстепенныя подраздѣленія не представляютъ ничего общаго для характеристики нѣмецкой науки, кромѣ своего существованія. Въ заключеніе этого отдѣла мы остановимся еще только на одной наукѣ хотя и неимѣющей большаго числа приверженцевъ, но важной по своему предмету. Мы разумѣемъ науку объ обществѣ, которую нѣкоторые писатели разсматриваютъ какъ особую вѣтвь наукъ государственныхъ, другіе же какъ науку совершенно отдѣльную, не входящую въ составъ государственныхъ.

Происхожденіе этой науки такое. Въ то время когда философія права была занята творчествомъ системъ права, политика изучала средства независимо отъ цѣлей, наконецъ общее ученіе о государствѣ установляло философское понятіе государства, въ это время «мечтателямъ и школьникамъ» [1]) удалось сдѣлать важное открытіе для будущей судьбы науки о государствѣ: они замѣтили существованіе общества. Такимъ образомъ, нѣмецкая наука очутилась съ глаза на глазъ съ новымъ явленіемъ, о существованіи котораго она до того и не подозрѣвала. Въ ея нѣдрахъ естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ, куда отнести это явленіе, къ наукѣ права, къ политикѣ или къ общему ученію о государствѣ? Отвѣтъ могъ быть только отрицательный, ибо общество не есть ни право, ни политика, ни государство. Р. Моль твердо стоялъ на почвѣ нѣмецкой науки и былъ совершенно послѣдователенъ, когда исключилъ ученіе объ обществѣ изъ системы наукъ государственныхъ и заявилъ требованіе о необходимости еще новой самостоятельной системы

[1]) Слова Р. Моля, Gesch. und Liter., I, стр. 70.

наукъ общественныхъ [1]). Основаніе появленія этой науки — по характеру своему—совершенно однородно съ основаніями появленія трехъ прежде названныхъ: это наблюденіе новаго реальнаго явленія—общества.

Если эта новая наука не была также принята большинствомъ ученыхъ, какъ три предшествовавшія, то причина не въ томъ, что она была—съ нѣмецкой точки зрѣнія—менѣе необходима, чѣмъ тѣ, а въ свойственной человѣку слабости отступать предъ крайними послѣдствіями своихъ собственныхъ мыслей. Въ настоящемъ случаѣ этимъ крайнимъ послѣдствіемъ была необходимость создать не одну новую науку, а цѣлую систему наукъ, параллельную системѣ наукъ государственныхъ, съ своимъ общимъ ученіемъ объ обществѣ, съ особою наукою общественнаго права, общественной политики и пр. Это, конечно, страшный трудъ, отъ него отшатнулись нѣмецкіе ученые. Р. Моль остался одинъ. Тѣмъ не менѣе—съ точки зрѣнія нѣмецкой науки—онъ все таки правъ. Всѣ четыре науки такъ тѣсно связаны по своимъ основаніямъ и методамъ, что стоятъ и падаютъ вмѣстѣ; онѣ должны быть или всѣ приняты, или всѣ отвергнуты. Матеріялъ, добываемый изъ изученія общества не можетъ быть распредѣленъ въ рамки трехъ выше помянутыхъ наукъ, безъ отступленія отъ строгаго ихъ понятія.

Въ ряду приверженцевъ особой науки общества, рядомъ съ Р. Молемъ, мы назовемъ только одного ученаго, Лоренца Штейна, который, однако, значительно расходится съ Молемъ въ своемъ взглядѣ на эту новую науку. У Штейна это не совершенно отдѣльная наука, а только одна изъ наукъ государственныхъ. Кромѣ того, отдѣленіе въ изученіи общества и государства проходитъ не чрезъ все изученіе этихъ явленій. Оно признается необходимымъ только въ началѣ, при установленіи чистой природы государства (философія права) и чистой при-

[1]) Encyklop., § 8, прим. 1; Gesch. und Liter., I, стр. 69 и сл.

роды общества (ученіе объ обществѣ); въ дальнѣйшихъ же вѣтвяхъ государственной науки, въ ученіи о государственномъ устройствѣ и управленіи, государство и общество изучаются совокупно, въ ихъ взаимодѣйствіи [1]).

Мы не можемъ принять ни дѣленія въ смыслѣ Моля, ни дѣленія въ смыслѣ Штейна. Явленія государственной и общественной жизни до такой степени взаимно сопроникаются, что не могутъ быть изучаемы ни одной минуты отдѣльно, безъ вреда для результатовъ изученія. Собственная попытка Штейна только убѣждаетъ въ этомъ. Въ своей системѣ государственныхъ наукъ ученіе о чистой природѣ государства онъ дѣлаетъ предметомъ особой науки—философіи права, которая должна разсматривать государство какъ оно есть, независимо отъ вліяній на него общества. Непосредственное изученіе чистой природы государства, внѣ разнообразныхъ вліяній общества, дѣло невозможное, ибо государство безъ общества не существуетъ. Если мы можемъ составить себѣ какое либо понятіе о собственной природѣ государства—въ ея различіи съ природой общества, то только изучая государство и общество въ ихъ взаимодѣйстіи, а не отдѣльно. Съ другой стороны, слѣдуя тому же пріему въ изученіи чистой природы общества, Штейнъ нерѣдко приписываетъ ему исключительно многое такое, что ни какъ не въ меньшей мѣрѣ принадлежитъ и государству. Такъ напримѣръ, сословія онъ разсматриваетъ, только какъ форму общества, а между тѣмъ извѣстно, что сословія возникаютъ между прочимъ и въ видахъ государства, создаются имъ самимъ для достиженія его собственныхъ цѣлей. Примѣры такого соучастія государства въ порож-

---

[1]) Syst. der Staatswis., I, 21 и сл., II, 17 и сл., 51 и сл., 55. Мы не касаемся въ настоящемъ случаѣ взгляда Штейна, высказаннаго въ его позднѣйшемъ сочиненіи Die Vollziehende Gewalt: здѣсь точка зрѣнія на науку нѣсколько иная, мы будемъ имѣть случай характеризовать ее позднѣе.

деніи сословій, мы встрѣчаемъ не только въ отечественной исторіи, но и на западѣ.

Не можемъ заключить этого отдѣла, не сдѣлавъ указанія на то, что и Р. Моль въ послѣднемъ изъ трудовъ своихъ отступаетъ отъ прежде высказаннаго имъ мнѣнія о совершенной отдѣльности наукъ государственныхъ и общественныхъ, признаетъ необходимость совмѣстнаго изученія государства и общества и для этой цѣли предлагаетъ еще новую науку— соціальную политику [1]). Такимъ образомъ и этотъ маститый патріархъ нѣмецкой науки во всѣхъ ея подраздѣленіяхъ [2]) уступаетъ всемогущему духу времени и по немногу склоняется къ тому взгляду на науку, разработкой котораго мы обязаны французскимъ и англійскимъ ученымъ.

Наука о государствѣ съ французской и англійской точки зрѣнія.

Къ несравненно болѣе вѣрному взгляду на науку и ея задачи пришли французскіе и англійскіе ученые. Этотъ новый взглядъ, которому внѣ всякаго сомнѣнія принадлежитъ будущее, есть плодъ соединенныхъ усилій писателей обѣихъ странъ, при чемъ дѣло иниціативы выпало на долю Франціи въ лицѣ О. Конта, дальнѣйшее же развитіе —на долю Англіи, въ лицѣ Дж. Ст. Милля. Какъ ученая литература Германіи — при несомнѣнномъ

[1]) Staatsrecht, Völkerrecht und Politik, III, 1869, стр. 475 и сл.

[2]) Р. Моль предлагаетъ и еще науку—ученіе о государственной нравственности. Поводъ выдѣленія ея тотъ же - наблюденіе особой силы въ жизни государствъ, именно нравственной. Сколько мы знаемъ, предложеніе это не встрѣтило ни какого сочувствія въ нѣмецкой литературѣ, хотя оно на столько же вѣрно, какъ и всѣ предшествовавшія. Encykl. §§ 8, 76 и сл. Возражали Молю: Блюнчли, словарь, сл. Staat-wissenschaft, Эшеръ, Prakt. Politik, I, 10 прим.

единствѣ общаго направленія — весьма разнится въ подробностяхъ; такъ точно и литература Англіи и Франціи не представляетъ совершеннаго согласія по всѣмъ отдѣльнымъ вопросамъ. Допуская эти разновидности въ частностяхъ, намъ кажется, что литература разсматриваемыхъ странъ, въ ея противоположности съ нѣмецкой, можетъ быть охарактеризована слѣдующими отличительными чертами: во первыхъ, признаніемъ необходимости только одной чистой науки о государствѣ, во вторыхъ, признаніемъ необходимости рядомъ съ чистой наукой — науки прикладной, и наконецъ въ третьихъ, совершенно яснымъ различеніемъ между задачами науки прикладной и практикой. Мы остановимся отдѣльно на каждой изъ этихъ характеристическихъ особенностей французской и англійской литературъ.

ЧИСТАЯ НАУКА.

Задача чистой науки, въ противоположность къ задачѣ нѣмецкой философіи права, заключается не въ установленіи самыхъ нормъ права, а въ раскрытіи законовъ сосуществованія и послѣдовательности соціальныхъ явленій, или фактовъ государственной жизни, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Наука, на сколько возможно, должна разъяснить связь, существующую какъ между явленіями единовременными, такъ и слѣдующими одно за другимъ въ порядкѣ времени, должна раскрыть родъ и степень вліянія одного явленія на другое и въ концѣ концовъ вывести законы какъ сосуществованія, такъ и преемства явленій [1]). Такимъ образомъ, разсматриваемая наука не идетъ далѣе изученія непосредственной связи явленій и ихъ преемства. Ея цѣль не въ раскрытіи послѣднихъ причинъ и послѣднихъ законовъ реальныхъ явленій соціальной жизни,

[1]) Auguste Comte, Cours de philosophie positive, IV, стр. 407 и сл. Весьма близко къ нему высказывается и D. S. Mill, A system of logik, book VI, ch. X, §§ 1 и 2.

къ чему стремится, напримѣръ, философія права К. Фолльграффа [1]); задача ея достигнута, едва она можетъ объяснить: какія причины привели къ данному состоянію, какое вліяніе это состояніе можетъ оказать на будущее, какія есть средства предупредить эти вліянія, если они не желательны, или измѣнить ихъ, или ускорить ихъ наступленіе, или наконецъ, ввести что либо новое вмѣсто того, что изъ даннаго состоянія, само по себѣ, должно бы послѣдовать [2]).

Такая наука о д н а, она изучаетъ совмѣстно — какъ явленія государственной жизни, такъ и общественной, и подъ всѣми возможными вліяніями — права, политики, нравственности, религіи, климатическихъ условій и прочее, ибо задача ея и заключается въ разъясненіи законовъ этихъ вліяній. Но такъ какъ явленія соціальнаго міра не только сосуществуютъ, но еще и имѣютъ свою исторію, то есть въ извѣстномъ (искомомъ) порядкѣ сослѣдуютъ одни за другими, то это и повело къ необходимости различенія двухъ точекъ зрѣнія при изученіи одного и того же предмета, точки зрѣнія единовременнаго состоянія явленій и точки зрѣнія — ихъ преемственнаго развитія. У Конта, а за нимъ и у Милля, эти двѣ точки зрѣнія — породили двѣ особыя вѣтви одной и той же науки: статику, изучающую явленія въ ихъ единовременномъ сосуществованіи, и динамику, изучающую явленія въ ихъ историческомъ ростѣ. Но дѣленіе на двѣ вѣтви не составляетъ необходимости; статика и динамика это только двѣ необходимыя точки зрѣнія, которыя не должно упускать изъ виду, изучать же можно и совмѣстно съ обѣихъ точекъ. Выборъ между тѣмъ и другимъ пріемомъ, дѣло удобства, а не требованіе методы [3]).

[1]) Въ его статьѣ: „Wie muss man forschen und dann schreiben?“ Отпечатана въ его посмертномъ изданіи Staats und Rechtsphilosophie, 1864, I.

[2]) Милль, в. н. с. кн. VI, гл. VI, § 2; A. Comte, в. н. с. IV, стр. 297 и сл.

[3]) A. Comte, в. н. с. IV, стр. 317 и сл., 352 и сл.; Милль, в. н. с., кн. VI, гл. X, § 5 и 6.

Въ основаніи возможности такой науки, задача которой заключается въ раскрытіи законовъ сосуществованія и преемства явленій государственной и общественной жизни, лежитъ предположеніе о томъ, что факты этой жизни въ своемъ движеніи подчиняются такимъ же постояннымъ законамъ, какъ и факты природы физической [1]). Но по скольку дѣятелемъ общественной и государственной жизни является человѣкъ, приведенное предположеніе оказывается въ прямомъ противорѣчіи съ весьма распространеннымъ мнѣніемъ о свободной волѣ, по которому проявленія воли не опредѣляются подобно другимъ феноменамъ своими предшествующими, но воля опредѣляетъ сама себя, что она стоитъ внѣ строгихъ законовъ причинности и, слѣдовательно, ея проявленія не могутъ быть подведены ни подъ какія постоянныя нормы.

Дж. Ст. Милль въ своей логикѣ посвящаетъ этому весьма спорному вопросу нѣсколько превосходныхъ страницъ, на которыхъ со свойственною ему силою мысли и ясностью изложенія примиряетъ глубоко сознаваемую каждымъ энергическимъ человѣкомъ свободу воли съ подчиненіемъ человѣческихъ дѣйствій постояннымъ законамъ [2]). Мы ограничимся самымъ краткимъ указаніемъ на результатъ его изслѣдованія. — Человѣкъ свободенъ не въ томъ смыслѣ, что можетъ дѣйствовать внѣ зависимости отъ мотивовъ, опредѣляющихъ его волю, или внѣ вліянія на его дѣйствія того состоянія его духа, которое этому дѣйствію предшествовало, и которое само условливается его характеромъ, воспитаніемъ, обстоятельствами жизни и такъ далѣе. Свобода въ этомъ смыслѣ для человѣка не возможна. Проявленія его воли точно также какъ и факты міра физическаго условливаются своими предшествующими. Но его собственный разумъ

---

[1]) A. Comte, в. н. с., IV, стр. 304 и сл.; Милль, в. н. с., кн. VI, гл. III.

[2]) Милль, в. н. с., кн. VI, гл. II и XI.

есть также одно изъ этихъ предшествующихъ, одинъ изъ мотивовъ, въ силу вліянія котораго человѣкъ *можетъ* оказывать сопротивленіе другимъ предшествующимъ и давать такое направленіе своей дѣятельности, какое ему желательно. Никакія предшествующія не дѣйствуютъ на духовную природу человѣка съ такою необходимостью, чтобы онъ *долженъ* былъ подчиниться имъ однимъ. При помощи указаній опыта и разума онъ *можетъ* ставить себя въ новыя условія, отъ куда должны возникнуть новыя предшествующія, модифицирующія вліяніе первыхъ. Если человѣкъ чувствуетъ голодъ, онъ не непремѣнно станетъ удовлетворять его, какъ скоро увидитъ пищу, какъ это сдѣлаетъ всякое животное; онъ можетъ воздержаться для того, чтобы уступить ее болѣе нуждающемуся, или просто изъ желанія проявить господство надъ своими аппетитами. Это не значитъ, что воля дѣйствовала свободно отъ побужденій, предшествовавшихъ ея проявленію, что она не условливалась ими, это значитъ только, что привзошли нѣкоторыя новыя побужденія, новые мотивы, которые и опредѣлили поступокъ человѣка. И такъ, дѣйствія человѣка находятся въ зависимости отъ своихъ предшествующихъ, хотя это и не значитъ, что онъ *долженъ* подчиняться первому такому предшествующему. Наоборотъ, разсматриваемая теорія признаетъ полную необходимость и возможность борьбы человѣка съ такими побужденіями къ дѣйствіямъ, которыя не согласны съ нравственнымъ его достоинствомъ. — Признаніе причинной связи также управляющей дѣйствіями человѣка, какъ и явленіями физическаго міра, естественно ведетъ къ возможности предугадывать поступки человѣка, едва извѣстны условія, въ которыхъ онъ стоитъ. Такое предугадываніе, возможное по природѣ вещи, въ дѣйствительности крайне затруднительно. Для этого надо хорошо знать природу человѣка, состояніе его духа и всѣ внѣшнія обстоятельства, могущія оказывать на него вліяніе въ данный моментъ, ибо во всемъ этомъ и заключаются причины дѣйствія,

которое является результатомъ столкновенія самыхъ разнообразныхъ предшествующихъ. Но отъ этой трудности не только предугадать, но часто и просто разъяснить уже совершившійся фактъ, ни какъ не должно заключать къ отсутствію постоянныхъ законовъ, управляющихъ человѣческими дѣйствіями. Всякому по собственному опыту извѣстно, что есть случаи, въ которыхъ поступокъ человѣка можетъ быть предсказанъ съ такою же точностью, какъ и многія изъ явленій планетнаго міра.

Къ этому же разряду писателей, признающихъ только одну основную или чистую науку о государствѣ, принадлежатъ еще Бюше и Льюсъ, хотя въ пониманіи задачи и объемовъ этой науки они и не вовсемъ сходятся съ прежде названными [1]).

Что касается названія чистой науки о государствѣ, то оно не установилось не только что между писателями, расходящимися въ своихъ взглядахъ на частности и подробности, но и между тѣми, которые вовсемъ сходятся. Такъ одна и таже наука у О. Конта носитъ названіе—соціальной физики, у Милля соціологіи, у Льюса политики и т. д. Выборъ названія не представляетъ, конечно, первостепенной важности, но нельзя не высказать желанія, чтобы названіемъ обозначалась какая либо характеристическая сторона предмета. Съ этой точки зрѣнія «наука о государствѣ» или «политика», но не въ нѣмецкомъ, а въ аристотелевскомъ смыслѣ науки о государствѣ вообще, представляются наиудобнѣйшими названіями. Указывая на главный предметъ изученія, это названіе заключаетъ въ себѣ и намекъ на объемы обозначаемой имъ науки: наука о государствѣ не можетъ не коснуться народнаго хозяйства, религіи, нравст-

[1]) Такъ напримѣръ, Льюсъ включаетъ въ политику и политическую экономію, тогда какъ Милль признаетъ возможность отдѣльнаго ея существованія. Lewis, A treatise on the methods of observation and reasoning in politics, 1852, ch. II. § 9. Милль в. н. с., кн. VI, гл. 9, § 3.— Близко къ этому взгляду высказывается и Лабуле, хотя и не развиваетъ его систематически, L'état et ses limites, начало.

венности и другихъ явленій, на сколько они объясняютъ государство; но она не исчерпываетъ научной обработки всѣхъ этихъ явленій самихъ въ себѣ и рядомъ съ нею могутъ и должны существовать другія науки, какъ напримѣръ политическая экономія, богословіе, этика и пр.

Такова задача науки о государствѣ или политики съ французкой и англійской точекъ зрѣнія. Выше мы уже замѣтили, что при современной солидарности народовъ запада—полное разобщеніе ихъ научныхъ взглядовъ есть дѣло невозможное. Хотя, сколько намъ извѣстно, ни одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ не высказывается вполнѣ въ духѣ О. Конта и Милля, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить въ нѣмецкой литературѣ нѣкоторыхъ, хотя и слабыхъ, признаковъ приближенія къ этому взгляду. Уже Р. Моль, этотъ ученѣйшій изъ нѣмецкихъ ученыхъ и наиболѣе знакомый съ иностранными литературами, въ самомъ послѣднемъ трудѣ своемъ, какъ уже было замѣчено, приходитъ къ необходимости соціальной политики, имѣющей задачей изученіе цѣлесообразнѣйшихъ отношеній государства и общества. Новая наука должна представить систему началъ и мѣръ, установляющихъ такое отношеніе. Эта задача, конечна, весьма далека отъ задачи чистой науки и болѣе подходитъ къ задачѣ науки прикладной, но здѣсь важно то, что Р. Моль не находитъ возможнымъ держаться на строго нѣмецкой точкѣ зрѣнія и ищетъ чего то новаго. Еще большій шагъ въ направленіи къ новому дѣлаетъ Лор. Штейнъ въ послѣднемъ изданіи своего обширнаго труда, посвященнаго разработкѣ вопросовъ административнаго права. Задача науки государственнаго права и его исторіи заключается, по его мнѣнію, въ уразумѣніи взаимодѣйствія государства и общества; каждое положительное право должно быть возведенно къ этому взаимодѣйствію разнообразныхъ элементовъ государства и общества, какъ къ своему источнику [1]).

[1]) Lorenz Stein, Die vollziehende Gewalt, 1869, I, 26 и сл.

Л. Штейнъ все еще говоритъ о «наукѣ права», но задача этой науки уже не установленіе системы права, а объясненіе реальныхъ явленій государственной жизни, съ цѣлью объясненія самаго права.—Въ заключеніе укажемъ на Фолльграффа, который въ пониманіи науки о государствѣ хотя и во многомъ стоитъ на нѣмецкой точкѣ зрѣнія, но отправляется отъ того предположенія, которое дѣлаетъ возможнымъ чистую науку, именно отъ предположенія извѣстныхъ постоянныхъ законовъ, господству которыхъ человѣческая жизнь также должна подчиняться, какъ подчиняется дѣйствію постоянныхъ законовъ природа матеріяльная. Такую же мысль встрѣчаемъ и у Штейна [1]).

Какъ не всѣ нѣмецкіе писатели стоятъ строго и со всѣми послѣдствіями на точкѣ зрѣнія преобладающаго въ Германіи взгляда на науку о государствѣ, такъ точно и между писателями Англіи и Франціи встрѣчаются такіе, во взглядахъ которыхъ слышатся отголоски нѣмецкихъ ученій. Въ примѣръ писателей этого рода можно указать на Льюса, но многимъ существеннымъ вопросамъ вѣрнаго представителя англійскихъ взглядовъ на науку, но въ нѣкоторыхъ частностяхъ не чуждаго наклонности къ нѣмецкимъ воззрѣніямъ. Г. Кор. Льюсъ — писатель громадной эрудиціи. Онъ хорошо знакомъ не только съ классиками и произведеніями своихъ соотечественниковъ, но и съ средневѣковой политической литературой и съ современной литературой Франціи и Германіи. Плодомъ его начитанности собственно въ нѣмецкой литературѣ является попытка подраздѣлить политику, какъ единую науку о государствѣ, на двѣ вѣтви: на политику положительную и политику спекулятивную. Подъ этими новыми названіями скрываются двѣ извѣстныя уже намъ нѣмецкія науки о государствѣ: подъ первою — общее или философское право, подъ второю поли-

[1]) Vollgraff, Wie muss man forschen und dann schreiben? 5; Stein, System, I, 4.

тика, на сколько, конечно, усвоеніе нѣмецкихъ идей возможно для англичанина. Задача политики положительной — «указать необходимыя и всеобщія свойства государства, лежащія въ самой его идеѣ.» Это опредѣленіе, конечно, весьма близко къ задачѣ философіи права. Задача спекулятивной политики — изученіе формъ государственнаго устройства съ точки зрѣнія ихъ тенденцій, полезности, цѣлесообразности и прочее. Здѣсь нельзя не узнать нѣмецкой политики. Эти двѣ вѣтви взятыя вмѣстѣ составляютъ — теорію, или чистую науку о государствѣ [1]). Вовсемъ остальномъ Льюсъ стоитъ на англійской точкѣ зрѣнія. Но такъ какъ обѣ точки существенно расходятся и примирены быть не могутъ, то эта двойственность является у Льюса источникомъ множества противорѣчій. Противорѣчія начинаются съ самаго названія положительной политики, которая носитъ еще имя «политики описательной». Уже здѣсь высказывается неопредѣленность во взглядѣ на задачу этой науки. Ни какая «описательная» вѣтвь какой бы то ни было науки не можетъ привести къ уразумѣнію того, что необходимо и всеобще. Описаніе скажетъ только что есть, но не что должно по необходимости вытекать изъ идеи государства. Какъ же чрезъ описаніе придти къ уразумѣнію всеобщаго и необходимаго? На страницѣ 54 высказано требованіе, по которому положительная политика должна раскрыть тѣ свойства правительства, которыя по необходимости заключаются въ самой его идеѣ; а на 56 мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ, по которому къ области той же науки не относятся утвержденія о томъ, что должно быть. Но какъ же не должно быть то, что по необходимости лежитъ въ самой идеѣ правительства? Въ другомъ мѣстѣ своей книги (II, 69), Льюсъ самъ высказывается противъ возможности начертать единую и неизмѣнную характеристику для всѣхъ монархій, аристократій и демократій. Какъ съ

[1]) В. н. с., гл. III, § 3 и 4, гл. V, § 7 и 8.

этою невозможностью указать постоянныя и неизмѣнныя свойства какой либо формы правленія, примирить существованіе науки, долженствующей указать необходимыя и всеобщія (т. е. имѣющія значеніе независимо отъ пространства и времени) свойства государства? На стр. 56 (I) Льюсъ высказываетъ еще новый взглядъ на положительную политику: ея задача—изобразить условія существованія (conditions of existence) государства. Такъ какъ здѣсь не говорится, что эти условія должны быть вѣчныя и вытекать изъ идеи государства, то можно думать, что рѣчь идетъ объ условіяхъ существованія дѣйствительныхъ государствъ, которыя могутъ разнообразиться до безконечности; въ такомъ случаѣ это пониманіе задачи совершенно расходится съ преждеуказаннымъ, по которому положительная политика должна была найдти всеобщія условія, не мѣняющіяся по мѣсту и времени (57). Это послѣднее пониманіе приближается къ статикѣ О. Конта. Раздѣленіе политики на двѣ вѣтви — слабая сторона Льюса; онъ постоянно колеблется между нѣмецкой и англійской точкой зрѣнія и постоянно переходитъ съ одной на другую, не имѣя возможности помирить ихъ.

Въ этомъ отдѣлѣ, рядомъ съ Льюсомъ, мы назовемъ еще французскаго писателя, Лаферрьера, который признаетъ существованіе философскаго права совершенно въ духѣ нѣмецкихъ писателей. Противоположность положительнаго и философскаго права Лаферрьеръ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: «положительное право это то, которое сдѣлано, философское же—существуетъ само по себѣ, независимо отъ воли законодателя или обычая» [1]). Если бы Лаферрьеръ хотѣлъ опредѣлить задачу науки философскаго права, то согласно приведенному взгляду ему ничего не оставалось бы, какъ повторить нѣмецкія

[1]) Laferrière, Cours de droit public et administratif, 1860, I, introduction, XIII.

опредѣленія, по которымъ эта задача заключается въ начертаніи цѣлой системы права.

ПРИКЛАДНАЯ НАУКА И ПРАКТИКА.

Дальнѣйшія особенности французскаго и англійскаго взгляда, на которыя было указано выше, заключаются въ признаніи необходимости существованія рядомъ съ наукою чистою — особой прикладной науки и затѣмъ строгое и ясное разграниченіе задачъ практическаго искусства отъ обѣихъ наукъ — чистой и прикладной. По отношенію къ этимъ двумъ послѣднимъ вопросамъ французская и англійская литература представляютъ еще большее единодушіе, чѣмъ по отношенію къ вопросу только что нами разсмотрѣнному. На почвѣ признанія прикладной науки и ея различенія съ практикой совершенно сходятся Контъ и Льюсъ, Милль и Бюше. Ихъ единодушіе по этимъ вопросамъ такъ велико, что они почти повторяютъ другъ друга даже въ частностяхъ и подробностяхъ [1]).

Требованіе особой прикладной науки есть только необходимое слѣдствіе того пониманія науки чистой, которое было установлено выше. Чистая наука ничего не предписываетъ, она изучаетъ только связь фактовъ. Она не говоритъ, что должно быть, а только — что есть и какъ. Отсюда, такая наука, какъ не предлагающая никакихъ правилъ относительно того, какъ должно дѣйствовать, не можетъ быть прямо и непосредственно руководительницею практики. Между наукой и практикой должна быть посредствующая ступень, облегчающая для практики поль-

[1]) Это сходство мнѣній легко объясняется. Французскіе и англійскіе ученые въ правильномъ различеніи науки чистой, прикладной и практики — отправляются всѣ отъ одного и того же образца, именно, отъ давно установившагося дѣленія въ другихъ отрасляхъ знанія, въ математикѣ и естествовѣдѣніи, гдѣ рядомъ съ чистой математикой есть прикладная, рядомъ съ физикой и химіей — технологія и такъ далѣе.

зованіе чисто научными положеніями. Роль этой посредницы — принадлежитъ прикладной наукѣ. Отсюда, сама собой ясна задача прикладной науки: выработанныя чистою наукою начала она должна предлагать въ формѣ удобной для практическихъ цѣлей [1]).

Особенность практическаго дѣйствія — есть стремленіе къ опредѣленной цѣли; всякая практика осуществляетъ какую либо цѣль. Практическая наука, какъ помощница практики, должна указать тотъ путь, которымъ цѣли практическаго дѣйствія могутъ быть достигнуты. При этомъ отношеніе ея къ чистой наукѣ слѣдующее. Чистая наука изучаетъ причины и слѣдствія явленій. Зная слѣдствія, которыя вызываются извѣстными явленіями, можно сказать, къ чему годны эти явленія, иначе — къ какимъ цѣлямъ онѣ ведутъ. Прикладная наука, отправляясь отъ тѣхъ цѣлей, достиженіе которыхъ считается желательнымъ, должна обратиться къ наукѣ чистой и при помощи ея указаній опредѣлить тѣ средства, которыя ведутъ къ этимъ цѣлямъ. Прикладная наука находится, такимъ образомъ, въ полной зависимости отъ чистой. Она черпаетъ изъ нея тѣ положенія, которыя необходимы для руководства практики. Само собой разумѣется, что прикладная наука не можетъ дать правила на каждый отдѣльный случай дѣйствительной жизни. Она должна ограничиться совѣтами въ болѣе или менѣе общей формѣ. Ея правила имѣютъ въ виду не данный отдѣльный случай, а, если можно такъ выразиться, случай обобщенный, то есть такой, у котораго отнята вся индивидуальная его обстановка, и который мыслится только съ такими условіями, въ сопровожденіи которыхъ онъ наичаще встрѣчается въ жизни [2]).

[1]) Изъ нѣмецкихъ ученыхъ довольно близко подходитъ къ этому взгляду на посредствующее значеніе политики — Аренсъ, Org. Staatsl., 82, во всемъ остальномъ, какъ было уже указано, остающійся вѣрнымъ нѣмецкимъ воззрѣніямъ.

[2]) Контъ, в. н. с., 409; Милль, в. н. с., кн. VI, гл. XII; Льюсъ,

Въ этомъ видѣ прикладная наука существенно отличается отъ нѣмецкой политики. Она не имѣетъ дѣла съ самостоятельнымъ изученіемъ средствъ, какъ эта послѣдняя. Ея значеніе чисто второстепенное; она ограничивается примѣненіемъ началъ, выработанныхъ чистой наукой, къ потребностямъ практики. Точно также не беретъ она на себя и самостоятельнаго опредѣленія цѣлей, къ которымъ должно стремиться государство. Она не можетъ этого сдѣлать по строгой опредѣленности своей задачи, какъ науки прикладной. Она пользуется указаніями чистой науки въ видахъ опредѣленія тѣхъ путей, которые ведутъ къ желательнымъ цѣлямъ, самое же разсмотрѣніе цѣлей внѣ ея средствъ, ибо чистая наука не останавливается на вопросѣ о томъ, что должно быть, и не можетъ дать необходимыхъ для рѣшенія этого вопроса указаній. По самому существу своему вопросъ о цѣляхъ есть скорѣе вопросъ искусства, чѣмъ чистой науки, и нуждается въ особомъ и самостоятельномъ ученіи, разсматривающемъ цѣли человѣческой жизни вообще, а въ связи съ ними и цѣли, которыя должны быть достигаемы жизнью въ государствѣ. Это особое ученіе и должно выставить общія начала въ руководство практическому искусству при рѣшеніи спеціальныхъ вопросовъ о томъ, что желательно и что должно быть въ данномъ случаѣ. Выдѣленіе вопросовъ о цѣли изъ области науки о государствѣ, какъ чистой, такъ и прикладной, составляетъ новую отличительную черту разсматриваемаго взгляда [1]). Въ нѣмецкой литературѣ этотъ вопросъ весьма нерѣдко относится къ области чистой науки и разсматривается или въ философіи права, или въ общемъ ученіи о государствѣ. Это причисленіе вопроса о томъ, что «должно быть» къ области чистой науки служитъ только новымъ подтвержденi-

---

в. н. с., гл. XIX, § 6 и 7, и гл. XX. §§ 1, 2 и 11. Бюше, в. н. с., I, стр. 45—51, II, стр. 439 и сл.; Blignières, Exposition de la philosophie positive, 1857, стр. 34.

[1]) Милль, тамъ же, § 6 и 7.

емъ высказанному выше мнѣнію, что въ нѣмецкой литературѣ чистая наука не различена отъ творчества, что она сливается съ искусствомъ.

Отъ задачи прикладной науки отличаются задачи практики, или практическаго искусства. Прикладная наука даетъ общіе и условные совѣты; дѣло практики — самое дѣйствіе при данныхъ условіяхъ дѣйствительной жизни. Для каждаго отдѣльнаго случая, для каждаго отдѣльнаго своего дѣйствія практика, руководясь ученіемъ о цѣляхъ, должна установить ту цѣль, достиженіе которой въ этомъ случаѣ желательно; затѣмъ, соотвѣтственно съ указаніями прикладной науки, выбрать средства, которыя наилучшимъ образомъ ведутъ къ данной цѣли; наконецъ — осуществить цѣль. Для этого ряда дѣйствій практика не можетъ ограничиться только тѣми указаніями, которыя она найдетъ въ ученіи о цѣляхъ и въ прикладной политической наукѣ. Она должна обладать еще множествомъ такихъ свѣдѣній, которыхъ не можетъ дать никакая наука — ни чистая, ни прикладная. Для практическаго дѣйствія ей необходимо хорошо знать всѣ условія данной дѣйствительности, всѣ ея потребности и наконецъ всѣ тѣ силы, которыми она можетъ располагать для достиженія своихъ цѣлей.

Таковъ планъ зданія науки о государствѣ съ разсматриваемой точки зрѣнія. Онъ отличается величайшей простотой и соотвѣтствіемъ своихъ частей: въ то время какъ одни предназначаются для разработки чисто научныхъ вопросовъ, внѣ всякого отношенія къ заботамъ дня, въ другихъ собираются результаты этой первой работы и получаютъ тотъ видъ, въ которомъ они прямо могутъ служить насущнымъ потребностямъ дѣйствительной жизни. Здѣсь одна часть служитъ твердымъ основаніемъ для другой и все вмѣстѣ цѣлесообразно. Остается только желать, чтобы для осуществленія этого плана явился такой же добросовѣстный и трудолюбивый строитель, какого зданіе нѣмецкой науки нашло въ своемъ Р. Молѣ.

Метода изслѣдованія въ нѣмецкой наукѣ.

Подъ методой разумѣемъ мы тѣ пріемы, которыми ученые пользуются, установляя ту или другую научную истину; иначе, это тотъ путь, которымъ надо слѣдовать для рѣшенія задачи науки.

Въ нѣмецкой литературѣ вопросъ о методѣ не получилъ той обработки, которой по первостепенной его важности слѣдовало бы ожидать. Сколько намъ извѣстно, нѣмецкая литература не представляетъ ни одного спеціальнаго сочиненія, посвященнаго этому предмету [1]). Въ трудахъ по исторіи политической литературы, за исключеніемъ знаменитой исторіи философіи права Шталя, мы по большей части встрѣчаемъ только критику разныхъ воззрѣній на государство со стороны ихъ содержанія, а не со стороны методы; авторы разсматриваютъ, на сколько то

[1]) Книга Ortloff'a — Methodologie oder Lehre des Studiums der Rechts- und Staatswissenschaft 1863, не составляетъ исключенія, такъ какъ авторъ понимаетъ методологію въ иномъ смыслѣ, чѣмъ мы. У него методологія имѣетъ задачею указать учащемуся юношеству, какъ должно оно пользоваться тѣми учебными пособіями, которыя предлагаются ему въ видѣ университетскихъ чтеній, чтобы съ меньшею потерею времени и труда придти къ ознакомленію съ науками юридическими и государственными. Это не способы добыванія научныхъ истинъ, а способы ихъ усвоенія, говоря иначе—это порядокъ академическаго преподаванія и жизни. См. §§ 1, 3, 25 и до конца книги. Преслѣдуя эту главную цѣль своей методологіи, Ортлоффъ останавливается и на способахъ научной обработки вопросовъ государственнаго права, но чрезвычайно кратко и не столько въ видахъ установленія единаго правильнаго способа, сколько для ознакомленія учащихся со всѣми возможными. См. §§ 15, 17, 19 и 21. — Также не составляютъ исключенія и лекціи философа Шеллинга — Vorlesungen über die Methode des academischen Studium, 1813. Онъ обнимаетъ въ нихъ почти всѣ предметы академическаго преподаванія: философію, математику, богословіе, исторію, юриспруденцію, химію, физику и пр. не удѣляя, однако, государственнымъ наукамъ особаго чтенія. Только нѣсколько краткихъ указаній объ этомъ предметѣ можно извлечь изъ десятаго чтенія, посвященнаго исторіи и юриспруденціи.

или другое ученіе хорошо съ ихъ личной точки зрѣнія, вовсе не провѣряя, какимъ путемъ оно добыто. Таковы труды по исторіи литературы Аренса, Моля, Блюнчли. Даже болѣе счастливыя въ этомъ отношеніи иностранныя литературы мало привлекаютъ къ себѣ вниманія нѣмецкихъ ученыхъ. Сколько мы знаемъ, спеціальные труды О. Конта, Милля и Льюса прошли въ Германіи почти совершенно незамѣченными [1]). Только въ общихъ сочиненіяхъ по философіи государственнаго права и политикѣ, встрѣчаются небольшіе отдѣлы, въ которыхъ авторы объясняютъ свою методу. Но и такого рода отдѣлы далеко не достигаютъ своей цѣли. Не говоримъ уже о томъ, что нѣкоторые писатели подъ методой разумѣютъ чисто второстепенный вопросъ о порядкѣ распредѣленія добытаго ими матеріяла въ предлагаемой читателю книгѣ, и на методѣ въ настоящемъ смыслѣ этого слова вовсе не останавливаются [2]). Но и тѣ, которые подъ методой разумѣютъ способы изслѣдованія, ограничиваются скорѣе намеками на методу, освобождая себя отъ труда исчерпывающимъ образомъ изложить ея пріемы. Кто желаетъ ознакомиться со взглядами нѣмецкихъ писателей на методу, тому далеко не достаточно остановиться только на методологическихъ отдѣлахъ ихъ сочиненій, а необходимо изучить эти сочиненія вполнѣ, ибо только при этомъ можно въ доста

[1]) Двумъ послѣднимъ Р. Моль въ своей „Исторіи и литературѣ государственныхъ наукъ“ посвящаетъ по неполной страничкѣ, а о первомъ и вовсе не упоминаетъ. Впрочемъ, и то вниманіе, которое онъ оказываетъ Миллю и Льюсу, скорѣе наводитъ на раздумье, чѣмъ удовлетворяетъ читателя. Р. Моль съ великою похвалою отзывается о томъ и другомъ писателѣ Этому нельзя не сочувствовать. Но Милль и Льюсъ, которымъ нѣмецкій критикъ не можетъ не отвести почетнаго мѣста въ своей исторіи литературы, относятся одинаково отрицательно къ самымъ существеннымъ взглядамъ нѣмецкой науки. Моль, однако, ни однимъ словомъ не касается этого разнорѣчія и вопросъ о томъ, кто же правъ, оставляетъ нерѣшеннымъ.

[2]) Въ этомъ смыслѣ говоритъ о методѣ Р. Моль, Энциклопедія, § 9, и Фолльграффъ, Wie muss man forschen, 7, 14.

точной степени выясниться господствующіе въ Германіи ученые пріемы.

Переходя къ характеристикѣ нѣмецкихъ пріемовъ изслѣдованія, прежде всего должно обратить вниманіе на то, что въ разсматриваемой литературѣ установилось мнѣніе о необходимости различныхъ способовъ изслѣдованія, смотря потому о какой наукѣ идетъ рѣчь — о философіи ли права, политикѣ и такъ далѣе. Что касается политики и науки объ обществѣ, мы не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что эти науки считаются въ Германіи не философскими, а опытными. Въ ихъ области необходимо наблюденіе явленій внѣшняго міра [1]). Не такъ легко указать господствующій взглядъ на методу въ другихъ наукахъ — въ философскомъ правѣ и въ общемъ ученіи о государствѣ. Здѣсь единовременно пользуются правомъ гражданства самыя разнообразныя воззрѣнія. Чтобы не потеряться въ этомъ разнообразіи, чтобы не остаться безъ руководящей нити при разсмотрѣніи отдѣльныхъ воззрѣній на методу, необходимо обратить вниманіе на два явленія, подъ болѣе или менѣе сильнымъ, но всегда несомнѣннымъ вліяніемъ которыхъ наука о государствѣ находилась и продолжаетъ находится въ Германіи. Мы разумѣемъ нѣмецкую философію и такъ называемое историческое направленіе въ наукѣ права. Вліянію философіи принадлежитъ старшинство; историческое направленіе моложе годами, но въ послѣднее время дѣлаетъ все болѣе и болѣе завоеваній. Для разъясненія нѣмецкихъ взглядовъ на методу, мы остановимся, хотя въ общихъ чертахъ, на пріемахъ философской науки и исторической школы.

По распространенному въ Германіи и едвали подлежащему какому либо сомнѣнію взгляду, философская наука — представ-

[1]) Гросъ, в. н. с., § 53, называетъ политику эмпирической наукой; того же мнѣнія Моль, Gesch., III, стр. 363, у котораго политика названа опытной наукой; въ томъ же смыслѣ высказывается онъ и относительно науки объ обществѣ, Gesch., I, стр. 88. Такъ же и Шиллингъ, в. н. с., § 22.

ляетъ особую область знанія, которой свойственны и свои особые пріемы изслѣдованія. Философія не равнозначительна съ любомудріемъ, или знаніемъ вообще, какъ нерѣдко понимаютъ это слово во французской и англійской литературахъ [1]). Нѣмецкая философская наука, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, имѣетъ свою спеціальную задачу: вывести понятіе всего бытія изъ одного высшаго начала, которое въ себѣ самомъ примиряло бы все разнообразіе дѣйствительнаго міра — духъ и матерію, конечное и безконечное, единое и многообразное и такъ далѣе [2]). Этой задачѣ соотвѣтствуетъ и особая философская метода. Высшее начало, все объясняющее, дающее міру единство и смыслъ, не выводится путемъ опыта, рядомъ безконечныхъ наблюденій отдѣльныхъ явленій дѣйствительнаго міра,— а должно быть взято апріорно. Задача такого апріорнаго поз-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, Ог. Контъ подъ философіей разумѣетъ науку вообще, у него встрѣчается особая философія міра неорганическаго и органическаго. Точно также и Льюсъ подъ философіей разумѣетъ всякую науку; а потому, говоря о физическихъ опытахъ, употребляетъ такое выраженіе: „философскіе опыты“, то есть опыты, имѣющіе научное значеніе. Такое словоупотребленіе встрѣчается и въ нашей литературѣ: «философія всѣхъ временъ и народовъ ничто иное, какъ приложеніе разума къ познанію истины», Чичеринъ, Исторія политическихъ ученій, I, 271.

[2]) „Только та наука заслуживаетъ наименованіе философской науки, которая выводитъ все свое содержаніе изъ простаго понятія“, Гегель, Grundlinien der Philosophie des Rechts, § 279. „Ohne dialektische Kunst ist keine wissenschaftliche Philosophie! Schon ihre Absicht, Alles als Eins darzustellen und in Formen, die ursprünglich dem Reflex angehören, dennoch das Urwissen auszudrücken, ist Beweis davon“. F. W. Schelling, Vorlesungen über die Methode, 122. „Хотя Краузе и раздѣлялъ убѣжденіе всѣхъ великихъ философовъ, что философія, если только она возможна, должна вывести понятіе всякаго бытія изъ одного высшаго начала; но онъ еще требовалъ“ и такъ далѣе. Аренсъ, Deutsches Staats-Wörterbuch, сл. Krause. „Особенность философскаго взгляда состоитъ въ томъ, чтобъ исходя изъ цѣлаго познавать единичное, при чемъ предполагается, въ тиши, что цѣлое все же вытекаетъ изъ мысли, опредѣляющей частности“. Тренделенбургъ, Логическія изслѣдованія, перев. Е. Ѳ. Корша, I, стр. 1.

нанія и состоитъ въ томъ, чтобы установить нѣчто о предметахъ прежде, нежели они будутъ даны въ опытѣ (Кантъ). Первоначально, этотъ высшій принципъ можетъ явиться только гипотетически, гадательно, и совершенно оправдаться уже въ послѣдствіи, когда, съ точки зрѣнія философа, изъ него дѣйствительно окажется возможнымъ путемъ дедукціи вывести понятіе всего бытія (Тренделенбургъ). Отказаться отъ этого пути и признать необходимость обратнаго, то есть восхожденія къ общему путемъ частныхъ наблюденій, значитъ отказаться отъ самой философіи. Обратный путь поставилъ бы философію въ совершенную зависимость отъ успѣховъ отдѣльныхъ наукъ. Выясненіе всего бытія изъ единаго высшаго начала было бы тогда возможно только послѣ того, какъ къ этому началу пришли бы всѣ отдѣльныя науки, каждая своимъ особымъ путемъ и съ своей стороны. — Что же касается сверхъ опытнаго основнаго принципа, изъ котораго объясняется все бытіе, то разными философами онъ понимается различно: у однихъ это разумъ, мышленіе и его законы, чистое бытіе, у другихъ — самосознающее я, Богъ, понятіе абсолютнаго, у третьихъ — движеніе и такъ далѣе. Такова задача философской науки и ея основной пріемъ.

Другое явленіе, также имѣвшее вліяніе на методу нѣмецкой науки о государствѣ, есть историческая школа. Первоначальная область дѣятельности этой школы — обработка положительнаго права. Какъ по задачѣ, такъ и по методѣ наука исторической школы представляетъ совершеннѣйшую противоположность съ наукой философской. Задача исторической науки заключается въ разработкѣ *даннаго* матеріяла до послѣднихъ его корней; такая разработка должна повести къ раскрытію того живаго духа, которымъ этотъ положительный матеріялъ проникнутъ [1]). Такимъ образомъ, — живой духъ, объясняющій

[1]) Слова Савиньи, Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft, 117.

явленія, не привносится здѣсь самимъ изучающимъ, а почерпается имъ изъ самаго предмета изученія. Отсюда понятна и метода исторической школы. Она изучаетъ данный матеріялъ права, право въ его положительныхъ источникахъ. Наука права, такъ понимаемая, не могла не столкнуться съ философской наукой, которая часто не признавала ни какого значенія за положительнымъ правомъ и его источниками, разсматривала положительное право какъ временное, долженствующее мало по малу уступить свое мѣсто праву философскому. Съ борьбой этихъ двухъ направленій мы встрѣчаемся уже у Савиньи, одномъ изъ первыхъ и величайшихъ представителей исторической школы на германской почвѣ [1]).

Болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ того или другаго изъ этихъ двухъ противоположныхъ направленій и объясняются всѣ отдѣльные взгляды на методу въ современной нѣмецкой литературѣ. По особенности нѣмецкаго національнаго генія и нѣмецкихъ ученыхъ преданій, преобладающее значеніе и по настоящее время принадлежитъ философской методѣ. Но рядомъ съ нею и подъ вліяніемъ историческаго направленія, все сильнѣе и сильнѣе входитъ въ сознаніе мысль о невозможности понять государство и его явленія безъ изученія дѣйствительныхъ государствъ, то есть, безъ наблюденія внѣшнихъ явленій. Слѣдствіемъ этого сознанія являются съ одной стороны многочисленныя попытки соединить методу философскую съ наблюденіемъ, а съ другой — стремленіе, впрочемъ рѣдкое, изучать государство при помощи одного наблюденія. Сообразно съ этимъ разнообразнымъ вліяніемъ школы философской и исторической, всѣ существующіе взгляды на методу могутъ быть распредѣлены въ трехъ отдѣльныхъ группахъ: первую составятъ писатели, держащіеся чисто философской методы, вторую — попытки соединенія методы философской съ наблюде-

[1]) См. в. н, с., стр. 7 и 115.

ніемъ, третью — чистое наблюденіе. Болѣе подробному разсмотрѣнію этихъ группъ необходимо, однако, предпослать слѣдующую оговорку. Философская метода пустила на германской почвѣ чрезвычайно глубокіе корни: въ ея пользу высказываются иногда даже и такіе писатели, которые почти вовсе не находятъ возможнымъ примѣнять ее въ своихъ изслѣдованіяхъ. Такіе писатели, строго говоря, не могутъ быть отнесены ни во вторую, ни въ третью группу, а потому причисленіе ихъ къ той или другой еще не исчерпываетъ вопроса объ ихъ направленіи. Въ предпринимаемомъ очеркѣ нѣмецкихъ взглядовъ на методу, мы далеки отъ мысли исчерпать всѣ возможныя разновидности этихъ взглядовъ; мы имѣемъ въ виду указать только нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся. Подъ понятіе же выдающихся направленій мы подводимъ не только такія, которыя оказали сильное вліяніе на послѣдующую литературу, оставивъ въ ней продолжительные и глубокіе слѣды, но и такія, которыя хотя и не образовали особой школы, но принадлежатъ писателямъ, занимающимъ почетное мѣсто въ нѣмецкой литературѣ.

ЧИСТО ФИЛОСОФСКАЯ МЕТОДА.

Самое видное мѣсто по широкому распространенію въ литературѣ безспорно принадлежитъ методѣ раціоналистической. Первыя начала ея заложены еще въ XVII в., Гуго Гроціемъ; окончательную же свою разработку получила она въ трудахъ кенигсбергскаго философа, Эммануила Канта, и его многочисленной школы. Въ первой половинѣ текущаго столѣтія этой методѣ принадлежало полное господство въ наукѣ. Умаленіе ея вліянія идетъ параллельно съ усиленіемъ вліянія исторической школы. Но раціонализмъ пользовался столь продолжительнымъ и столь прочнымъ господствомъ, что и въ настоящее время, несмотря на всѣ успѣхи, сдѣланные историческимъ направленіемъ, все еще появляются сочиненія, авторы кото-

рыхъ во многомъ существенномъ продолжаютъ оставаться вѣрными его пріемамъ. Для общей характеристики этой методы мы будемъ слѣдовать, какъ «метафизическимъ основамъ права» Канта, такъ и сочиненіямъ его послѣдователей, Гроса и Роттека.

Не останавливаясь на философской системѣ Канта въ цѣломъ, мы возьмемъ изъ нея только то, что существенно необходимо для уразумѣнія послѣдующаго и прямо относится къ разсматриваемому вопросу. Кантъ, какъ извѣстно, отрицаетъ возможность познать бытіе (Бога, человѣческую душу, свободу воли) путемъ теоретическаго разума, то есть мышленія, направленнаго къ уразумѣнію предметовъ или явленій, находящихся внѣ самаго мышленія. Но такое познаніе отрицается имъ не вполнѣ: невозможное для теоретическаго разума считается возможнымъ для практическаго. Практическій разумъ — есть мышленіе, проявляющееся въ дѣйствіяхъ человѣка, производящее ихъ, мышленіе, вызывающее на свѣтъ, чего еще не было, но что должно быть. Въ этомъ смыслѣ практическій разумъ является творцомъ всего нравственнаго міра. Въ разумѣ, независимо отъ всякаго опыта, заложено требованіе хорошаго, которое должно быть осуществлено въ дѣйствіи — само для себя, безъ всякихъ постороннихъ разсчетовъ (нравственный законъ). Это безусловное повелѣніе разума (kategorischer Imperativ). Свобода воли, безсмертіе души, бытіе Божіе, недоступныя усиліямъ теоретическаго разума, являются необходимыми требованіями разума практическаго, ибо безъ свободы осуществлять требованія разума не можетъ имѣть смысла и самое требованіе, безъ признанія Высочайшаго Существа, Бога, какъ причины міра, осуществленіе нравственнаго закона не было бы обезпечено во всѣхъ его послѣдствіяхъ и такъ далѣе [1]).

[1]) Критика чистаго разума, пер. Владиславлева, Предисловіе ко второму изданію и далѣе, стр. 261 и слл., 588 и слл. Ср.: Stahl, Gesch.

Этотъ чистый разумъ, свободный отъ всего, внесеннаго въ него опытомъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и высшее начало права и государства. Разумъ является здѣсь не какъ средство, при помощи котораго человѣкъ изучаетъ внѣшнія явленія государственной жизни и доходитъ до уразумѣнія ихъ относительной необходимости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того порядка, который, при извѣстныхъ условіяхъ, долженъ считаться цѣлесообразнымъ и, слѣдовательно, наилучшимъ. Разумъ, съ разсматриваемой точки зрѣнія, есть самъ источникъ права. Онъ прямо и непосредственно изъ себя самаго указываетъ, что должно быть, какъ долженъ человѣкъ дѣйствовать [1]). Высшее начало права есть ничто иное, какъ законъ разума. Разумъ, какъ единая и основная сила, всюду стремится къ единству, къ согласію съ самимъ собой, онъ не терпитъ противорѣчій. Этотъ основной законъ разума — единство съ самимъ собой, отсутствіе противорѣчій — и есть вмѣстѣ съ тѣмъ и высшій принципъ права, который выражается въ такомъ положеніи: дѣйствуй такъ, чтобы свободное употребленіе твоей воли могло ужиться съ таковою же свободой каждаго другаго (тамъ же XXXIII, XXXIV); говоря иначе, дѣйствуй такъ, что бы не было противорѣчія между твоей свободой и свободой другихъ людей [2]).

Это высшее начало получается не путемъ наблюденія, а сверхъ опытно, а priori. Возможность такого апріорнаго начала только и дѣлаетъ законы (естественныя) законами, только оно придаетъ имъ значеніе необходимости. Всякія сужденія о человѣческихъ дѣйствіяхъ, которыя не отправляются отъ апріорныхъ началъ и основаны на опытѣ, не заключаютъ въ себѣ

---

der Rechtsph., стр. 193—210; Ahrens, Naturrecht, стр. 136 и сл., и предисловіе М. Владиславлева къ изданію его перевода критики чистаго разума.

[1]) Kant, Metaphisische Anfangsgründe der Rechtslehre, 1798, I, стр. IX, X, XVIII, XXVII, XXXII.

[2]) Rotteck, Lehrbuch des Vernunftrechts, I, 3—4, 7, 21—22.

ничего нравственнаго (здѣсь берется нравственность въ широкомъ смыслѣ, какъ мораль и право) и могутъ повести только къ грубѣйшимъ и опаснѣйшимъ ошибкамъ [1]).

Въ этомъ высшемъ, сверхъ опытномъ началѣ права должны включаться всѣ дальнѣйшія, болѣе частныя опредѣленія; они должны быть даны вмѣстѣ съ нимъ и только по стольку и считаются истинными, по скольку мыслятся въ немъ [2]). Это требованіе опредѣляетъ и всю дальнѣйшую методу раціонализма. Она заключается въ раскрытіи основнаго положенія (дедукція), въ выведеніи изъ него всего того, что въ немъ напередъ уже было заложено. Для примѣра этой методы укажемъ на выведеніе изъ высшаго начала понятія о правѣ, какъ оно встрѣчается въ учебникахъ разсматриваемаго направленія. Высшее начало есть разумъ, съ необходимостью предписывающій человѣку извѣстный образъ дѣйствія. Чтобы слѣдовать этимъ предписаніямъ разума, человѣкъ долженъ быть свободенъ. Этотъ новый элементъ, свобода, дается уже первымъ положеніемъ человѣкъ разуменъ, ибо безъ свободы воли невозможно исполненіе требованій разума. Свобода необходима въ двухъ направленіяхъ, какъ внутренняя и какъ внѣшняя. Подъ внутренней свободой разумѣется способность опредѣлять себя по требованіямъ разума и независимо отъ всякихъ сторонникъ соображеній (благодарности, любви и пр.). Но эта внутренняя свобода не возможна, если внѣшняя дѣятельность человѣка не будетъ ограждена отъ чужаго произвола. Такимъ образомъ, человѣку, ради внутренней свободы, необходима и внѣшняя. Эта внѣшняя свобода, необходимо требуемая разумомъ, и составляетъ область моего права. — Но рядомъ со мною существу-

---

[1]) Кантъ, VII, VIII; ср. Роттекъ, I, 48. „Только то необходимо и всеобще, что вытекаетъ изъ разума. Опытъ же можетъ указать только на то, что бываетъ, но не скажетъ, что должно быть“, Gros, Lehrbuch des Naturrechts § 286. Также и Шиллингъ, §. 14.

[2]) Роттекъ, I, 59.

ютъ другія разумныя существа. Такъ какъ разумъ не терпитъ противорѣчій, то необходимо, что бы и другіе люди были также свободны. Отсюда, отсутствіе противорѣчія между моею свободой и свободой другихъ людей и есть право; говоря иначе, условіе сосуществованія разумныхъ существъ заключается въ томъ, чтобы каждый дѣйствовалъ по такимъ правиламъ, при соблюденіи которыхъ возможно проявленіе свободной воли каждаго. Свобода и право — одно и тоже; или, возвращаясь къ точкѣ отправленія, разумъ, свобода и право — одно [1]). Все послѣдующее дано, такимъ образомъ, въ одномъ высшемъ понятіи разума, служащемъ исходной точкой дедукціи.

Такъ какъ источникомъ права является разумъ, а разумъ одинъ, то понятно, что изъ него можетъ быть выведена только одна система права, безусловно необходимая, и долженствующая вытѣснить то разнообразіе правъ, которое представляетъ дѣйствительная жизнь. Такимъ образомъ, метода раціоналистическая даетъ въ результатѣ идеальный порядокъ, единственно возможный [2]). По своему источнику, это идеальное право обозначается именемъ «права разума» (Vernunftrecht); съ Канта это наименованіе стало вытѣснять прежде употребительное названіе естественнаго права.

Таковъ раціонализмъ. Нѣмецкая критика давно оцѣнила его по достоинству, указавъ, какъ его заблужденія, такъ и ту пользу, которую онъ принесъ современному человѣчеству, распространеніемъ гуманныхъ идей [3]). Мы не будемъ здѣсь повторять ея приговора и остановимся только на прямо интересующемъ насъ вопросѣ, именно на примѣненіи раціоналистической методы къ изученію государства, или правильнѣе—къ созданію системы идеальнаго государственнаго права.

---

[1]) Гросъ, §. §. 21—27; Роттекъ, I, стр. 13—28.

[2]) Роттекъ, I, стр. 48.

[3]) См. Шталя, Gesch. der Rechtsphil.

Какъ выше было показано, эта система должна быть плодомъ логическаго выведенія всѣхъ отдѣльныхъ нормъ изъ одного высшаго начала и безъ всякаго содѣйствія опыта (въ смыслѣ наблюденія), т. е. всѣ отдѣльныя положенія уже напередъ должны быть даны—въ высшемъ началѣ. Такимъ образомъ, вся система государственнаго права должна быть результатомъ раскрытія выше приведеннаго положенія: «твоя свобода не должна противорѣчить свободѣ другихъ людей», или: «дѣйствуй такъ, что бы съ осуществленіемъ твоей свободы могла ужиться свобода другихъ людей». Если, несмотря на очевидную невозможность вывести все богатое разнообразіе нормъ государственной жизни изъ этого крайне отвлеченнаго и чисто формальнаго начала, литература представляетъ попытки такихъ выведеній,—то это только благодаря тому, что раціоналисты сами не замѣчали, какъ много въ этихъ попыткахъ прихватывали они изъ опыта. Ихъ системы не плодъ дедукціи изъ одного высшаго начала, а выборка изъ разныхъ положительныхъ законодательствъ тѣхъ нормъ, которыя наиболѣе имъ нравились, т. е. казались имъ разумными, при чемъ эти нормы, по требованіямъ то же личнаго вкуса, подвергались передѣлкамъ, нерѣдко свидѣтельствовавшимъ только о томъ, какъ онѣ плохо были поняты въ ихъ настоящемъ источникѣ. Такимъ образомъ, у раціоналистовъ, на самомъ дѣлѣ, разумъ и его законы—не источникъ права, а только средство познанія.

Кантъ. Для уясненія сказаннаго, мы остановимся ближе на нѣкоторыхъ подробностяхъ кантовскаго ученія о государствѣ. Приступая къ изложенію своего государственнаго права, онъ высказываетъ такое положеніе: «необходимость государства познается не изъ опыта, а a prіorі», и при этомъ указываетъ на то, что внѣ государства люди не удержались бы отъ насилій въ случаѣ возникновенія спора объ ихъ правахъ и при отсутствіи учрежденія судовъ (I, 192 и сл.). Послѣднее совершенно вѣрно, но извѣстно не a prіorі, и вовсе не вытекаетъ изъ высшаго на-

чала, изъ разума, предписывающаго съ необходимостью извѣстный порядокъ поведенія. Если разумъ предписываетъ извѣстный порядокъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что люди безъ судовъ не будутъ его соблюдать. А если они дѣйствительно обратятся къ насиліямъ, что возможно, то это слѣдуетъ не изъ разума, а изъ знанія чувственной природы человѣка, изъ наблюденія этой природы. Во введеніи (XI) Кантъ утверждаетъ, что метафизика нравовъ (права и морали) не можетъ быть основана на антропологіи: она, какъ уже готовая, только прилагается къ природѣ человѣка. Согласно съ этимъ, необходимость государства, легко объяснимая изъ природы человѣка, не можетъ быть выводима Кантомъ изъ этого источника, а потому онъ и усиливается получить государство апріорно. Это послѣдовательно, съ точки зрѣнія требованій методы, но на дѣлѣ не выполняется.

Другой образчикъ подобной же кажущейся дедукціи изъ законовъ разума представляетъ и непосредственно слѣдующее за этимъ рѣшеніе вопроса о дѣленіи властей. Относящійся сюда отдѣлъ начинается такимъ образомъ: «каждое государство заключаетъ въ себѣ три власти....» Со стороны формы это начало совершенно несоотвѣтствуетъ методѣ: здѣсь утверждается существующій фактъ, а вовсе не высказывается сужденіе о томъ, что должно быть. Но со стороны содержанія, встрѣчаемся съ новымъ усиліемъ связать это утвержденіе факта съ основнымъ принципомъ всей дедукціи. Съ этою цѣлью три власти уподобляются тремъ частямъ силлогизма и, такимъ образомъ, необходимость дѣленія какъ бы выводится изъ законовъ мысли. Но между тремя частями силлогизма и тремя властями — существуетъ только чрезвычайно поверхностное сходство: оно есть въ числѣ и отсутствуетъ въ существѣ дѣла. И здѣсь и тамъ три части, но взаимное отношеніе трехъ властей существенно разнится отъ взаимнаго отношенія трехъ частей силлогизма, а потому и ни какъ не можетъ быть изъ него выводимо [1]). Но

[1]) На эту невозможность обратилъ вниманіе еще Шталь; онъ же ука-

за этимъ остается вопросъ, если три власти не даются законами разума, то откуда же взялись они въ ученіи Канта? Есть основаніе думать, что три власти, какъ и самое государство, суть плодъ предварительнаго знакомства съ извѣстной теоріей Монтескьё и съ учрежденіями Англіи, хотя и не совсѣмъ правильно понимаемыми. Страница 201 разсматриваемаго сочиненія можетъ служить подтвержденіемъ этого предположенія. Говоря объ отдѣленіи исполнительной власти отъ законодательной, Кантъ высказываетъ мысль, что власть законодательная (которую онъ не различаетъ отъ суверенитета) можетъ смѣнять представителя (rex, princeps) исполнительной власти и реформировать его управленіе, подвергать же его наказанію не можетъ. При этомъ, для поясненія, онъ ссылается на извѣстную фикцію англійскаго права, въ силу которой король не можетъ сдѣлать несправедливости. Все это взято не совсѣмъ правильно, англійскій король имѣетъ мало общаго съ исполнительной властью Канта и, конечно, не можетъ быть приводимъ въ разъясненіе относящихся до послѣдней правилъ, — но эта ссылка, тѣмъ не менѣе, указываетъ на скрытый источникъ трехъ властей. Они взяты изъ наблюденія, не составляютъ необходимаго требованія разума и только изъ угожденія методѣ приведены въ шаткую связь съ тремя частями силлогизма.

Но Кантъ даже и въ этомъ смыслѣ не всегда послѣдователенъ. Высказавъ во введеніи требованія философской методы, онъ не рѣдко вовсе не заботится слѣдовать этимъ требованіямъ при самомъ изложеніи. Установляя разныя нормы государственнаго права въ дальнѣйшихъ частяхъ книги, онъ почти не беретъ на себя труда показать, какъ эти нормы вяжутся съ высшимъ началомъ. Любопытный примѣръ этому даетъ слѣдующій же непосредственно вопросъ о томъ, кому должна принадлежать

залъ и на существенное различіе во взаимномъ отношеніи трехъ властей и трехъ частей силлогизма, см. его Staatslehre, стр. 200.

власть законодательная. Законодательная власть, учитъ Кантъ, должна принадлежать соединенной волѣ народа. Читателя, конечно, интересуетъ узнать, какъ это положеніе вытекаетъ изъ законовъ разума; но Кантъ даже и не пытается указать на эту связь. Въ доказательство необходимости выставленнаго имъ правила, онъ приводитъ только соображенія полезности, и именно тѣ, которыя съ Руссо сдѣлались общимъ мѣстомъ тогдашней политической литературы. «Такъ какъ отъ законодательной власти, говоритъ Кантъ, исходитъ всякое право, то она должна быть такъ организована, чтобы не имѣла возможности никому причинить неправды. Но всегда возможна неправда въ томъ случаѣ, когда кто либо издаетъ законъ для другихъ, и, наоборотъ, неправда невозможна въ томъ, что онъ постановляетъ для себя. Отсюда и понятно, что только согласная воля всѣхъ и можетъ быть законодателемъ, поскольку каждый даетъ законъ всѣмъ и всѣ каждому» [1]). Пять строкъ ниже, Кантъ выдаетъ и другой столь же не философскій источникъ ученія о принадлежности законодательной власти соединенной волѣ народа. На этотъ разъ это извѣстный взглядъ древнихъ германцевъ на свободу, по которому свободный человѣкъ подчинялся только такимъ постановленіямъ, на принятіе которыхъ онъ самъ давалъ свое согласіе. — Въ концѣ XVIII вѣка такіе аргументы могли казаться достаточными, чтобы убѣдить всѣхъ и каждаго въ томъ, что предоставленіе законодательной власти «соединенной волѣ» народа есть уже полная гарантія — господства правды и свободы на землѣ; а потому положеніе Руссо и Канта мог-

[1]) Это только передача своими словами извѣстнаго мѣста изъ Contrat social Руссо, въ которомъ онъ опредѣляетъ задачу своего труда, найдти такую форму ассоціаціи, въ которой каждый отдѣльный членъ, входя въ единеніе съ другими, повиновался бы, однако, только самому себѣ, стр. 25. Ср. еще стр. 31. Сказавъ, что государь — есть общая воля народа, Руссо продолжаетъ: государь, составленный изъ всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, не можетъ имѣть интересовъ, которые расходились бы съ ихъ собственными интересами.

ло считаться удовлетворяющимъ всѣмъ разумнымъ требованіямъ. Настоящее время думаетъ объ этомъ вопросѣ нѣсколько иначе. Оно пришло къ убѣжденію, что подъ волей народа, въ благоустроенномъ государствѣ, можно разумѣть только мнѣніе большинства, а ни какъ не единогласное рѣшеніе; большинство же можетъ быть несправедливо по отношенію къ меньшинству. Такимъ образомъ, предоставленіе законодательной власти народу, возможное только въ формѣ одѣленія этою властью большинства народа, — не есть еще послѣдняя гарантія свободы. Согласно съ этимъ, современная наука ищетъ еще и другихъ гарантій.

Но это еще не самый рѣзкій образчикъ невѣрности методѣ и задачѣ. Иногда Кантъ совершенно забываетъ, что онъ долженъ дать систему нормъ, и ограничивается однимъ указаніемъ на несовершенное состояніе положительныхъ законодательствъ [1]). Такъ далеко расходится у него исполненіе съ задачей. Вмѣсто того, чтобы стать законодателемъ міра и дать ему вѣчныя основы права и съ логическою необходимостью вытекающія изъ нихъ учрежденія, Кантъ только прислушивается къ ходячимъ толкамъ современной ему политической литературы, присматривается къ историческимъ явленіямъ и выбираетъ то, что ему нравится. Со стороны вкуса онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія современнаго ему либеральнаго направленія и въ этомъ духѣ рѣшаетъ всѣ поднимаемые имъ вопросы [2]). Государствен-

---

[1]) Примѣръ этому находимъ на 218 стр., гдѣ Кантъ задается вопросомъ о томъ, на чей счетъ должно государство содержать воспитательные дома, на счетъ ли холостыхъ людей обоего пола, или другимъ какимъ способомъ? „Это такая задача, заключаетъ онъ, рѣшить которую до сихъ поръ не удавалось безъ нарушенія права или нравственности“.

[2]) Напримѣръ, наслѣдственной аристократіи не должно быть, потому что заслуги предковъ не могутъ переходить по наслѣдству (222); или: правительство не имѣетъ права смѣнять чиновниковъ по усмотрѣнію, правитель государства не долженъ имѣть поземельной собственности (217) и пр. — Государственное право Канта отличается крайней бѣдностью содер-

ное право Канта есть ничто иное, какъ проповѣдь либерализма, хотя и въ весьма умѣренномъ тонѣ. Онъ признаетъ раціональной и необходимой только одну форму государственнаго устройства; положительное право считаетъ только временнымъ состояніемъ. Но не проповѣдуетъ немедленнаго введенія раціональной формы, даже прямо воздерживаетъ отъ такого шага. Эмпирическія формы (статутарныя) могутъ, по его мнѣнію, оставаться, пока привычка дѣлаетъ ихъ необходимыми, но правительства обязаны — по мѣрѣ возможности — стремиться къ сближенію этихъ формъ съ раціональнымъ устройствомъ [1]).

Находимое у Канта несоотвѣтствіе методы и исполненія не есть дѣло случая, не есть плодъ его личнаго неумѣнья хорошо выполнить разъ начертанный и въ самомъ себѣ исполнимый планъ. Это несоотвѣтствіе есть необходимое слѣдствіе самой методы, а потому одинаково встрѣчается у всѣхъ раціоналистовъ, съ тою только разницею, что послѣдователи Канта еще менѣе своего учителя заботятся о выведеніи своихъ положеній изъ чистаго разума и его законовъ. Такъ Гросъ считаетъ возможнымъ въ естественномъ, или, что тоже, разумномъ правѣ— опредѣлять нормы во первыхъ, съ точки зрѣнія государства вообще, и во вторыхъ, съ точки зрѣнія разныхъ формъ государственнаго устройства. Нормы перваго порядка даютъ у него начало абсолютному, или безусловному государственному праву, втораго — гипотетическому, или условному (LeHrb. § 292). Такимъ образомъ, въ философское право разума вносится все ученіе объ эмпирическихъ формахъ государственнаго устройства. Кантъ въ этомъ отношеніи былъ послѣдовательнѣе. Онъ предлагаетъ только одну форму, всѣ же остальныя считаетъ эмпирическими, долженствующими уступить свое мѣсто раціональной. Это и понятно. Изъ разума, единаго по су-

Гросъ

жанія. Не смотря на всю краткость нашего очерка, мы коснулись значительнаго большинства затрогиваемыхъ имъ вопросовъ.

[1]) Кантъ, § 52, ср. еще стр. 203 и сл.

ществу и недопускающаго противорѣчій, можно вывести только одну форму долженствующую быть, а ни какъ не нѣсколько. Гросъ чувствуетъ свою непослѣдовательность и старается оправдать ее такимъ замѣчаніемъ: ни какая изъ разнообразныхъ формъ государственнаго устройства не противорѣчитъ безусловно идеѣ права (§ 412). Съ этимъ можно согласиться, но ни какъ не съ точки зрѣнія раціонализма, на которой стоитъ Гросъ [1]). Раціонализмъ, какъ знаніе сверхъ опытное, не можетъ отправляться отъ дѣйствительныхъ формъ. Единственно возможное отношеніе его къ нимъ—чисто отрицательное, какъ у Канта. Гросъ отступаетъ отъ указаній своего учителя и къ его непослѣдовательностямъ присоединяетъ еще новыя.

Если Кантъ и Гросъ, дѣятельность которыхъ главнымъ образомъ была посвящена школѣ, не могли держаться въ той крайне отвлеченной и далекой отъ жизни средѣ, которая требуется ихъ методой, то тѣмъ менѣе можно ожидать этого отъ Роттека, всѣ силы котораго были направлены къ дѣйствительности, къ ея нуждамъ и пользамъ. Его «право разума» представляетъ самую чудную смѣсь философіи съ практикой. Во введеніи онъ высказывается совершенно въ духѣ школы: всѣ положенія права разума должны быть выведены изъ одного общаго начала и такъ далѣе. Но за тѣмъ въ свое философское право, ни мало не подозрѣвая своей непослѣдовательности, вводитъ «государственную метаполитику», начала которой, по собственному его сознанію, должны быть почерпаемы не только изъ разума, но и изъ опыта [2]). Эти то опытомъ добытыя по-

---

[1]) Во введеніи Гросъ высказывается совершенно въ духѣ Канта: практическій разумъ есть для него законодатель внѣшней свободы, § 41, естественное право опредѣляется изъ разума и не можетъ вытекать изъ опыта § 43, и такъ далѣе.

[2]) Роттекъ, II, 45 и слѣдующія. Вотъ, для примѣра, какъ онъ распредѣляетъ свой матеріялъ между этими двумя пріемами: содержаніе первоначальнаго договора, въ силу котораго возникло государство, можетъ быть

ложенія служатъ Роттеку однимъ изъ основаній, на которыхъ онъ строитъ свое общее (философское) государственное право, то есть ту именно часть своего ученія, которая, по собственному его сознанію, есть наука, основанная на правѣ разума [1]). Эти противорѣчія объясняются тѣмъ, что подъ правомъ разума Роттекъ, также какъ и Кантъ, разумѣетъ не то, что съ необходимостью должно вытекать изъ высшаго начала, какъ логическое его слѣдствіе (какъ бы слѣдовало — по методѣ), а то, что ему лично кажется разумнымъ, то есть, что ему нравится по какимъ либо, можетъ быть даже и совершенно хорошимъ основаніямъ, при чемъ самый матеріялъ обсужденія берется изъ опыта. Напримѣръ, останавливаясь на вопросѣ о томъ, можетъ ли человѣкъ по усмотрѣнію дѣлаться гражданиномъ любаго государства, или, наоборотъ, онъ долженъ вѣчно оставаться членомъ того, къ которому разъ принадлежитъ, — Роттекъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу свободнаго выхода на томъ основаніи, что обѣщаніе вѣчно быть гражданиномъ извѣстнаго государства неразумно. Прежде всего необходимо замѣтить, что самый вопросъ не можетъ имѣть мѣста въ чисто философской наукѣ. Чисто философская наука можетъ знать только одно государство, нѣсколько государствъ и возможные при этомъ переходы изъ одного въ другое — даются опытомъ, они не вытекаютъ изъ чистаго разума. Согласно съ этимъ и роттеково разумно можетъ имѣть значеніе только цѣлесообразности. То есть, едва существуетъ нѣсколько государствъ, и едва одно изъ нихъ болѣе соотвѣтствуетъ потребностямъ извѣстнаго человѣка, чѣмъ другое, то, такъ какъ все дѣло въ личной волѣ человѣка (точка зрѣнія Роттека), нецѣлесообразно запрещать ему свободный выборъ [2]).

опредѣлено только изъ разума (56); что же касается государственной области и ея населенія — это дѣло опыта (67, 79).

[1]) Роттекъ, II, 81.

[2]) Роттекъ, II, 135. Благодаря тому же пріему, на стр. 130 узнаемъ,

Чтобы заключить эту замѣтку, посвященную Роттеку, мы укажемъ еще только на ссылки на практическую часть труда разбираемаго автора, которыя встрѣчаются въ его общемъ государственномъ правѣ. По смыслу этихъ ссылокъ, тотъ или другой вопросъ, затронутый въ теоретической части, долженъ быть окончательно разработанъ въ практической (см. II. 151, 152, 170), которая беретъ свои начала изъ наблюденія природы разныхъ формъ государственнаго устройства [1]). Благодаря этимъ ссылкамъ, философская часть даже и въ томъ несовершенномъ видѣ, въ какомъ она существуетъ у Роттека, лишается всякой самостоятельности и совершенно сливается съ практической. Послѣдняя додѣлываетъ то, что начинаетъ первая. Только во избѣжаніе повтореній, какъ сознаетъ Роттекъ, теоретическая часть должна остановиться на началѣ.

Роттекъ былъ слишкомъ поглощенъ практическими вопросами и желаніемъ вліять на ходъ современной ему политиче-

---

что прирожденныя права человѣка могутъ быть ограничены въ государствѣ по соглашенію, въ основаніе котораго должно лежать начало полезности; а на 143 —, что неравенства въ правахъ возможны, если только они будутъ основываться на разумныхъ началахъ. Это все, конечно, не изъ чистаго разума, а по соображеніямъ политики. На 139 стр. Роттекъ и прямо высказываетъ мнѣніе о недостаточности одного разума, какъ источника государственнаго права, и рядомъ съ нимъ допускаетъ другой — „политическія основанія“.

[1]) Роттекъ, II, стр. 176. Что касается отношенія этой практической части, или политики, къ теоретической, или государственному праву, то Роттекъ и здѣсь частью впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, частью же смѣшиваетъ политику, какъ ученіе, съ политикой практикой. На стр. 2 — политика, какъ ученіе, поставлена въ совершенную зависимость отъ государственнаго права, она вращается только въ той средѣ, которая для нея очерчена государственнымъ правомъ, она исполняетъ то, что право предписываетъ. Это, конечно, не политика-наука, а политика-практика. Наоборотъ, на стр. 176 — государственное право по отношенію къ той же практической наукѣ, имѣетъ значеніе только мѣрила сравненія. — На недостаточное разграниченіе въ нѣмецкой литературѣ науки и практики было указано еще выше.

ской жизни, чтобы много задумываться надъ вѣрностью и примѣнимостью той философской методы, сторонникомъ которой онъ высказался въ своемъ введеніи. Какъ добрый сынъ Германіи и при томъ Германіи первой половины текущаго столѣтія, онъ не могъ обойтись безъ философской системы, взялъ ту, которая у всѣхъ была на умѣ, и подъ ея покровомъ ревностно отдался проповѣди либеральныхъ идей, мало заботясь о томъ, дѣйствительно ли вытекаютъ они изъ единаго высшаго начала, или даются простой наглядкой того, что происходитъ передъ глазами.

Въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ философская метода — въ своей исключительности—почти не имѣетъ приверженцевъ; но она продолжаетъ жить, хотя и далеко не полной жизнью, въ разнаго рода соединеніяхъ съ методой опытной. Это и заставило насъ остановиться на школѣ Канта, вліяніе которой можно наслѣдить въ сочиненіяхъ самаго послѣдняго времени. Подобное же соображеніе дѣлаетъ необходимымъ остановиться и на діалектической методѣ Гегеля, хотя вліяніе его на современную литературу проявляется нѣсколько инымъ образомъ. Самый пріемъ, сколько мы знаемъ, въ новѣйшей литературѣ имѣетъ слишкомъ мало послѣдователей; но отдѣльныя мысли, высказанныя этимъ философомъ, раздѣляются и служатъ точкой отправленія для весьма многихъ современныхъ ученыхъ. Такимъ образомъ, на методѣ Гегеля полезно остановиться не только въ виду того высокаго положенія, которое онъ занимаетъ въ исторіи нѣмецкой философіи, но и для правильной оцѣнки современныхъ политическихъ ученій.

Метода Гегеля чисто философская въ томъ смыслѣ, который указанъ выше, то есть все ученіе должно съ необходимостью развиваться изъ одного высшаго начала. Что касается до этого высшаго начала, то Гегель понимаетъ его нѣсколько иначе, чѣмъ раціоналисты. У него это тоже разумъ, или, точнѣе, — мышленіе и его законы; но особенность его взгляда въ томъ,

что онъ отожествляетъ — чистую мысль и бытіе [1]). Къ этому тожеству бытія и мысли, онъ приходитъ слѣдующимъ путемъ. Исходя отъ того наблюденія, что истинная природа вещей обнаруживается подъ вліяніемъ размышленія, Гегель заключаетъ, что истина предметовъ, есть произведеніе человѣческаго духа, какъ мыслящаго субъекта. Отсюда, мысль и ея формы получаютъ объективное значеніе, а логика, наука о формахъ мысли, совпадаетъ съ наукою о сущности вещей. Такимъ образомъ, мышленіе является всеобщимъ началомъ всѣхъ предметовъ, какъ естественнаго, такъ и духовнаго міра, и образуетъ основу всего существующаго [2]). Этимъ отожествленіемъ мышленія и бытія объясняется и знаменитое положеніе Гегеля: «что разумно, то дѣйствительно, и что дѣйствительно, то разумно».

Діалектическая метода, при помощи которой понятіе развивается само изъ себя, и такимъ образомъ изъ чистой мысли получается весь міръ бытія, состоитъ въ слѣдующемъ. Всякая мысль, по мнѣнію Гегеля, заключаетъ въ себѣ три различныхъ по существу момента, которые одинъ другимъ вызываются съ необходимостью. Первый моментъ, мы назовемъ его положеніемъ, есть всякое разсудочное опредѣленіе; у Гегеля это моментъ отвлеченный или разсудочный. Но всякое положеніе, продолжаетъ Гегель, съ необходимостью вызываетъ свое противоположное, ибо всѣ опредѣленія разсудка односторонни и ограничены, и поэтому содержатъ отрицаніе самихъ себя. Въ силу единства мысли и бытія, это законъ не мысли только, но и бытія. Въ дѣйствительности все конечное, по самой природѣ своей, уничтожается и переходитъ въ свое противоположное, напримѣръ, жизнь въ смерть. Только живое можетъ умереть, поэтому понятіе жизни съ необходимостью вызываетъ свое противоположное, понятіе смерти. Подобно этому, сильное горе

[1]) Логика, § 86, переводъ В. Чижова.
[2]) Логика, §§ 23 и 24.

разсматривается въ общежитіи, какъ предвѣстникъ радости и наоборотъ. Въ сферѣ политической — анархія ведетъ къ деспотизму, какъ своему противоположенію, и наоборотъ, деспотизмъ къ анархіи. Тотъ же законъ выражается и въ поговоркѣ: summum jus — summa injuria. Этотъ второй моментъ противоположенія у Гегеля называется діалектическимъ. Третій моментъ заключается въ также необходимомъ соединеніи двухъ первыхъ въ высшемъ понятіи, у Гегеля спекулятивный моментъ. Напримѣръ, «бытіе» вызываетъ свое противоположное — «ничто», и оба соединяются въ третьемъ моментѣ въ «порождающемъ бытіи» (das werden); «идея сама въ себѣ» вызываетъ «природу», и обѣ соединяются въ «духѣ»; «право» вызываетъ «преступленіе» и оба соединяются въ «наказаніи»; «семейство» вызываетъ «гражданское общество», и оба соединяются въ «государствѣ» и прочее. Каждый моментъ, въ свою очередь, распадается на новые три и такъ далѣе. Такимъ образомъ, весь міръ бытія является въ видѣ одной неразрывной діалектической цѣпи понятій, во главѣ которой стоитъ чистое бытіе, или мышленіе, или, что тоже, ничто [1]).

Такова діалектическая метода Гегеля. Нѣмецкая литература подвергла ее всесторонней критикѣ и отвергла во всѣхъ отношеніяхъ, какъ совершенно безплодную игру понятіями [2]). Не въ видахъ провѣрки этого рѣшенаго вопроса, а только для выполненія нашей собственной задачи, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на тѣхъ звѣньяхъ діалектической цѣпи Гегеля, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ государству.

Согласно съ указаннымъ выше взглядомъ Гегеля на отношеніе мышленія къ бытію, задача его философіи права заключается не въ построеніи государства, какъ оно должно быть,

---

[1]) Логика, §§ 79—82.

[2]) См. Шталя, Gesch. der Rechtsph. 414—483; Тренделенбурга, Логическія изслѣдованія, I, стр. 47—114; Блюнчли, Gesch. des allg. Staatsr. 545 и слл.

а въ постиженіи того, что есть, ибо то, что есть, есть разумъ [1]). Тѣмъ не менѣе, философія права есть у него наука чисто апріорная; ея принципы и основныя начала берутся не изъ наблюденія. Задача философіи права только присматриваться къ тому, какъ изъ основнаго понятія, сами собой, въ силу діалектической методы—развиваются всѣ остальныя положенія [2]).

Нельзя не указать на то, что заявленное Гегелемъ въ предисловіи къ философіи права намѣреніе, дать не идеалъ государства, а разъяснить то, что есть,—составляетъ великій шагъ въ исторіи нѣмецкой науки. Къ сожалѣнію, діалектическая метода не въ силахъ разрѣшить возложенную на нее задачу. Намѣреніе Гегеля такъ и осталось намѣреніемъ; въ дѣйствительности же его философія только увеличиваетъ и безъ того значительный запасъ идеаловъ, выставленныхъ нѣмецкою литературою, еще однимъ новымъ.

Такъ какъ философія права есть только часть философскаго знанія вообще, то отсюда понятно, что, по необходимой связи всѣхъ отдѣльныхъ звеньевъ діалектической цѣпи, основное начало философіи права получается уже какъ результатъ предшествующей дедукціи и ставится во главѣ философскаго ученія о правѣ, какъ готовое. [3]). Для нашей цѣли будетъ довольно, начать изложеніе діалектической дедукціи права съ того момента, съ котораго начинаетъ самъ Гегель въ своей философіи права, принимая на вѣру необходимую его связь съ моментами предшествующими.

Основное начало права, говоритъ Гегель, есть свободная

---

[1]) Hegel, Grindlinien der philos. des Recht, 1833, Введеніе, стр. 18 19.

[2]) Тамъ же, § 2. Въ особой статьѣ, Ueber die wissenschaftlichen Behandlungsarten des Naturrecht. Гегель высказываетъ такое мнѣніе: всѣ науки, отправляющіяся отъ наблюденія, должны отказаться отъ притязанія быть истинными науками, Werke, I, 323.

[3]) Hegel, Grundlinien der Philos. de Rechts, § 2.

воля, ибо воля безъ свободы пустое слово. Но воля есть тоже мышленіе, ибо нельзя себѣ представлять человѣка, какъ будто бы у него въ одномъ карманѣ была спрятана способность мыслить, а въ другомъ — способность дѣйствовать. Отношеніе мышленія къ волѣ такое же, какое существуетъ между теоріей и практикой. Но это не двѣ разныя способности: воля есть только особый видъ мышленія, мышленіе переходящее въ бытіе [1]).

Изъ этой свободной воли и вытекаетъ, сама собой, путемъ діалектики вся область права. Прежде всего, согласно съ законами діалектики, свободная воля распадается на слѣдующіе три момента. Во первыхъ, моментъ формальнаго права, подъ чѣмъ Гегель разумѣетъ: право собственности, владѣніе, договоръ и, наконецъ, преступленіе; во вторыхъ, моментъ морали; въ третьихъ, моментъ нравственности, какъ единство двухъ предшествующихъ моментовъ. Подъ нравственностью Гегель разумѣетъ здѣсь сферу семейной, общественной и государственной жизни. Далѣе, по тому же діалектическому закону, послѣдній спекулятивный моментъ, въ свою очередь, распадается на три новыхъ момента: семейство, его противоположеніе — общество и, наконецъ, спекулятивный моментъ, какъ единство двухъ предшествующихъ,—государство (§ 33).

Такимъ образомъ, государство является само собой, независимо отъ опыта, единственно въ силу необходимаго развитія идеи свободной воли. Но дѣйствительно ли это такъ? Допустимъ первоначально, что метода сама по себѣ вѣрна, и всмотримся ближе въ ея пріемы при самомъ ихъ примѣненіи къ дѣлу. Въ

[1]) Тамъ же, § 4. Несмотря на различіе методы и основнаго начала дедукціи у Канта и Гегеля, нельзя не замѣтить близкаго сходства между свободной волей послѣдняго и практическимъ разумомъ перваго. Далѣе, нѣкоторыя опредѣленія Гегеля совершенно сходятся съ опредѣленіями Роттека. У послѣдняго, какъ выше было замѣчено, свобода и право одно и тоже. У Гегеля система права есть міръ осуществленной свободы (стр. 34); это тоже самое.—На точку соприкосновенія Гегеля съ Руссо указываетъ Аренсъ, Naturrecht, стр. 182.

первомъ звенѣ, роль положенія играетъ — абстрактное или формальное право, то есть (по Гегелю) совокупность нормъ права гражданскаго (хотя и не вполнѣ, за исключеніемъ семейнаго) и права уголовнаго; противоположеніе къ нему составляетъ область морали. Этотъ первый шагъ уже совершенно не соотвѣтствуетъ методѣ въ томъ смыслѣ, какъ она установлена логикой. Формальное право и мораль не исключаютъ другъ друга съ необходимостью, какъ, напримѣръ, бытіе и ничто, а потому и не могутъ вызывать другъ друга.

Гегель самъ чувствуетъ слабую сторону этой своей дедукціи и старается оправдать ее такимъ соображеніемъ. Въ положеніи, говоритъ онъ, свобода является только какъ внѣшняя, человѣкъ свободенъ, какъ субъектъ правъ, по скольку проявляетъ свое бытіе во владѣніи вещами. Въ противоположеніи—онъ свободенъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ, свободенъ субъективно. Можно согласиться, что въ обоихъ случаяхъ свобода берется съ разныхъ точекъ зрѣнія, но эти двѣ точки зрѣнія не исключаютъ одна другую. Здѣсь есть *различіе*, а не взаимное уничтоженіе, что, собственно, требуется. Такимъ образомъ, формальное право и мораль въ діалектическомъ моментѣ даны не діалектикой; а наоборотъ, здѣсь видно только усиліе діалектики подвести наблюдаемыя явленія подъ свои формы, хотя и съ отступленіемъ отъ ихъ настоящаго смысла.

Тоже надо сказать и о второмъ звенѣ. Общество ни въ какомъ случаѣ не составляетъ діалектическаго момента по отношенію къ семейству, какъ жизнь и смерть, напримѣръ. Что бы мы ни разумѣли подъ обществомъ, оно никогда не исключаетъ семейства; семейство уживается въ обществѣ, не уничтожая его, какъ бы слѣдовало. Правда, Гегель положительно утверждаетъ, что въ обществѣ семейство *распадается*, и отдѣльные члены относятся другъ къ другу, какъ самостоятельные (то есть внѣ семейныхъ узъ?), при чемъ ихъ соединяетъ только связь взаимныхъ потребностей (но семейство развѣ не есть

также одна изъ потребностей?). Такое общество, въ которомъ семейство распадается, есть, конечно, необходимое требованіе методы, но его нѣтъ въ дѣйствительности; а потому, примѣняя къ данному случаю извѣстное выраженіе Гегеля, можно сказать, что такое общество неразумно, такъ какъ оно не дѣйствительно.

Откуда же получилось государство? Изъ наглядки, и только въ угоду методѣ втиснуто въ діалектическую цѣпь.

Получивъ государство, Гегель продолжаетъ идти тѣмъ же путемъ впередъ, къ дедукціи самого государственнаго устройства. Идея государства, говоритъ онъ, распадается на три момента: первый моментъ государственное устройство, или внутреннее государственное право; второй — внѣшнее, или международное государственное право, и, наконецъ, третій — духъ всемірной исторіи, соединяющій оба предшествующіе момента (§ 259). Это тоже не выведеніе изъ идеи, а только подведеніе подъ діалектическія формы явленій внѣшняго міра, извѣстныхъ автору изъ наблюденія. Здѣсь діалектическій моментъ государству образуютъ нѣсколько государствъ; если это правильно и съ необходимостью требуется методою, то отчего же не наблюдался тотъ же самый порядокъ въ предшествующемъ звенѣ, и совершенно аналогическомъ? Отчего діалектическій моментъ семейства не нѣсколько семействъ, какъ здѣсь государство и нѣсколько государствъ, а общество, уничтожающее семейство? Какъ общество не составляетъ діалектическаго момента семейству, такъ точно и нѣсколько государствъ не составляютъ діалектическаго момента одному государству. Но автору надо придти и къ семейству, и къ государству съ его устройствомъ, и къ международному праву, потому что все это есть въ дѣйствительности и все это разумно; и вотъ онъ ставитъ и противополагаетъ одно другому то дѣйствительныя противоположности, то только различныя вещи, то, наконецъ,

одно и многое, безъ всякой строгой системы [1]), только бы дойдти. Этимъ то путемъ доходитъ онъ до государственнаго устройства, которое въ свою очередь, и по тому же закону, распадается на три момента, по различію властей. Моментъ положенія — законодательная власть, моментъ противоположенія — правительственная, спекулятивный моментъ — королевская власть конституціонной монархіи (§§. 269, 272, 273).

Эта послѣдняя дедукція по своей произвольности нисколько не уступаетъ первымъ. Законодательная дѣятельность и правительственная, конечно, не одно и тоже, но это вовсе и не противоположности, исключающія другъ друга, какъ бытіе и ничто, право и преступленіе и проч. Совершенно наоборотъ, управленіе находится въ подчиненіи по отношенію къ законодательству. Законодательство даетъ нормы, опредѣляющія характеръ управленія; подчиненіе этимъ нормамъ есть обязанность правительственныхъ органовъ. Такъ же не вѣрно взятъ и спекулятивный моментъ. Только въ чистой монархіи королевская власть соединяетъ въ себѣ оба предшествующіе момента; въ конституціонной же въ составъ законодательной власти входятъ нѣкоторые иные элементы, которые остаются внѣ зависимости отъ власти королевской и вовсе не мыслятся въ ея понятіи.

Къ чему же пришли мы этимъ рядомъ совершенно произвольныхъ комбинацій? Къ созданію новаго идеала, чего такъ не хотѣлъ Гегель. Конституціонная монархія, какъ форма государственнаго устройства, съ необходимостью вытекающая изъ идеи свободной воли, не можетъ быть разсматриваема иначе, какъ порядокъ вещей долженствующій быть, какъ идеалъ, къ которому всѣ должны стремиться. — Какъ раціонализмъ есть проповѣдь народовластія, такъ діалектатическая метода является проповѣдницею конституціонализма, хотя и съ весьма силь-

[1]) Эта неопредѣленность діалектической методы прекрасно раскрыта Шталемъ, въ его Gesch. der Rechtsphilosophie, 442 и сл.

нымъ бюрократическимъ оттѣнкомъ, въ духѣ прусскаго государства.

Этой проповѣди суждено было пережить самую методу, при посредствѣ которой она была впервые высказана. Нѣкоторыя мысли Гегеля о значеніи монархическаго элемента, почти слово въ слово повторяются и до настоящаго времени, и при томъ писателями, которые съ точки зрѣнія методы далеко расходятся съ берлинскимъ философомъ. Это значеніе Гегеля для современной науки дѣлаетъ необходимымъ остановиться нѣсколько ближе на тѣхъ его положеніяхъ, которыя и въ настоящее время не потеряли своего значенія.

Гегель, примыкая къ Руссо, характеризуетъ государство— какъ осуществленіе воли, но не личной, какъ у послѣдняго, а субстанціальной, подъ чѣмъ онъ понимаетъ разумный элементъ воли вообще. Государство, какъ дѣйствительность воли, есть личность думающая, знающая и дѣйствующая. Этотъ личный элементъ государства вообще, продолжаетъ Гегель, можетъ быть дѣйствителенъ только при посредствѣ физическаго лица, монарха. «Такъ называемое нравственное лицо, общество, община, семейство, какъ бы оно ни было конкретно, включаетъ въ себя элементъ личности только какъ моментъ, то есть абстрактно; оно еще не пришло въ этомъ къ истинѣ своего существованія. Государство же есть именно та цѣлость, въ которой моменты понятія достигли дѣйствительности, сообразно своей истинѣ». Такимъ образомъ, монархическій элементъ является необходимымъ признакомъ каждаго государства. Согласно съ этимъ, народъ безъ монарха есть безжизненная масса, не составляющая государства; суверенитетъ народа, въ его противоположности къ суверенитету государя, — не имѣетъ смысла (§§ 257, 258 и 279). Въ этомъ видѣ философія Гегеля есть безусловное отрицаніе всѣхъ формъ государственнаго устройства, кромѣ конституціонной монархіи. Едва ли нужно говорить, что къ такому ученію философъ пришелъ

не изъ идеи свободной воли, какъ ему казалось, а помощью узкихъ и одностороннихъ выводовъ изъ тѣхъ явленій, которыя онъ наблюдалъ вокругъ себя.

Гегель, какъ мы замѣтили, также проповѣдникъ, но проповѣдникъ непослѣдовательный. Если конституціонная монархія есть необходимое требованіе идеи свободной воли, то, понятно, она и должна всюду вводиться. Но предъ этимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ своего ученія Гегель непонятнымъ образомъ отступаетъ. Государственное устройство извѣстнаго народа, говоритъ онъ, условливается характеромъ его самосознанія; въ этомъ лежатъ его субъективная свобода и дѣйствительность (то есть разумность) его устройства. Поэтому всякій народъ имѣетъ такое устройство, которое ему приличествуетъ (§ 274). Если такъ, то остается совершенно непонятнымъ, какое значеніе можетъ имѣть конституціонная монархія, какъ необходимый результатъ діалектической методы. Если одинаково оправданы всѣ дѣйствительныя формы государственнаго устройства, во всемъ ихъ разнообразіи, и если жизнь ничего не можетъ извлечь изъ плодовъ философской дедукціи, то за чѣмъ же было поднимать этотъ тяжелый и безплодный трудъ?

Дедукція Гегеля не оканчивается на первыхъ ступеняхъ государственнаго устройства, она продолжаетъ развиваться далѣе по нисходящей лѣстницѣ. Мы думаемъ, однако, что сказаннаго до сихъ поръ совершенно достаточно, чтобы уяснить насколько эта дедукція не соотвѣтствуетъ собственной его методѣ, на сколько она произвольна и заключается единственно въ насильственномъ подведеніи явленій, познаваемыхъ наблюденіемъ, подъ формы діалектическихъ пріемовъ.

Къ сдѣланной нами характеристикѣ діалектической методы въ ея примѣненіи къ государству мы приступили, допустивъ предварительно, что метода сама по себѣ, правильно и послѣдовательно примѣненная, вѣрна и ведетъ къ цѣли. Въ заключеніе сказаннаго мы сдѣлаемъ краткую замѣтку и по поводу это-

го послѣдняго вопроса, вѣрна ли метода сама по себѣ, ибо неправильное примѣненіе ея пріемовъ, еще не рѣшаетъ вопроса о степени пригодности самой методы.

Корень методы заключается въ слѣдующемъ: всякое положеніе вызываетъ (то есть порождаетъ) свое противоположное, и такимъ образомъ изъ высшаго начала, самъ собой, развивается цѣлый міръ мысли и бытія. Отправляясь отъ того вѣрнаго наблюденія, что понятія противоположныя часто напоминаютъ одно о другомъ и такимъ образомъ вызываютъ въ мысли одно другое,— Гегель, еще прежде отожествившій мысль и бытіе, это вызываніе въ мысли принялъ за дѣйствительное порожденіе и возвелъ въ общій законъ. Справедливо только то, что понятія противоположныя могутъ вызывать одно другое въ мысли, но это еще не одно и тоже съ дѣйствительнымъ творчествомъ одной вещи другою, ей противоположной; противоположныя вещи вовсе не находятся одна съ другою въ необходимой причинной связи. Право вовсе не порождаетъ преступленія (не права), хотя справедливо то, что преступленіе возможно только тамъ, гдѣ есть право. Точно также смерть не порождается жизнью, и наоборотъ, хотя умереть можетъ только то, что жило. Бытіе никогда не одно и тоже съ небытіемъ, хотя въ представленіи они и могутъ вызываться одно другимъ [1]).

ПОПЫТКИ СОЕДИНЕНІЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЕТОДЫ СЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ.

Гораздо болѣе трудностей представляетъ ознакомленіе съ попытками соединенія философской методы съ методой наблюденія по дробности этихъ попытокъ. Здѣсь нельзя ограничиться указаніемъ двухъ-трехъ преобладающихъ направленій, кото-

[1]) Ср. Шталя, Gesch. der Rechtsph., стр. 244 и сл.

рыя развились бы въ цѣлыя школы и оставили глубокіе слѣды въ современной литературѣ; здѣсь почти каждый писатель представляетъ свои особенности, которыя не могутъ быть обойдены молчаніемъ. Различные писатели, на которыхъ мы остановимся въ предлежащемъ очеркѣ, сходятся только въ одномъ, именно—въ сознаніи недостаточности чисто философской методы и въ необходимости пополненія ея наблюденіемъ: чисто научной методой считается только соединеніе обоихъ пріемовъ, совмѣстное отправленіе отъ опыта и идей. Но въ чемъ заключается философская метода, что это за идеи, отъ которыхъ должно отправляться, слѣдуя этой методѣ, и, наконецъ, въ чемъ состоитъ опытъ,—всѣ эти вопросы рѣшаются почти каждымъ ученымъ по своему. Эта трудность оріентироваться въ современныхъ ученыхъ направленіяхъ еще въ значительной степени увеличивается тѣмъ, что нерѣдко встрѣчаются такіе писатели, которые, высказавшись въ пользу соединенія опытной и философской методы, вовсе не берутъ на себя труда разъяснить, что именно разумѣютъ они подъ той и другой.

Не имѣя возможности, по отношенію къ разсматриваемому вопросу, характеризовать состояніе современной нѣмецкой науки въ цѣломъ и вынужденные останавливаться для этой цѣли только на различныхъ направленіяхъ отдѣльныхъ ученыхъ, мы расположимъ ихъ мнѣнія по мѣрѣ отклоненія ихъ отъ началъ чисто философской методы, начиная съ тѣхъ, которые наиболѣе имѣютъ общаго съ представителями послѣдней. При этомъ мы сосредоточимъ наше вниманіе, главнымъ образомъ, на философской сторонѣ методы, опытнаго же пріема будемъ касаться только на столько, на сколько это необходимо для уразумѣнія ихъ взаимной связи, откладывая, во избѣжаніе повтореній, болѣе полное обсужденіе этой стороны вопроса до слѣдующаго отдѣла, спеціально посвященнаго методѣ чистаго наблюденія.

Аренсъ. Наше изложеніе всего лучше начать съ воззрѣній Аренса,

писателя глубоко проникнутаго философскимъ духомъ и наиболѣе вѣрнаго преданіямъ чисто философской методы. Аренсъ, совершенно послѣдовательно, отправляется отъ той мысли, что философское ученіе о государствѣ должно основываться на философской системѣ [1]); онъ не созидаетъ, однако, своей особой системы, а примыкаетъ къ той, которая развита въ философскихъ трудахъ Краузе. Не восходя къ этому первоначальному источнику, для нашей цѣли будетъ совершенно достаточно ознакомиться съ философскими началами Аренса въ томъ видѣ, какъ они имъ усвоены и высказаны въ его собственныхъ сочиненіяхъ.

Первое мѣсто въ каждой философской системѣ принадлежитъ, конечно, тому высшему началу, которое служитъ исходнымъ пунктомъ всей послѣдующей философской дедукціи. Аренсъ отправляется отъ наблюдаемой каждымъ и рѣзко развитой предшествовавшей ему философіей противоположности—духа и матеріи и задается вопросомъ о высшемъ началѣ, которое примиряло бы эти противоположности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объясняло бы все, ибо къ духу и матеріи сводится все сущее. Это высшее начало находитъ онъ въ Богѣ. Но Богъ не поглощаетъ противоположностей; Аренсъ не заставляетъ ихъ, подобно Гегелю, уничтожаться одну въ другой, а, возводя ихъ къ общему источнику въ Богѣ и къ общей цѣли—проявленію (Verklärung) Бога на землѣ, думаетъ, такимъ образомъ, установить между ними истинную и единственно возможную гармонію. Богъ, примиряющій противоположности, но такъ, что каждая изъ нихъ сохраняетъ свою относительную самостоятельность, есть источникъ всего добраго на землѣ, нравственности, права и т. д. Это доброе составляетъ высшій, божественный, объективный порядокъ, который осуществляется самимъ Богомъ по вѣчнымъ божественнымъ планамъ и рѣшеніямъ, при чемъ людямъ принад-

[1]) Organ. Staatsl, стр. 12.

лежитъ только ограниченная доля участія, соотвѣтствующая мѣрѣ предоставленной имъ свободы. Государственная жизнь основана не только на вѣчныхъ объективныхъ законахъ, но и находится подъ управленіемъ абсолютно-личнаго Провидѣнія (Бога), которое охраняетъ вѣчные законы и обезпечиваетъ слабому человѣку достиженіе конечной цѣли. «Всеобщій планъ міра и жизни, говоритъ Аренсъ, при составленіи котораго взяты во вниманіе всѣ области жизни, какъ матеріальной, такъ и духовной, и всѣ существенныя цѣли человѣка, долженъ быть осуществленъ не смотря ни на какія условія и обстоятельства. Добромыслящіе люди работаютъ свободно въ видахъ осуществленія этого плана; что же касается заблуждающихся и увлекаемыхъ своими страстями, а потому и несвободныхъ, то они понуждаются къ тому Богомъ разными путями и средствами. И именно въ то время, когда и мудрѣйшіе не въ состояніи понять, откуда могла бы придти помощь и спасеніе, разражаются изъ ничтожныхъ причинъ, подобно грому изъ чистаго неба, событія, которыя проявляютъ божественную волю, обнаруживаютъ существующіе недостатки и пороки, устраняютъ препятствія, стоявшія на пути къ хорошему, и служатъ предостереженіемъ и увѣщаніемъ для всѣхъ мыслящихъ — постигать духъ жизни въ другомъ направленіи, или въ болѣе глубокомъ изслѣдованіи истины» [1]). «Міръ, есть царство нравственныхъ цѣлей, которое устроено Богомъ въ его абсолютной свободѣ и Имъ же направляется сообразно назначенію разумныхъ существъ. Тѣ жизненныя условія, которыя зависятъ отъ божественной свободы и необходимы человѣку для достиженія его назначенія, — всегда осуществляются Богомъ въ нужное время, сообразно божественному плану жизни» — (Or. St. 41).

Таково значеніе высшаго начала философской системы Арен-

[1]) Organ Staatsl., стр. 20 и сл., 34 и сл., 148 и сл.

са для міра явленій вообще и нравственнаго въ особенности. Этотъ божественный порядокъ человѣкъ долженъ уразумѣвать, онъ долженъ смотрѣть на себя какъ на одно изъ звѣньевъ этого порядка, его субъективная нравственность должна сливаться съ объективно добрымъ (то есть божественнымъ, Gr. St. 36). Спрашивается, какими средствами человѣкъ можетъ придти къ уразумѣнію божественныхъ плановъ и тѣхъ путей, которыми Богъ все направляетъ къ неуклонному ихъ исполненію? Аренсъ даетъ такой отвѣтъ на этотъ вопросъ. Какъ все въ мірѣ распадается на двѣ противоположности матеріи и духа, такъ точно и существо человѣка представляется состоящимъ изъ двухъ противоположныхъ элементовъ — чувственности и разума (Vernunft). Чувственность стоитъ въ прямомъ отношеніи къ матеріи, конечному и временному; разумъ — къ духу, безконечному и вѣчному. Разумъ есть непосредственно отъ Бога происходящая сила, при помощи которой духъ человѣческій безконечно возвышается надъ животнымъ элементомъ и приближается ко всему божественному. Эта то божественная сила и дѣлаетъ человѣка способнымъ разумѣть Бога и его вѣчные планы. Какъ вѣчные и объективные законы нравственнаго міра имѣютъ свое послѣднее основаніе въ Богѣ, такъ точно и разумъ есть отраженіе божественной силы. Это единство источника и объясняетъ, почему разуму доступно пониманіе божественной воли. Божественныя идеи истины, прекраснаго, вѣры, нравственности и правды, какъ бы изначала заложены въ разумъ (Gr. St. 24, Naturr. 241 и сл.).

Считаемъ не безполезнымъ для уясненія предшествующаго замѣтить, что, рядомъ съ этою высшею умственною способностью, Аренсъ признаетъ еще существованіе низшей, играющей роль какъ бы посредницы между разумомъ и чувствами. Эта низшая умственная способность есть разсудокъ (Verstand); онъ проявляетъ свою дѣятельность въ болѣе или менѣе ограниченной области опыта. Какъ способность низшая, разсу-

докъ никогда не можетъ придти къ постиженію общихъ законовъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, или къ нравственнымъ идеямъ добра, прекраснаго и прочее. Все это — дѣло «разума»; «разсудокъ» же ограничивается пониманіемъ только такихъ обобщеній и новыхъ комбинацій данныхъ вещей и явленій, къ которымъ можно придти, не выходя за предѣлы наблюденій и опыта (Naturr. 240).

И такъ, человѣкъ въ себѣ самомъ носитъ искру Божества; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и существо чувственное. Эта послѣдняя сторона его природы дѣлаетъ возможнымъ уклоненія отъ тѣхъ указаній, которыя человѣкъ въ руководство своей дѣятельности находитъ въ разумѣ. Возникающая отсюда возможность поступить такъ и иначе, приводитъ Аренсъ къ вопросу о свободѣ воли, который онъ рѣшаетъ слѣдующимъ образомъ.

Свобода воли, говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ два одинаково существенныхъ и важныхъ момента. Во первыхъ личный, субъективный моментъ самоопредѣленія; во вторыхъ, объективныя понятія «разума» о добромъ, истинномъ и прекрасномъ, какъ божественномъ, согласно съ которыми человѣкъ и долженъ самостоятельно направлять свою волю. Субъективный элементъ одинъ еще не составляетъ истинной свободы, которая не можетъ заключаться въ выборѣ между добромъ и зломъ, а только въ выборѣ указываемаго разумомъ возможнаго добра и въ осуществленіи его при данныхъ обстоятельствахъ. Дѣйствительно свободный человѣкъ хочетъ только добра; онъ сохраняетъ высшую силу свободы, если злое есть для него нравственная невозможность. Этимъ сознательнымъ воспріятіемъ божественнаго въ свою жизнь, человѣкъ становится богоподобнымъ, онъ пріобщается къ безусловности бытія Божія, и дѣлается въ конечной области земнаго существованія, самъ себѣ цѣлью. Богъ, какъ абсолютное безконечное существо, не имѣющій никакой иной цѣли, кромѣ себя, направляетъ съ нимъ соединенное разумное существо къ его истинному назначенію та-

кимъ образомъ, что оно принимаетъ свободное и самостоятельное участіе въ проявленіи и прославленіи Его на землѣ (Or. St. 153 и 24).

Хотя истинная свобода человѣка и заключается въ подчиненіи воли идеямъ разума, тѣмъ не менѣе воля эта можетъ опредѣляться и неразумными побужденіями. Вслѣдствіе этого, человѣкъ можетъ уклоняться отъ божественнаго пути и впадать въ заблужденія, въ зло. Это вызываетъ необходимость проявленія божественной справедливости въ формѣ суда и наказанія. Но зло, имѣя свое основаніе въ конечности существа человѣческаго, само конечно и ограничено. Въ божественномъ планѣ вселенной указаны границы, далѣе которыхъ не можетъ простираться уклоненіе отъ божественной мудрости. Согласно съ этимъ, ученіе Аренса не допускаетъ ни заблужденій безъ конца, ни вѣчныхъ осужденій. Исправленіе есть конечная цѣль божественной справедливости. Такимъ образомъ, и заблуждающіеся въ концѣ концовъ выводятся божественной мудростью на путь истины (Or. St. 143, 44 и сл.).

Согласно со всѣмъ изложеннымъ міросозерцаніемъ, наука у Аренса, съ высшей точки зрѣнія, является какъ вѣчная связь Бога и человѣка; въ личныхъ отношеніяхъ Бога къ жизни она находитъ вѣрное основаніе для обсужденія всѣхъ фактовъ и опытовъ жизни (Or. St. 26).

Такова въ общихъ чертахъ философская система Аренса, которая положена имъ въ основаніе его органическаго ученія о государствѣ. Нельзя не дивиться красотѣ и стройности этого философскаго зданія; нельзя не отдать должной дани уваженія высотѣ нравственныхъ стремленій автора. Но, признавая эти несомнѣнныя достоинства, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не сказать, что вся система страдаетъ полнымъ смѣшеніемъ науки и вѣры. — Несмотря на всѣ особенности міровоззрѣнія Аренса и на его антипатію къ раціонализму, его взглядъ имѣетъ нѣсколько существенныхъ точекъ соприкосновенія съ этимъ по-

слѣднимъ ученіемъ. Высшее начало раціоналистической философіи составляетъ разумъ. Аренсъ отправляется отъ инаго высшаго начала, Бога, но и въ его системѣ разуму отведено чрезвычайно видное мѣсто. Это божественная сила, связующая человѣка съ Богомъ; къ разуму надо обращаться, чтобы понять божественныя идеи истины, правды и прекраснаго. Аренсъ, какъ и раціоналисты, за рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ о томъ, какъ должна быть направлена дѣятельность человѣка, что слѣдуетъ въ нравственной области признавать за долженствующее быть, обращается къ разуму; но не къ чистому только разуму и его законамъ, а къ разуму, въ который изначала заложены божественныя идеи истины, правды и прекраснаго. Чистый разумъ, какъ источникъ естественнаго, или разумнаго права, въ своемъ примѣненіи къ дѣйствительности оказался революціонной силой. Онъ признавалъ за право только то, что было согласно съ его собственными законами, а все остальное считалъ фактическимъ состояніемъ. Этотъ взглядъ въ примѣненіи къ практикѣ ведетъ къ уничтоженію историческаго права и къ замѣнѣ его тѣмъ, что выдается за единственно необходимое право разума. Чтобы противодѣйствовать этому разрушительному вліянію раціонализма, Аренсъ беретъ не чистый разумъ, а разумъ уже заключающій въ себѣ извѣстное содержаніе. Приводя это содержаніе въ связь съ божественными идеями и усматривая въ дѣйствительной жизни только постоянное и неуклонное осуществленіе божественныхъ плановъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы обожествляетъ самую дѣйствительность и такимъ образомъ устраняетъ до толѣ не разрѣшимое противорѣчіе разумнаго права и историческаго. Но въ этомъ то и заключается проходящее чрезъ всю систему смѣшеніе науки и вѣры. Все, что относится до Бога и его воли, есть дѣло вѣры, а не науки. Разумъ безсиленъ дать человѣку достаточныя свѣдѣнія о Существѣ божіемъ и вѣчныхъ божественныхъ планахъ. Всѣ относящіеся сюда вопросы принадлежатъ къ области вѣры

и удовлетворительно рѣшаются только при посредствѣ откровеннаго ученія. Наоборотъ, всѣ вопросы о человѣческомъ общежитіи чужды области вѣры и составляютъ предметъ свѣтской науки. — Этому существенному различію въ способѣ рѣшенія вопросовъ о Богѣ, недоступныхъ человѣческому уму, и человѣческомъ общежитіи, постигаемыхъ умомъ, Аренсъ не даетъ должнаго значенія.

Беря на себя задачу разрѣшить вопросъ о существѣ права и государства въ согласіи съ божественными планами, Аренсъ не стоитъ, однако, на точкѣ зрѣнія какого либо опредѣленнаго исповѣданія. Онъ довольствуется уже тѣмъ однимъ, что его ученіе принимаетъ въ себя всѣ глубочайшія истины христіанской религіи; но оно не останавливается на этихъ истинахъ, а, какъ онъ самъ выражается, «научно развиваетъ ихъ далѣе» (Or. St. 10). Богъ Аренса не есть тотъ дѣйствительный и всегда откровенный Богъ, въ котораго вѣруютъ народы; это только высшее философское начало, придуманное для разрѣшенія противоположностей духа и матеріи и надѣленное такими свойствами, которыя казались философу для этой цѣли необходимыми. — Отрицая объективное значеніе аренсова бога, что же получимъ мы въ его «разумѣ»? Ничего, кромѣ способности обсуждать явленія съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, пригодности и такъ далѣе, чѣмъ, въ сущности, разумъ былъ и у раціоналистовъ. Такимъ обсуждающимъ, какъ увидимъ далѣе, и дѣйствительно является разумъ у Аренса.

Переходимъ ко второй сторонѣ методы, къ опытной. Аренсъ не довольствуется однимъ только философскимъ пріемомъ: истинно научная метода должна, по его мнѣнію, состоять въ органическомъ соединеніи идеи и опыта (Or. St. 12). Подъ опытомъ разумѣетъ онъ наблюденіе (такъ называемое не произвольное) разнаго рода жизненныхъ отношеній, изученіе элементовъ и силъ человѣческаго общества, такъ какъ государства слагаются подъ вліяніемъ разнообразнаго взаимодѣйствія этихъ

живыхъ силъ (Or. St. 143 и слѣдующія). И такъ, съ одной стороны вѣчныя идеи — истины, правды и прекраснаго, изначала заложенныя въ человѣческій разумъ, съ другой — наблюденіе явленій внѣшней жизни. Единовременное признаніе такихъ разнообразныхъ и мало похожихъ одинъ на другой источниковъ познанія, естественно возбуждаетъ вопросъ о томъ, чѣмъ же обезпечивается единство выводовъ. Божественныя идеи и внѣшнія явленія человѣческой жизни находятся въ такой же противоположности, какъ вѣчное и временное, духъ и матерія, а потому разсматриваемая метода должна дать средства для необходимаго примиренія противоположныхъ заключеній въ томъ случаѣ, когда изслѣдователь придетъ къ нимъ. Но вопросъ этотъ, согласно со всѣмъ міросозерцаніемъ Аренса, не можетъ имѣть у него мѣста. Философія, говоритъ онъ, достигла той степени развитія, на которой жизнь и исторія не представляютъ абсолютнаго отчужденія отъ разума и истины. Наоборотъ, они являютъ постоянное развитіе и воплощеніе разумныхъ и божественныхъ идей. Какъ человѣческая жизнь вообще, такъ государство въ особенности должны быть только осуществленіемъ божественныхъ плановъ (Or. St. 12 и 118). И такъ, въ силу высшаго единства всего временнаго и вѣчнаго въ Богѣ, никакого столкновенія въ выводахъ отъ примѣненія двухъ разнообразныхъ пріемовъ изученія быть не можетъ. Право и государство могутъ быть одинаково познаваемы разумомъ, поскольку и то и другое есть божественная идея, и наблюденіемъ, поскольку и то и другое проявляется въ исторіи (Or. St. 44). Выше мы указали на точку соприкосновенія Аренса съ раціонализмомъ вообще, теперь по поводу этого отожествленія историческаго съ божественнымъ не можемъ не замѣтить, что этотъ взглядъ есть только переработка извѣстнаго взгляда Гегеля, по которому дѣйствительное и разумное — одно. Если мы и здѣсь, какъ прежде, отбросимъ божественное, какъ дѣло собственныхъ рукъ Аренса, отъ соединен-

ной методы останется одно наблюденіе историческихъ явленій, но наблюденіе, пріемы котораго вовсе не разработаны. Аренсъ такъ глубоко вѣритъ въ согласіе историческаго съ божественнымъ, что вопросъ о томъ, какъ примѣнить историческое право къ созданію теоріи, какъ имъ воспользоваться для этой цѣли, совершенно внѣ круга его зрѣнія. Философское ученіе о государствѣ, говоритъ онъ, въ существенномъ должно согласоваться съ дѣйствительностью, и въ этомъ согласіи находить свое оправданіе. Какъ бы ни былъ совершененъ идеалъ государства, выставляемый философіей, дѣйствительное государство должно себя узнать въ немъ, хотя и въ облагороженномъ видѣ, и должно найдти цѣли и задачи идеальнаго ученія согласными съ своими силами и съ своею волею (Gr. St. 12—13, 79). Все это совершенно послѣдовательно, но въ концѣ концовъ лишаетъ идеальное право всякой самостоятельности и возлагаетъ на него едвали осуществимую задачу — угодить каждой дѣйствительности.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній объ ученыхъ пріемахъ Аренса, необходимо остановиться ближе на ихъ примѣненіи къ философскому государственному праву. Оба пріема, философскій и опытный, соединяются здѣсь слѣдующимъ образомъ. Понятіе о государствѣ, говоритъ Аренсъ, не можетъ быть составлено на основаніи наблюденія, какъ составляются понятія о предметахъ наукъ опытныхъ. Государство, хотя и не есть исключительный продуктъ человѣческой свободы, тѣмъ не менѣе характеръ его опредѣляется, до нѣкоторой степени, свободной волей и господствующими въ данное время воззрѣніями и страстями. Поэтому, почерпнутое изъ опыта понятіе о государствѣ, должно видоизмѣняться по различію народовъ и степени ихъ развитія; оно по необходимости будетъ шаткимъ и не дастъ твердой точки опоры ни для теоріи, ни для практики. При этой невозможности идти путемъ наблюденія, остается обратиться къ философской дедукціи, и потомъ уже полученное такимъ

образомъ провѣрить на исторіи и опытѣ [1]). Первый шагъ принадлежитъ, слѣдовательно, философской методѣ. Что касается основнаго начала, отъ котораго отправляется въ настоящемъ случаѣ философская дедукція, то этимъ началомъ служитъ Аренсу «существо человѣка и его назначеніе»; вся метода, поэтому, называется у него «философско-антропологической». Изъ предыдущаго же мы знаемъ, что назначеніе человѣка заключается въ осуществленіи божественныхъ идей на землѣ, а въ существѣ его самое высокое мѣсто принадлежитъ «разуму», который воплощаетъ въ себѣ эти идеи. И такъ, понятіе о государствѣ должно быть прежде всего выведено изъ существа человѣка, или, что тоже, изъ божественныхъ идей разума.

И дѣйствительно, Аренсъ дѣлаетъ попытку выведенія изъ этихъ идей, сперва необходимости общежитія вообще, а потомъ и необходимости, существа и цѣли государства. Онъ не довольствуется тѣмъ, что общежитіе есть очевидно господствующее явленіе въ жизни человѣка. Подобно раціоналистамъ, онъ чувствуетъ потребность показать разумную необходимость факта общежитія, доказать, что это не только такъ есть, но и не можетъ быть иначе. Ходъ мыслей его, согласно со всѣмъ изложеннымъ выше міровоззрѣніемъ, таковъ. Въ божественномъ порядкѣ міра, различныя матеріальныя и духовныя силы такъ распредѣлены, что каждая ступень и родъ живыхъ существъ находитъ въ себѣ извѣстную часть этихъ силъ, какъ первоначальную закваску, и въ теченіи дальнѣйшей жизни мо-

[1]) Or. St., 78—80. Говоря въ этомъ мѣстѣ о своей методѣ Аренсъ обозначаетъ ее именемъ философско-антропологической. Исходя изъ этого названія, можно подумать, что въ основаніе своей дедукціи онъ кладетъ природу человѣка, какъ она открывается наблюденію, и что, слѣдовательно, точка его отправленія не апріорная только, но и опытная. Такое заключеніе будетъ не вѣрно, такъ какъ подъ природой человѣка, лежащей въ основаніи дедукціи, Аренсъ разумѣетъ сверхъ опытное понятіе о человѣческомъ разумѣ, проявляющемъ въ божественные идеи и планы.

жетъ эту часть до нѣкоторой степени развивать, никогда, однако, не переходя на слѣдующую ступень и въ слѣдующій родъ. Всякое живое существо, такимъ образомъ, находитъ въ своей природѣ и ея организаціи то назначеніе, которое оно и должно осуществлять при данныхъ окружающихъ ее условіяхъ и ограниченіяхъ. Согласно съ этимъ, три ступени живыхъ существъ распадаются на три отдѣльныя царства, изъ которыхъ каждое выполняетъ свое особое назначеніе: царство растительное — одно, царство животное — другое, и наконецъ человѣкъ свое третье, его природѣ свойственное и заключающееся въ осуществленіи вѣчнаго единства съ Богомъ. Въ этомъ то общемъ назначеніи человѣка, его особенными отношеніями къ Богу и міру, опредѣляются слѣдующія пять отдѣльныхъ цѣлей человѣческой жизни: истина (наука), прекрасное (въ двухъ развѣтвленіяхъ, искусствъ и промысловъ), вѣра, нравственность и право. Эти божественныя идеи, какъ цѣли человѣческой жизни, и составляютъ ту силу, которая образуетъ общество. Общественная жизнь необходима для человѣка, ибо внѣ общества невозможно осуществленіе цѣлей жизни (Or. St. 23 и сл., 48 и сл.). Допустимъ, что изъ разсмотрѣнія одной природы человѣка, какъ ее понимаетъ Аренсъ, внѣ вліянія историческаго развитія, можно уже придти къ идеямъ науки, искусства, промысловъ, права и такъ далѣе, и перейдемъ къ непосредственно интересующему насъ вопросу о выведеніи тѣмъ же путемъ понятія о государствѣ.

Получивъ путемъ дедукціи необходимость общественной жизни, Аренсу нужно тѣмъ же путемъ изъ различныхъ возможныхъ общественныхъ соединеній (семейства, общины и такъ далѣе) выдѣлить государство и показать принадлежащее ему среди нихъ мѣсто. Общему рѣшенію вопроса о существѣ, цѣли и возникновеніи государства, Аренсъ посвящаетъ второй параграфъ своего общаго ученія о государствѣ; ходъ мыслей въ этомъ параграфѣ представляетъ совершенную противополож-

ность собственной методѣ автора. Несоотвѣтствіе методѣ начинается уже съ первой строки. «Въ жизни человѣка, говоритъ авторъ, государство представляетъ такое всеобщее явленіе, что оно должно имѣть основаніе въ какой либо потребности его природы». За тѣмъ, припоминая, что человѣкъ имѣетъ извѣстное въ жизни назначеніе, онъ приводитъ фактъ существованія государства въ связь съ этимъ назначеніемъ и задается вопросомъ, какой же отдѣльной цѣли соотвѣтствуетъ государство? И такъ, первоначальный толчокъ всей дальнѣйшей дедукціи дается наблюдаемымъ историческимъ фактомъ. Но совершенно тѣмъ же путемъ можно поднять вопросъ если не о государственной, то, по крайней мѣрѣ, объ общественной жизни животныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ даютъ примѣръ только перваго вида общественнаго сочлененія, семейства, другія идутъ далѣе и соединяются въ общества независимо отъ цѣли рожденія и воспитанія дѣтей [1]). Если общественная жизнь животныхъ и не представляетъ такого универсальнаго явленія, какъ общественная жизнь людей, все же, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ породъ, это до такой степени общій фактъ, что отъ него также необходимо заключить къ потребности, его условливающей, а за тѣмъ перейдти къ той цѣли въ жизни животныхъ, которая соединяетъ ихъ въ общества.— Признаніе своеобразной общественной жизни животныхъ не представляетъ ничего необычайнаго въ политической литературѣ. Средневѣковые писатели, въ своихъ заключеніяхъ объ относительномъ достоинствѣ разныхъ формъ правленія, не рѣдко отправлялись отъ явленій, представляемыхъ міромъ животныхъ, и даже усматривали въ нихъ образцы, достойные подражанія при устройствѣ формъ человѣческаго общежитія. Въ новое время Авг. Контъ совѣтуетъ при изученіи разныхъ видовъ

[1]) Сюда изъ насѣкомыхъ: пчелы и муравьи, изъ птицъ: журавли, красноврылы, изъ млекопитающихся: бобры и пр.

общежитія обращать вниманіе и на проблески общественныхъ сочлененій у животныхъ. Но съ точки зрѣнія Аренса, общественная жизнь животныхъ не входитъ въ божественные планы и составляетъ исключительную особенность человѣка. Тѣмъ не менѣе, тотъ самый пріемъ, которымъ онъ пользуется, подходя къ государству, можетъ быть примѣненъ и къ обществамъ животныхъ; и эти послѣднія могутъ, такимъ образомъ, получить такую же разумную необходимость, какъ и человѣческія.

Мы будемъ слѣдить далѣе за философской дедукціей существа и цѣлей государства. Аренсъ остановился на вопросѣ о томъ, какой же именно изъ отдѣльныхъ цѣлей соотвѣтствуетъ государство? Въ рѣшеніи этого вопроса, говоритъ онъ, могутъ встрѣтиться три возможности. Во первыхъ, государство можетъ составлять одно съ обществомъ вообще, не различаться отъ него, и въ такомъ случаѣ цѣль его будетъ заключаться въ осуществленіи всѣхъ цѣлей человѣческой жизни. Второй случай: цѣль государства можетъ заключаться въ осуществленіи не всѣхъ отдѣльныхъ цѣлей, а только нѣкоторыхъ. Наконецъ, третій: цѣль государства можетъ заключаться въ осуществленіи одной какой либо изъ цѣлей человѣческой жизни. Таковы три возможности. Какъ же выбрать между ними и придти къ пониманію истинной цѣли государства путемъ философски-антропологическимъ? Аренсъ отвергаетъ первую возможность на томъ основаніи, что такъ было только въ деспотическихъ государствахъ Азіи; въ Европѣ же эта точка зрѣнія давно оставлена, и проявляется только въ грубыхъ формахъ соціализма и коммунизма. Первый вопросъ, слѣдовательно, рѣшается вовсе не на основаніи свойствъ человѣческой природы, а на основаніи наблюденія историческихъ явленій. Вторую возможность авторъ отвергаетъ на томъ основаніи, во первыхъ, что допущеніе нѣсколькихъ совмѣстныхъ цѣлей противорѣчитъ понятію организма, а государство естъ организмъ, и во вторыхъ, что при отсутствіи внутренняго единства отдѣльныхъ цѣлей, было бы

затруднено практическое ихъ осуществленіе. Это опять не изъ существа человѣка, не говоря уже о томъ, что здѣсь прямо вводится новое понятіе организма. По устраненіи двухъ возможностей, ничего не остается какъ принять третью; Аренсъ это и дѣлаетъ, государство соотвѣтствуетъ у него одной только цѣли. Но еще остается рѣшить вопросъ: какой именно? Цѣли права, отвѣчаетъ Аренсъ. Почему же? На этотъ заключительный вопросъ находимъ такой отвѣтъ: «по практическому направленію государствъ», опять, слѣдовательно, не изъ природы человѣка. Существо государства выяснено, основный принципъ его найденъ, спеціальная дѣятельность очерчена, но все это не изъ существа человѣка, какъ бы слѣдовало, а изъ наблюденія исторической природы самого государства и наиболѣе выдающейся изъ его дѣятельностей, именно—установленія и охраненія права.

Въ примѣръ такого же несоотвѣтствія мѣжду методой и исполненіемъ, остановимся еще на рѣшеніи вопроса о дѣленіи властей. Какъ въ только что разсмотрѣнномъ нами вопросѣ, такъ и въ этомъ, авторъ отправляется отъ факта дѣленія государственной власти и, не останавливаясь болѣе на идеальной необходимости принципа дѣленія, задается только задачей пріискать единое вѣрное основаніе для него (Or. St., гл. 4. § 2.). Основаніе для дѣленія находитъ онъ «въ существенныхъ моментахъ всякой жизни, къ какой бы ступени и къ какому порядку она ни принадлежала». И это въ силу того, что государственная жизнь «устроена по образу всякой жизни». Здѣсь уже и рѣчи нѣтъ о природѣ человѣка, какъ основаніи дедукціи; ея мѣсто занимаютъ чисто натуралистическіе законы всякой жизни, какъ растительной, такъ и животной, на всѣхъ ступеняхъ. Этого уже довольно, чтобы указать полное несоотвѣтствіе тѣхъ пріемовъ, которыми Аренсъ дѣйствительно пользуется, съ его взглядами на методу; но въ интересахъ дальнѣйшаго изложенія, мы считаемъ не безполезнымъ остановиться еще и на нѣкото-

рыхъ подробностяхъ. Три существенные момента всякой жизни, по мнѣнію Аренса, суть слѣдующіе: во первыхъ, причинный, или первоначальный основной принципъ, возбуждающій и направляющій жизнь; во вторыхъ, постоянно себѣ равный основной типъ, и изъ него вытекающіе общія отношенія и законы развитія; наконецъ, въ третьихъ, моментъ дальнѣйшаго развитія, которое совершается въ силу основнаго принципа, но согласно съ типомъ и вытекающими изъ него законами. Мы не можемъ войдти въ сужденіе о томъ, насколько эти три момента суть существенные моменты всякой жизни и въ какомъ взаимномъ отношеніи находятся они другъ къ другу; для этого необходима спеціальная подготовка, которой мы не имѣемъ. Предполагая, что эти моменты взяты вѣрно, мы остановимся только на томъ примѣненіи ихъ къ дѣленію государственной власти, которое дѣлаетъ Аренсъ. Эти три момента всякой жизни, дѣлаютъ, по его мнѣнію, необходимымъ и въ организаціи государства различать три отдѣльныя власти, поручаемыя р а з н ы м ъ лицамъ (Or. St. 193). Эти три власти суть: правительственная, которая соединяетъ въ своихъ рукахъ какъ участіе въ законодательствѣ, такъ и въ исполненіи законовъ, законодательная и, наконецъ, исполнительная, которая, въ свою очередь, подраздѣляется на судебную и административную, тоже поручаемыя разнымъ лицамъ. Но такимъ образомъ въ государствѣ насчитывается не три, какъ бы слѣдовало, а четыре власти. Судебная власть, въ существѣ дѣла, и по мнѣнію самого Аренса, пользуется гораздо большей о т д ѣ л ь н о с т ь ю отъ правительственной, законодательной и административной, чѣмъ эти три одна отъ другой: правительственная власть имѣетъ у него непосредственное участіе въ законодательствѣ и администраціи, въ судъ же не вмѣшивается; такимъ образомъ, только по отношенію къ ней возможно полное различіе лицъ. Хотя Аренсъ и подводитъ судебную власть подъ одну категорію съ административной, но онъ же говоритъ, что «судъ долженъ быть о т д ѣ л е н ъ

отъ администраціи, такъ какъ хорошій судья легко можетъ быть плохимъ администраторомъ и обратно» (186). Моменты «всякой жизни» очевидно оказываются недостаточными для объясненія явленій жизни государственной; эти послѣднія подводятся подъ первыя только въ ущербъ ихъ оригинальнымъ свойствамъ.

Хотя Аренсъ выходитъ и изъ своего особаго основанія дѣленія, но въ существѣ его три власти суть ничто иное, какъ уже извѣстныя намъ три власти Гегеля, только подъ другими названіями. Правительственная власть Аренса совершенно совпадаетъ съ королевской Гегеля, которой также принадлежитъ самостоятельное участіе въ законодательствѣ и администраціи; исполнительная же Аренса есть правительственная Гегеля, которая также распадается на административную и судебную. Только Гегель, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, былъ откровеннѣе и послѣдовательнѣе Аренса. Свою первую власть онъ прямо называетъ королевской властью конституціонной монархіи, что она и есть въ сущности; Аренсъ же прикрываетъ ее не совсѣмъ яснымъ названіемъ правительственной. Потомъ, Гегель на свои три власти смотритъ не столько съ точки зрѣнія дѣленія, сколько—соединенія ихъ въ одномъ высшемъ моментѣ; Аренсъ же отправляется отъ дѣленія, но на дѣлѣ приходитъ къ тому же соединенію.

Въ началѣ разсматриваемаго параграфа Аренсъ задался мыслью найдти основаніе дѣленія вѣрное вообще; а пришелъ къ дѣленію, примѣнимому только въ конституціонной монархіи. Въ этомъ пунктѣ мы касаемся самой живой струны всего ученія. Аренсъ проникнутъ идеалами и озабоченъ проведеніемъ ихъ въ жизнь. Философія права только научная форма, въ которую облечена его проповѣдь; настоящая же цѣль, дать образецъ, къ которому всѣ должны стремиться. Въ своей проповѣднической дѣятельности онъ отправляется отъ тѣхъ же весьма распространенныхъ либеральныхъ началъ, которыми пропитанъ

и самый воздухъ западной Европы, но онъ хотѣлъ бы вмѣстѣ съ проведеніемъ этихъ началъ положить конецъ и тѣмъ злополучнымъ крайностямъ либеральнаго направленія, къ которымъ могутъ иногда приводить чисто раціоналистическія теоріи. Изъ соединенія этихъ двухъ противоположныхъ стремленій и слагается все его ученіе. Изъ предыдущаго мы знаемъ, какъ онъ видоизмѣнилъ «разумъ» раціоналистовъ, надѣливъ его объективными идеями. Какъ онъ не могъ обойдти въ своемъ ученіи моментъ разума, такъ же точно не обходитъ онъ и момента воли, играющаго такую важную роль въ проповѣди либеральной школы; но и этотъ моментъ онъ модифицируетъ сообразно съ особенностями своего направленія. Воля человѣческая не имѣетъ у него значенія источника, она только носитель права, самыя же основы права объективны и даются вмѣстѣ съ идеями разума. Воля должна стремиться къ этимъ вѣчнымъ божественнымъ идеямъ, а по ихъ сродству съ дѣйствительностью она должна признавать и историческое право. Всякая реформа должна быть только результатомъ приговора, произнесеннаго на основаніи историческаго хода событій (Or. St., 2-ая гл. общ. уч.). На соприкосновеніе Аренса съ Гегелемъ въ этомъ отожествленіи историческаго съ божественнымъ или разумнымъ, мы уже имѣли случай указать выше; но необходимо указать и на то, что Аренсъ послѣдовательнѣе здѣсь своего предшественника. Его идеалъ не есть логически необходимое слѣдствіе безличныхъ законовъ разума, у него—это отраженіе идей личнаго и все направляющаго по своему усмотрѣнію Божества, идей, которымъ суждено проявляться въ дѣйствительности только постепенно, по мѣрѣ успѣховъ исторической жизни. Его идеалъ не враждебенъ дѣйствительности, онъ не въ необходимой войнѣ съ ней.

Вотъ нѣкоторыя болѣе крупныя черты этого идеальнаго государственнаго устройства. Лучшая форма правленія есть мо-

нархія [1]). Но народъ, по отношенію къ монарху, не есть мертвая и безжизненная масса. Народный духъ есть живой источникъ всѣхъ государственныхъ учрежденій. Изъ него должны почерпать государи вдохновеніе для своей высокой дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ народу принадлежитъ даже суверенитетъ, но замкнутый въ глубинѣ національнаго духа и проявляющійся не иначе, какъ чрезъ посредство учрежденныхъ органовъ, то есть власти правительственной, или самого государя, власти законодательной, въ которой вмѣстѣ съ государемъ принимаютъ участіе и представители народа (этой власти принадлежитъ и рѣшеніе вопроса о податяхъ), и, наконецъ, власти исполнительной, стоящей въ тѣсной связи съ правительственной. Что касается организаціи народнаго представительства, то Аренсъ очень далекъ отъ права всеобщей подачи голосовъ. Согласно весьма распространенному въ нѣмецкой литературѣ взгляду, онъ считаетъ необходимымъ, по крайней мѣрѣ для верхней палаты, сословное представительство. Но подъ сословіями разумѣетъ онъ не замкнутыя средневѣковыя, а новыя и свободныя, которыя должны возникнуть въ его идеальномъ государствѣ въ связи съ пятью основными цѣлями человѣческой жизни: вѣрой, наукой, искусствомъ (на этотъ разъ вмѣстѣ съ промыслами подъ идею искусства подводится и торговля), нравственностью и правомъ. Эти цѣли, въ силу начала свободнаго призванія, должны раздѣлить всякое общество на соотвѣтствующее число свободныхъ круговъ, или сословій, которымъ и будетъ принадлежать право избранія въ верхнюю палату (Or. St., 195 и сл., 150 и сл., 160 и сл.). Рядомъ съ этими органами центральной власти должно существовать мѣстное самоуправленіе, въ подробную организацію котораго Аренсъ, однако, не входитъ, такъ какъ въ первомъ томѣ его органическаго ученія

[1]) Это прямо слѣдуетъ изъ его теоріи дѣленія государственной власти; на эту же форму, какъ лучшую, есть и прямыя указанія на стр. 172 и 194.

о государствѣ, который одинъ до сихъ поръ и вышелъ въ свѣтъ, даются только общія начала. — Въ устройствѣ суда признается необходимымъ элементъ присяжныхъ.

Таковы основныя начала идеальнаго государственнаго устройства Аренса. Чтобы понять, какъ возникли они, намъ не нужно обращаться къ «разуму» и его идеямъ, довольно оглядѣться кругомъ, и мы увидимъ тѣ явленія общественной жизни, которыя навели философа на его идеальное ученіе. Аренсъ, также какъ и всѣ его предшественники, присматривается къ внѣшнимъ историческимъ явленіямъ, сличаетъ ихъ и на этомъ основаніи строитъ; но, чтобы планъ идеальнаго зданія не имѣлъ значенія личнаго вкуса, онъ силится дать ему объективныя основы.

Весьма много общаго съ философскими взглядами Аренса встрѣчаемъ у Шиллинга [1]), хотя въ примѣненіи этихъ общихъ философскихъ основъ къ изученію государства онъ и далеко расходится съ своимъ предшественникомъ. Шиллингъ собственно только повторяетъ тѣ основныя начала, которыя развиты у Аренса, но въ крайне сжатой и сухой формѣ «учебника». Объективную основу естественнаго права онъ видитъ въ Богомъ установленномъ порядкѣ вселенной. Эту основу, по его мнѣнію, надо искать въ природѣ человѣка и его назначеніи, которыя опредѣлены Богомъ, а равно и въ природѣ человѣческихъ отношеній, также установленной Богомъ. Но познается она не эмпирически, а при посредствѣ разума, который самъ хотя и не есть источникъ права, но одаренъ силой распознавать право въ его объективныхъ (то есть божественныхъ) основахъ (§ 14, предисловіе стр. VII). Шиллингъ признаетъ, такимъ образомъ, существованіе въ человѣкѣ высшей силы разума, которая, независимо отъ опыта, одарена способностью распознавать бо-

[1]) Schilling, Lehrbuch des Naturrechts, oder der philosophischen Rechtswissenshaft, 1859—1863; государственное право во 2-мъ томѣ.

жественныя идеи и первоначальные законы человѣческихъ отношеній (§ 15, предисловіе стр. IV). Все это, какъ у Аренса. Но Шиллингъ ни по своей ученой дѣятельности, ни по самой природѣ не философъ. Хотя онъ и повторяетъ за Аренсомъ основныя начала его системы, но онъ мало проникнутъ ими и далеко не принимаетъ ихъ со всѣми ихъ послѣдствіями. Вслѣдствіе этого, онъ не остается вѣренъ философской методѣ даже и по отношеніи къ самому первому и основному ея вопросу. Философія права, по существу философской методы, есть только часть философіи вообще и непремѣнно должна основываться на опредѣленной философской системѣ. Шиллингъ, высказываясь сторонникомъ философскаго права и философской методы, не признаетъ, однако, этого необходимаго ея условія. «При обработкѣ моей книги, говоритъ онъ въ предисловіи къ ней, хотя я и избѣгалъ стать на точку зрѣнія эклектика, тѣмъ не менѣе, я не положилъ въ ея основу и никакой опредѣленной философской системы, а вездѣ старался, пользуясь изысканіями другихъ, сохранить самостоятельность собственнаго взгляда» (XXI). Какъ бы ни были велики достоинства самостоятельнаго взгляда, для философа права все же необходимо отправиться отъ опредѣленной философской системы, — своей или чужой, это все равно. Отступленіе отъ этого требованія указываетъ только на недостаточное пониманіе особенностей философской методы.

Что касается другой стороны методы, т. е. соединенія съ пріемами философскими пріемовъ наблюденія, то по отношенію къ этому вопросу Шиллингъ дѣлаетъ даже шагъ назадъ сравнительно съ Аренсомъ. У послѣдняго, какъ мы видѣли, соединеніе разумныхъ идей и плодовъ опыта является какъ необходимое требованіе правильной ученой методы. Шиллингъ же не дѣлаетъ никакой попытки связать эти два разнородные пріема, и ограничивается только заявленіемъ, что наблюденіе какъ человѣческой природы, такъ и вещей, находящихся внѣ чело-

вѣка, не должно быть оставлено безъ вниманія (§ 14), не давая никакихъ указаній относительно того, какъ же воспользоваться этими наблюденіями.

Впрочемъ, такимъ одностороннимъ приверженцемъ философской методы Шиллингъ является только въ предисловіи и во введеніи къ своему естественному праву; при самой же обработкѣ государственнаго права онъ слѣдуетъ совершенно инымъ пріемамъ. Съ подобнымъ несоотвѣтствіемъ между методой и ея примѣненіемъ мы встрѣчались и прежде; но, по крайней мѣрѣ у лучшихъ представителей философской методы, мы встрѣчались еще и со стремленіемъ оставаться въ предѣлахъ методы, сюда относится, напримѣръ, признаніе необходимости только одной разумной формы государственнаго устройства, попытка выведенія принципа дѣленія властей изъ основнаго начала философской дедукціи и проч. Ничего подобнаго не встрѣчаемъ у Шиллинга. Онъ не предлагаетъ никакихъ идеаловъ, и одинаково разсматриваетъ въ своемъ естественномъ правѣ всѣ представляемыя дѣйствительностью формы государственнаго устройства. Даже самый вопросъ о лучшей (то есть идеальной) формѣ считаетъ вопросомъ политики, а не философскаго права. «Относящійся къ области политики, говоритъ онъ, вопросъ о томъ, какая изъ возможныхъ формъ государственнаго устройства есть наилучшая, не можетъ быть разрѣшенъ вообще. Вопросъ этотъ допускаетъ только относительное рѣшеніе и при томъ съ точки зрѣнія особыхъ условій даннаго государства и духовныхъ и нравственныхъ свойствъ народовъ, входящихъ въ его составъ» (§ 213). Хотя, по мнѣнію Шиллинга, только изъ идей и первоначальнаго назначенія человѣка можно узнать, что должно быть (§ 14), тѣмъ не менѣе, на дѣлѣ, онъ отказывается рѣшить, что же должно быть. И это потому, что при изложеніи своего естественнаго государственнаго права, онъ отправляется не отъ идей, не отъ первоначальнаго назначенія человѣка, постигаемаго «разумомъ», а отъ факта, отъ явленій

дѣйствительной жизни, или, какъ онъ самъ выражается въ предисловіи, отъ природы вещи. Такъ, напримѣръ, изъ природы вещи, то есть изъ дѣйствительныхъ свойствъ государства, выводитъ онъ, что государство есть юридическое лицо (§ 190). Тому же пріему слѣдуетъ онъ и при рѣшеніи вопроса о томъ, кому должна принадлежать высшая власть въ государствѣ. Здѣсь онъ также отправляется отъ самой вещи, отъ внѣшнихъ историческихъ явленій, и насчитываетъ столько отдѣльныхъ формъ государственнаго устройства, сколько ихъ представляетъ дѣйствительность (§ 202). Все, что онъ говоритъ по поводу этихъ разнообразныхъ формъ, познаваемыхъ изъ наблюденія природы вещи, находящейся внѣ человѣка (§§ 202—206), весьма вѣрно и очень поучительно. Непонятно только одно то, какъ эти зрѣлые плоды наблюденія могутъ находить себѣ мѣсто въ его естественномъ правѣ, которое, по своей методѣ, должно ограничиться только выведеніемъ изъ первоначальнаго назначенія человѣка того, что должно быть. Эта непослѣдовательность, проходящая чрезъ все государственное право Шиллинга, объясняется тѣмъ, что природу вещи онъ принимаетъ за одно съ естественнымъ правомъ. Объ этомъ существенномъ вопросѣ для всего своего ученія Шиллингъ высказывается только въ предисловіи, и то косвенно, по поводу мнѣнія Шталя, полемикѣ съ которымъ и посвящено почти все предисловіе. Шталь отрицаетъ, чтобы природа вещи и естественное право совпадали. Шиллингъ не раздѣляетъ этого мнѣнія и въ опроверженіе его говоритъ: «подъ природой вещи надо понимать то, что составляетъ существо предмета или отношенія, о которомъ идетъ рѣчь, и съ необходимостью изъ этого существа вытекаетъ. Подъ тоже понятіе природы вещи надо отнести и то, что лежитъ въ существѣ извѣстной идеи права или его понятія, или соотвѣтствуетъ природѣ того или другаго отношенія между людьми и съ необходимостью изъ нихъ вытекаетъ. Въ этомъ смыслѣ природа вещи стоитъ въ тѣснѣйшей связи

съ естественнымъ правомъ: она составляетъ руководящій его принципъ» (XIV—XV). Это сближеніе природы вещи съ естественнымъ правомъ указываетъ только на шаткость философскихъ началъ Шиллинга, и есть необходимое слѣдствіе того, что онъ не кладетъ въ основу своего философскаго ученія о правѣ никакой опредѣленной философской системы. Природа вещи и естественное право, какъ оно понимается самимъ Шиллингомъ во введеніи и въ другихъ мѣстахъ того же предисловія, не одно и тоже, ни по характеру своему, ни по источникамъ. Шиллингъ подъ естественнымъ правомъ понимаетъ тѣ единыя и первоначальныя нормы права, которыя какъ бы начертаны въ сердцѣ человѣка и родились вмѣстѣ съ нимъ (предисловіе XVIII—XX); природа же вещи и человѣческихъ отношеній по необходимости разнообразна и мѣняется вмѣстѣ съ историческимъ развитіемъ человѣка. По мѣрѣ этого развитія является многое такое, чего въ началѣ и не было. Для пониманія первоначальнаго права необходимо исходить изъ первоначальной природы человѣка и его назначенія, что постигается не чрезъ наблюденіе, а непосредственно разумомъ, которому дано прозрѣвать въ божественные планы. Наоборотъ, для пониманія природы вещи необходимо наблюдать самую вещь; а такое наблюденіе предметовъ внѣ человѣка Шиллингъ не считаетъ ведущимъ къ уразумѣнію естественнаго права. — Такимъ образомъ, все ученіе проникнуто непримиреннымъ противорѣчіемъ разнородныхъ началъ, положенныхъ въ его основаніе [1]).

Къ той же категоріи писателей, не разграничивающихъ науку отъ вѣры, относится и знаменитый критикъ раціоналисти-

---

[1]) Въ примѣръ чрезвычайной неразборчивости Шиллинга по отношенію къ началамъ, отъ которыхъ онъ отправляется, можно указать и на то, что, раздѣляя общія философскія воззрѣнія Аренса, высшее начало права онъ заимствуетъ у Канта, см. § 28.

ческой философіи права, Фридрихъ Юлій Шталь [1]). Но онъ не выступаетъ съ новымъ вѣроученіемъ, какъ это дѣлаетъ Аренсъ, а отправляется отъ догматовъ христіанской вѣры. Эта точка отправленія, замѣчаетъ Шталь, соединяетъ въ себѣ всѣ тѣ свойства, которыя обыкновенно мыслятся въ высшемъ началѣ любой философской системы. Элементъ вѣры входитъ во всякое философское ученіе. То высшее начало, которое служитъ основаніемъ для всей послѣдующей философской дедукціи, первоначально выставляется предположительно и принимается на вѣру; полное свое научное оправданіе получаетъ оно только впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ оказывается способнымъ объяснить совокупность міровыхъ явленій. Истины христіанской религіи, усвояемыя вѣрой, даютъ полное объясненіе всему сущему, и при томъ, какъ того требуетъ философская метода, изъ единаго высшаго начала; а потому и могутъ служить исходной точкой философской системы. Шталь беретъ эти уже готовыя истины и пользуется ими въ построеніи своего философскаго права на основаніи христіанскаго міровоззрѣнія съ тою послѣдовательностью мысли и силой діалектики, которыя составляютъ его обыкновенную отличительную черту. Не входя въ подробности этого міровоззрѣнія (1-ое отдѣленіе II-го тома, Введеніе и первая Книга), мы остановимся только на одной отличительной чертѣ Шталя.

Вся политическая и литературная дѣятельность Шталя была посвящена неустанной борьбѣ съ раціонализмомъ и горячей защитѣ историческаго права. При той строгой послѣдовательности мысли, которою природа такъ богато одарила Шталя, онъ не могъ не замѣтить, что историческому праву грозитъ опасностью уже одно признаніе естественнаго или разумнаго, какъ существующаго рядомъ съ положительнымъ. Какъ бы ни пони-

[1]) Friedrich Julius Stahl. Die Philosophie des Rechts, два тома, второй въ двухъ отдѣленіяхъ.

малось взаимное отношеніе этихъ двухъ разныхъ правъ, въ концѣ концовъ оно не можетъ не быть враждебно: право разума, какъ идеальное, не можетъ не стремиться вытѣснить положительное. Чтобы не стать въ тоже угрожающее положеніе по отношенію къ историческому праву, Шталь отрицаетъ самое существованіе естественнаго. «Право и положительное право, говоритъ онъ, суть понятія другъ друга исчерпывающія. Нѣтъ никакого другаго права, кромѣ положительнаго. Рядомъ съ нимъ существуютъ только заповѣди божіи, но и они не имѣютъ ни необходимой для примѣненія опредѣленности, ни связующей силы закона» (1-ое отдѣленіе II-го тома, стр. 218, 221, 229). Въ противоположность къ раціоналистамъ Шталь выставляетъ такое начало: «что согласно съ положительнымъ правомъ, то и правомѣрно, и наоборотъ» (225). Признавая только положительное право, Шталь допускаетъ, однако, возможность его измѣненія по мѣрѣ историческаго развитія. Такое измѣненіе онъ считаетъ даже необходимымъ, но подъ слѣдующимъ условіемъ: все новое и лучшее должно рождаться уже изъ существующаго; при всѣхъ частныхъ перемѣнахъ существующее право никогда не должно быть отмѣняемо въ цѣломъ и замѣняемо новымъ, въ этомъ заключается принципъ— континуитета права (226).

Ограждая, такимъ образомъ, неприкосновенность положительнаго права, Шталь рядомъ съ нимъ признаетъ существованіе не цѣлой системы нормъ права естественнаго, а только однихъ общихъ идей права, которыя имѣютъ значеніе единственно какъ указаніе для законодательной власти при измѣненіи историческаго права (229). Эти руководящія идеи суть мысли и велѣнія божіи. Познаются они частью разумомъ непосредственно, по скольку они заложены въ человѣческое сознаніе, главнымъ же образомъ изъ божественнаго откровенія какъ ветхозавѣтнаго, такъ и новозавѣтнаго. Но божественныя заповѣди, сами по себѣ, не имѣютъ силы права даже и въ томъ

случаѣ, если бы они были формулированы удобно для примѣненія. Ссылка предъ судомъ на священное писаніе не можетъ имѣть мѣста. Истины откровенія, какъ источникъ права, имѣютъ обязательную силу только для законодателя; установляя право, онъ долженъ исходить отъ нихъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ институты права имѣютъ свое начало въ откровеніи, и именно въ десяти заповѣдяхъ (218, 228 и сл.).

Но Богъ создалъ человѣка свободнымъ, онъ предоставилъ ему выборъ между добромъ и зломъ. А такъ какъ выраженіе божественныхъ заповѣдей въ опредѣленной формѣ права есть дѣло человѣческой свободы, то оно и можетъ получить тотъ или другой видъ. При этомъ, въ силу той же свободы, возможно, что въ форму права будетъ облечено, нѣчто несправедливое и совершенно противоположное божественной волѣ. Но и такое опредѣленіе, не смотря на его противорѣчіе съ откровеннымъ ученіемъ, все же будетъ имѣть характеръ обязательнаго права, ибо право одно положительное (219, 221).

И такъ, особаго божественнаго права, или права разума нѣтъ, но есть разумныя требованія отъ права, которыя познаются изъ откровеннаго ученія. Въ жизнь эти разумныя требованія могутъ проводится только подлежащею законодательною властью. Воля божія составляетъ, такимъ образомъ, основное начало права, его первообразъ и мѣру (81 и сл., 218, 221—222). Эти то высшія, божественныя идеи права, отъ мѣры осуществленія которыхъ зависитъ какъ совершенство, такъ и недостатки каждаго положительнаго права, и должны быть раскрыты наукою, задача которой указать вѣчное и неизмѣнное существо права и государства (стр, 1.) Отсюда, философское ученіе о государствѣ Шталя также должно дать идеалъ, но усвояемый свободно, а не съ роковой необходимостью, какъ идеалъ Аренса. Идеалъ Шталя можетъ и не осуществиться. Это только требованіе къ законодателю, который, въ силу данной Богомъ человѣку свободы, можетъ и неисполнить его.

Послѣ этой краткой характеристики міросозерцанія Шталя въ цѣломъ, мы остановимся нѣсколько ближе на его идеалѣ государственнаго устройства.

Первообразъ политическаго устройства Шталь находитъ въ созерцаніи «нравственнаго царства». Идея нравственнаго царства, по мнѣнію Шталя, дается только христіанскимъ міровоззрѣніемъ, которому она исключительно свойственна (2-е отдѣленіе II-го тома, стр. 4—5) Эта идея одинаково принадлежитъ какъ религіи и морали, такъ и области права. Но въ совершенной полнотѣ осуществляется она только въ царствѣ божіемъ, которое христіанская религія обѣщаетъ вѣрующимъ въ загробной жизни (стр. 1.). Особенность этого «нравственнаго царства» состоитъ въ томъ, что въ предѣлахъ его направленіе человѣческой дѣятельности принадлежитъ силѣ и авторитету, стоящему выше человѣка, и свободно усвояется людьми. Такъ, царство божіе получаетъ свой законъ и направленіе непосредственно отъ Бога, который управляетъ людьми въ своей совершенной святости и мудрости и совершенной свободѣ; воля отдѣльныхъ людей совпадаетъ здѣсь совершенно и свободно съ божественнымъ порядкомъ, ибо Богъ есть «все во всемъ». Христіанская церковь, которая также есть нравственное царство, находитъ свои законы въ божественныхъ установленіяхъ. Тоже должно быть и въ политической области, ибо народъ также составляетъ нравственное царство. Какъ божіе царство управляется личнымъ Богомъ, такъ точно и государство должно управляться даннымъ высшимъ авторитетомъ въ формѣ живой личности, монархомъ. Дѣло же народа свободное усвоеніе издаваемыхъ государемъ законовъ (2, 11—12). Государство также есть господство нравственныхъ цѣлей, въ его предѣлахъ люди также должны повиноваться свободно, ибо нравственно-разумный порядокъ, къ повиновенію которому они призываются, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ собственное существо и только чрезъ нихъ можетъ быть осуществленъ (2—3). «Духъ

новаго времени, продолжаетъ Шталь, какъ онъ проявляется въ цѣломъ и въ массахъ, усвоилъ себѣ многіе существенные моменты нравственнаго царства: свободу, самостоятельность личности и народа, законъ, какъ все проникающую необходимость общественной жизни, въ его противоположности съ господствомъ произвола, но онъ обошелъ первый моментъ этого царства, данный высшій реальный авторитетъ, который идетъ впереди народа и даетъ ему его политическое единство. Духъ времени вращается между двумя отвлеченными понятіями свободы и закона, не желая понять, что ими еще не все исчерпывается; онъ и не подозрѣваетъ, что ему недостаетъ существеннѣйшаго (7 и слѣд.). Все мое ученіе о государствѣ, заключаетъ Шталь, есть проведеніе мысли о нравственномъ царствѣ, какъ порядкѣ, стоящемъ выше человѣка, къ которому, однако, онъ принадлежитъ, какъ самостоятельный членъ» (12).

Относительно методы, Шталь, какъ и всѣ разсматриваемые въ этомъ отдѣлѣ писатели, держится соединенія «идеальнаго созерцанія» съ эмпирическимъ изслѣдованіемъ (I томъ, стр. 33). Изложенный нами общій взглядъ на государство и есть то, что Шталь называетъ идеальнымъ созерцаніемъ.

Обращаясь къ оцѣнкѣ философской методы Шталя, необходимо признать, что, полагая въ основу своей философской дедукціи Бога и его волю, онъ поступаетъ послѣдовательнѣе Аренса, отправляясь отъ откровеннаго ученія. Но священное писаніе, научая человѣка правильному пониманію его обязанностей къ Богу, предоставляетъ его собственному разумѣнію, какъ скоро дѣло касается земныхъ потребностей: преслѣдуя небесныя и вѣчныя цѣли, оно не узаконяетъ никакого опредѣленнаго порядка для удовлетворенія временнымъ человѣческимъ нуждамъ. Божественная Премудрость совершенно одинаково признаетъ существованіе самыхъ разнообразныхъ формъ человѣческаго общежитія. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ говоритъ: всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется. Нѣсть

бо власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть» XIII, 1. Въ приведенномъ мѣстѣ, Апостолъ производитъ отъ Бога всякую «предержащую» то есть фактическую власть, не входя въ разсмотрѣніе не только ея состава, но даже и способа возникновенія; онъ одинаково освящаетъ всѣ возможныя формы правленія безъ всякаго различія: Апостолъ высказываетъ только мысль о божественномъ установленіи власти вообще, а не той или другой ея формы. Отдѣльныя историческія формы правленія совершенно безразличны съ точки зрѣнія священнаго писанія. Въ пользу своего мнѣнія Шталь не могъ сослаться ни на одинъ текстъ. Вся его аргументація держится единственно на уподобленіи, на параллели государства съ божественнымъ царствомъ [1]). Но параллель эта совершенно произвольна и не можетъ служить доказательствомъ того, что божественной волѣ соотвѣтствуетъ только одна форма правленія. — Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи, и самъ Шталь не остается вполнѣ вѣренъ той параллели, въ пользу которой высказался во введеніи къ своему ученію о государствѣ. Шталь стоитъ на сторонѣ не безусловной монархіи, что было бы послѣдовательнѣе, о сословной. Въ монархіи же, ограниченной сословіями, государь не можетъ уже играть той роли, которая въ силу параллелизма съ царствомъ божіимъ ему должна была бы

[1]) Шталь самъ чувствуетъ слабость этого аргумента, а потому спѣшитъ оговориться: „мы не строимъ, говоритъ онъ, на параллеляхъ, или аналогіяхъ съ другими нравственными областями, а на общемъ характерѣ, свойственномъ каждой нравственной области въ силу основныхъ законовъ нравственнаго міра вообще“ (2 отд., II тома, 3). Это замѣчаніе можно принять какъ вѣрное только по отношенію къ общимъ свойствамъ нравственнаго царства. Но изъ этихъ общихъ свойствъ, именно — свободнаго подчиненія авторитету высшей власти, еще ничего нельзя вывести относительно состава этой власти, единоличнаго, или коллегіальнаго. Если Шталь говоритъ, что его государству приличествуетъ высшая власть въ формѣ живой личности монарха, то это положеніе основано единственно на аналогіи съ царствомъ божіимъ, а не на свойствахъ нравственнаго міра вообще.

принадлежать. Какъ бы ни было незначительно допускаемое Шталемъ ограниченіе, все же народъ въ его государствѣ не только свободно усвояетъ законы, издаваемые монархомъ, но и принимаетъ чрезъ посредство сословій нѣкоторое участіе въ самомъ ихъ изданіи.

Если мы отбросимъ «идеальное созерцаніе», какъ не имѣющее никакихъ прочныхъ основъ, то отъ соединенной методы въ результатѣ останется одно «эмпирическое изслѣдованіе», въ сильной степени проникнутое теологическими и политическими тенденціями. Что же касается до самыхъ пріемовъ эмпирическаго изслѣдованія, то Шталь вовсе не останавливается на ихъ разработкѣ. Онъ ограничивается только замѣчаніемъ, что подъ эмпиріей разумѣетъ не одно пассивное воспринятіе наблюдаемыхъ явленій, а подчиненіе ихъ разсудку. Но и въ этомъ видѣ, пріемъ наблюденія самъ по себѣ, безъ соединенія съ идеальнымъ созерцаніемъ, не можетъ быть вѣрнымъ руководителемъ въ изученіи государства (I томъ, стр. 33 и сл.).

Бишофъ. На томъ же основаніи христіанскихъ началъ строитъ свое общее государственное право и Бишофъ, но такъ какъ его попытка, съ разсматриваемыхъ нами точекъ зрѣнія, не представляетъ ничего новаго, кромѣ развѣ полнѣйшаго равнодушія къ вопросу о методѣ, то мы и можемъ освободить себя отъ труда ближайшей характеристики его воззрѣній, тѣмъ болѣе, что его книга осталась неоконченной [1]).

Штейнъ. Въ ряду попытокъ соединенія пріемовъ философской методы съ наблюденіемъ особенно видное положеніе занимаетъ Лоренцъ

[1]) Въ 1860. г. вышелъ первый выпускъ подъ слѣдующимъ длиннымъ и не безъ интереснымъ заглавіемъ: Allgemeine Staatslehre, gestützt auf geschichtliche Grundlage und christliche Prinzipien zur Lösung der Socialen Probleme des 19 jahrhunderts für die Träger der allgemeinen deutschen Bildung und als Leitfaden bei akademischen Vorlesungen, von Her. Bichof. Два слѣдующіе выпуска, которые должны были въ томъ же году заключить этотъ трудъ, до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, не появились въ свѣтъ.

Штейнъ [1]). Онъ хорошо знакомъ съ философскими пріемами изслѣдованія и въ глубокой степени проникнутъ такъ распространеннымъ въ Германіи мнѣніемъ, что философія составляетъ краеугольный камень всякаго знанія. Отъ его пытливой мысли не укрылись, однако, и слабыя стороны философской методы. Поэтому, всѣ его усилія направлены къ пересозданію на болѣе правильныхъ началахъ соединенной методы изслѣдованія. Одинаково проникнутый какъ сознаніемъ высокаго значенія философіи, такъ и важности пріемовъ опытнаго наблюденія, Штейнъ хотѣлъ бы каждому изъ этихъ различныхъ способовъ познанія отвести по праву принадлежащее ему мѣсто.

Если мы хорошо поняли Штейна [2]), его попытка установить правильную методу въ изученіи общества и государства заключается въ слѣдующемъ.

Какъ ученикъ Гегеля и сторонникъ философскаго знанія, онъ держится того мнѣнія, что всякая наука, въ особенности же наука о государствѣ, свое высшее оправданіе получаетъ только въ философіи (Vollz. G., I, 5). Философія, какъ чистая наука, развивающая свои положенія независимо отъ отдѣльныхъ явленій внѣшняго міра, должна предшествовать изученію дѣйствительныхъ явленій общественной жизни (System, I, 3). Всякое изученіе права, не освѣщаемое свѣтомъ философіи, будетъ только случайнымъ, лишеннымъ порядка и руководящихъ началъ накопленіемъ матеріяла (System, II, 63). — Но тоже знакомство съ философіей привело Штейна и къ убѣжденію, что философская метода не можетъ дать всего знанія. Исходя изъ единаго органическаго начала, философія должна ограничиться установленіемъ «чистыхъ понятій» о правѣ, обществѣ и госу-

---

[1]) System der Staatswissenschaft, 1852—1856; Die vollziehende Gewalt, второе изданіе.

[2]) Даже сами нѣмцы сознаются, что Штейнъ „слишкомъ часто облекаетъ свои мысли въ совершенно непонятныя схоластическія формы“, см. Mohl, Gesch. und Liter., I, 158.

дарствѣ, она должна дать научную систему, при посредствѣ которой все разнообразіе явленій могло бы быть приведено въ связь съ этимъ органическимъ началомъ. Эти чистыя понятія безусловно необходимы для уразумѣнія того, что есть въ явленіяхъ общественной жизни единаго и общаго (System, II, 62 и сл., 53). Но они недостаточны для пониманія живаго разнообразія явленій дѣйствительной жизни. Философія права можетъ дать только отвлеченный, безсодержательный, а потому и недѣйствительный порядокъ вещей (System, II, 55, 63). Органическое (то есть философское) понятіе о государствѣ не дастъ ни пониманія исторіи, ни разнообразія положительнаго права дѣйствительныхъ государствъ, ни свободы (Vollz. G., I, 27). Чистая философія можетъ довольствоваться одними абстрактными понятіями; наука же о государствѣ, заимствуя у философіи эти абстрактныя понятія, должна кромѣ того обратиться и къ изученію дѣйствительныхъ явленій общественной жизни (System, II, 19 и сл., Vollz. G., I, 34).

И такъ, Штейнъ, какъ Аренсъ и Шталь, научной методой считаетъ соединеніе философской дедукціи съ наблюденіемъ, но послѣднему пріему даетъ онъ совершенно самостоятельное и гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ оба названные писатели. Наблюденіе, по его мнѣнію, заимствуя основныя начала, въ видѣ чистыхъ понятій, у философіи, идетъ далѣе своимъ собственнымъ путемъ, облекаетъ эти абстрактныя понятія богатымъ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ изученія дѣйствительной жизни, и приходитъ къ такимъ выводамъ, которые недоступны философской дедукціи, взятой отдѣльно. Философія права не даетъ у него даже мѣрила для обсужденія достоинствъ, или недостатковъ положительнаго права. Это мѣрило находитъ онъ только въ отношеніи извѣстной системы права къ порядку общества, который, въ свою очередь, опредѣляется исторіей этого общества, особенностями какъ народа, такъ и страны имъ занимаемой, распредѣленіемъ богатствъ среди его членовъ и

такъ далѣе (System, II, 18 и сл.). Если право соотвѣтствуетъ этому внѣшнему порядку, оно хорошо; въ противномъ случаѣ, оно нуждается въ реформѣ, которая должна привести его въ соотвѣтствіе съ фактическими условіями общества (System, II, 63—65).

Послѣ этой общей характеристики взглядовъ Штейна на методу, мы сдѣлаемъ попытку, въ возможно сжатомъ очеркѣ, передать пріемы его философской дедукціи.

Штейнъ, какъ и многіе изъ нѣмецкихъ философовъ, отправляется отъ противоположности духа и матеріи, безконечнаго и конечнаго и ищетъ начала ихъ примиряющаго. Воплощеніе этихъ противоположностей представляютъ ему, съ одной стороны, духовная жизнь человѣчества, съ другой, конечная физическая природа. Эти обѣ области, различныя по существу своему, находятся, однако, во взаимной связи. Міръ человѣчества не оторванъ отъ природы: онъ поставленъ среди ея и связанъ съ нею тысячью разнообразныхъ отношеній. Человѣкъ обращается къ ней со всѣми своими потребностями, онъ кладетъ на нее печать своего творчества и увлекаетъ съ собой по пути безконечнаго человѣческаго развитія. Оба міра взаимно сопроникаются одинъ другимъ, въ силу чего въ матеріяльную природу вносится элементъ безконечнаго, и наоборотъ, элементъ конечнаго въ міръ человѣчества. — Но этимъ простымъ созерцаніемъ сопроникающихъ другъ друга противоположностей Штейнъ не довольствуется. Онъ задается вопросомъ о томъ единомъ началѣ, къ которому, какъ своему разумному основанію, сводились бы всѣ безконечныя явленія этого перехода одного міра въ другой, и находитъ это общее основаніе «въ существѣ личнаго», иначе, въ понятіи личности. Личное, говоритъ онъ, является, какъ причина и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ цѣль всего того, что въ области дѣйствительнаго вышло за предѣлы чисто физическаго. Матеріальныя вещи подчинены самоопредѣленію человѣка: его мысль понимаетъ ихъ, чув-

ство—наслаждается ими, жизнь—усвояетъ. Они вынимаются, такимъ образомъ, изъ ихъ естественной сферы: матеріяльными остаются они только по стольку, по скольку они имѣютъ бытіе, но свою жизнь, свою принадлежность къ сферѣ личнаго міра получаютъ они изъ рукъ личности. Матеріяльныя силы становятся прислужниками личной воли, явленія природы подчиняются личнымъ цѣлямъ, и вся совокупность матеріяльнаго міра переходитъ въ содержаніе міра личнаго. Существо личнаго становится, такимъ образомъ, источникомъ всѣхъ новообразованій, его живое бытіе центромъ новаго (человѣческаго) міра, развивающагося въ старомъ (мірѣ природы), его дѣйствіе причиной всѣхъ отдѣльныхъ явленій, его собственный, чисто личный организмъ органическимъ единствомъ человѣческаго міра. Человѣкъ въ мірѣ есть начало новой эпохи въ жизни міра. — Въ этомъ понятіи личности вся дѣйствительная жизнь имѣетъ свой исходный пунктъ. Изъ него только дѣлается возможнымъ постигнуть все разнообразіе явленій дѣйствительной жизни, какъ организмъ, какъ особое цѣлое, выполняющее свое назначеніе (System, I, 1—14).

И такъ, основное начало всей философской дедукціи Штейна есть понятіе человѣческой личности. Изъ абсолютныхъ элементовъ этой личности, путемъ чистаго мышленія, независимо отъ наблюденія, приходитъ онъ, далѣе, къ уразумѣнію чистой природы какъ общества, такъ и государства (System, II, 17, 36). Ходъ этого чистаго мышленія таковъ. Человѣческая личность представляетъ соединеніе слѣдующихъ двухъ элементовъ: съ одной стороны безконечнаго назначенія человѣка, съ другой ограниченности его природы. Такимъ образомъ, въ самой личности лежитъ противорѣчіе; это противорѣчіе разрѣшается соединеніемъ людей въ общество. Общеніе людей есть именно та среда, въ которой, въ силу возможной помощи одного человѣка другому, восполняется ограниченность человѣческой природы и человѣческая личность дѣлаетъ твердый шагъ на

пути къ своему безконечному совершенствованію. Отсюда такое понятіе общества: оно есть взаимное отношеніе отдѣльныхъ людей, приведенное къ единству общностью цѣли. (System, II, 1—9). Но побужденіе къ соединенію въ общество лежитъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, въ чувствуемой имъ необходимости пополненія своихъ силъ; оно совершается, такимъ образомъ, въ индивидуальномъ интересѣ, ради осуществленія цѣлей отдѣльной личности. Вслѣдствіе этого, общество можетъ быть принесено въ жертву личному интересу, употреблено какъ средство для его осуществленія. Вмѣстѣ съ этимъ, общество утрачиваетъ свою чистую природу и распадается въ противорѣчіи интересовъ. Такимъ образомъ, основной принципъ общества, высшее развитіе индивидуальной жизни, постоянно стремится разложить необходимое условіе этого развитія, общеніе отдѣльныхъ лицъ. Таково понятіе и основной законъ общества (System, II, 27—29).

Теперь, продолжаетъ Штейнъ, возникаетъ возможность найдти и абсолютное существо государства въ той задачѣ, которая возлагается на него указанной природой общества. — Если природа отдѣльнаго человѣка нуждается въ обществѣ, какъ условіи своего развитія, а общество дѣлается средствомъ для индивидуальныхъ цѣлей, то понятно, что способствуя развитію только части цѣлаго, оно не достигаетъ своей цѣли. Отсюда является необходимость въ такомъ организмѣ, который бы полагалъ свое высшее развитіе въ развитіи и совершенствованіи не одной только части общества, а всей совокупности его членовъ. Такой организмъ, который по самой природѣ своей не имѣетъ никакихъ частныхъ интересовъ, а только служитъ представителемъ интересовъ всѣхъ отдѣльныхъ личностей, и есть государство, существо котораго заключается въ томъ, что оно представляетъ единство людей, не зависящее отъ произвола и интересовъ отдѣльныхъ личностей (System, II, 30). Какъ общество разрѣшаетъ противорѣчіе, лежащее въ основѣ

личности, такъ государство разрѣшаетъ противорѣчіе, свойственное природѣ общества [1]).

Роль «абсолютныхъ элементовъ личности», заложенныхъ въ основу всей изложенной дедукціи, этимъ еще не исчерпывается. Тѣ же элементы даютъ исходныя точки какъ для установленія понятія государства, такъ и для опредѣленія самой его организаціи. Государство, представляя общеніе отдѣльныхъ личностей, есть само личность (Vollz G., I, 3—4). Понятіе его такое: оно есть общеніе людей, развившееся до личной воли и индивидуальнаго сознанія (System, II, 53 Vollz G., I, 4).—Государство, сближенное, такимъ образомъ, съ личностью, должно отражать въ своей организаціи существо человѣческой личности, но съ такимъ различіемъ: все то, что въ отдѣльной человѣческой личности лежитъ въ состояніи зародыша, не ясно и не развито, то въ государствѣ, какъ высшей личности, должно являться въ видѣ раздѣльныхъ и самостоятельныхъ организмовъ, имѣющихъ свою опредѣленную форму и содержаніе, и одаренныхъ опредѣленнымъ назначеніемъ по отношенію къ цѣлому. (Vollz. G., I, 8).

Эти отдѣльные органы или цѣлые организмы государства, условливаемые существомъ человѣческой личности, суть слѣдующіе. Существо личности заключается въ томъ, что она есть сама себѣ основаніе. Сознаніе о такомъ существѣ, въ силу котораго человѣкъ различаетъ себя отъ всего существующаго, выражается въ личномъ «я». Этому личному «я», въ государствѣ отвѣчаетъ «глава государства», но съ такимъ различіемъ: въ человѣческой личности «я» не имѣетъ никакого самостоятельнаго выраженія, въ государствѣ же оно представляется особымъ органомъ, который имѣетъ свое совершеннѣйшее вы-

[1]) Эта характеристика общества и государства весьма много имѣетъ общаго со взглядомъ О. Конта на тотъ же предметъ, Cours de phil. posit., IV, 50-e leç.; впрочемъ, Штейнъ, сколько мы знаемъ, ни разу не упоминаетъ о Контѣ въ разсматриваемыхъ сочиненіяхъ.

раженіе въ королѣ. Но личное «я» существуетъ въ мірѣ природы, которою оно во многихъ отношеніяхъ и опредѣляется. Если въ этомъ общеніи съ природой, «я» желаетъ сохранить свое существо, выражающееся въ способности самоопредѣленія, ему слѣдуетъ это вліяніе внѣшней природы такъ видоизмѣнить, чтобы оно превратилось въ опредѣленіе «я» самимъ «я». Это превращеніе и есть самоопредѣленіе. Оно начинается сперва въ нѣдрахъ самого «я» и выражается въ элементѣ «воли»; затѣмъ проявляется во внѣ и выражается въ «дѣйствіи». Этотъ переходъ момента внутренняго самоопредѣленія въ дѣйствіе, подчиняющее внѣшнюю природу человѣку, и есть жизнь.—Эти дальнѣйшіе элементы человѣческой личности, воля и дѣйствіе, въ личности государства выражаются опять въ цѣлыхъ и развитыхъ организмахъ. Выраженіемъ «воли» служитъ законодательный корпусъ. Въ отдѣльномъ человѣкѣ внутренній актъ воли не ясенъ, онъ переплетается со множествомъ другихъ элементовъ и по большей части не можетъ быть отдѣленъ отъ акта дѣйствія, съ которымъ онъ почти всегда сливается. Въ государствѣ же моментъ воли, проявляющійся «въ сужденіи и заключеніи» законодательнаго собранія совершенно ясенъ, существуетъ отдѣльно отъ акта дѣйствія и можетъ быть наблюдаемъ въ своихъ составныхъ элементахъ: въ «законодательствѣ» или процессѣ, предшествующемъ сложенію государственной воли, и въ «законѣ», въ которомъ и выражается самостоятельный актъ воли государства.—Выраженіемъ момента «дѣйствія» служитъ организмъ управленія. Въ этомъ организмѣ опять приходятъ къ самостоятельности и раздѣленію тѣ органическіе элементы всякаго дѣйствія, которые въ человѣческой личности остаются безъ соотвѣтствующаго имъ внѣшняго выраженія. Во первыхъ, это будетъ организмъ исполнительной власти, задача котораго въ простомъ исполненіи воли государства противъ всякаго внѣшняго сопротивленія. Во вторыхъ, организмъ управленія въ

собственномъ смыслѣ, который имѣетъ назначеніемъ подчиненіе личности государства внѣшнихъ вещей. Къ этой дѣятельности управленія Штейнъ относитъ, какъ государственное хозяйство, такъ и всякую дѣятельность государства, имѣющую въ виду помощь и содѣйствіе отдѣльнымъ лицамъ на пути ихъ развитія (Vollz. G., I, 8—13).

Таковы плоды философской дедукціи Штейна. Сравнивая его съ предшествовавшими философами, нельзя не замѣтить, при всей его оригинальности, весьма крупныхъ точекъ соприкосновенія съ нѣкоторыми изъ нихъ, именно съ Гегелемъ и Кантомъ. Съ первымъ онъ соприкасается не только въ результатахъ, къ которымъ приходитъ, но, до нѣкоторой степени, и въ самыхъ пріемахъ изслѣдованія. У Гегеля конституціонная монархія является, въ концѣ дедукціи, какъ необходимое требованіе законовъ разума. У Штейна, хотя и изъ другихъ посылокъ, получается тотъ же выводъ. У него также государство съ народнымъ суверенитетомъ немыслимо, демократическая форма не есть государственный порядокъ вещей, ибо ей недостаетъ для этого безусловно необходимаго элемента, личнаго главы государства (System, II, 57 и сл.). Что касается ученыхъ пріемовъ, то и здѣсь нельзя отрицать сильнаго вліянія Гегеля на Штейна. Противоположности, которыя служатъ Штейну точками отправленія, и то третье, высшее начало (личность, общество, государство), ихъ разрѣшающее и въ свою очередь распадающееся на новыя противоположности, весьма напоминаютъ діалектическіе пріемы Гегеля, хотя и въ переработанномъ видѣ. Но у Штейна этотъ пріемъ—дѣло второстепенное, онъ пользуется имъ при случаѣ, но не ставитъ его во главу системы.— Соприкосновеніе съ Кантомъ обнаруживается въ формальномъ опредѣленіи права. У Штейна право въ себѣ самомъ (чему онъ противополагаетъ положительное право) есть ненарушимость сферы дѣятельности одного человѣка дѣйствіями другаго, оно составляетъ границу дѣятельности. Это, конечно, тоже, что

высшій принципъ права у Канта, по которому каждый можетъ дѣлать любое употребленіе изъ своей свободы, только бы не нарушалъ свободы другихъ людей. Но Штейнъ не останавливается на этомъ формальномъ опредѣленіи и по своему развиваетъ его далѣе. Право есть граница, очерчивающая дѣятельность человѣка; но эта граница, въ свою очередь, опредѣляется существомъ жизненныхъ отношеній и силъ. Отсюда, для уразумѣнія права, не достаточно одного пониманія законовъ разума, какъ у Канта, а нужно проникнуть въ самое существо жизненныхъ отношеній и силъ, для которыхъ право служитъ границей (Vollz. G., I, 21—24).

Обращаясь къ оцѣнкѣ этой новой попытки соединенія философской методы съ наблюденіемъ, мы прежде всего остановимся на вопросѣ о томъ, какимъ путемъ Штейнъ приходитъ къ тому, что онъ выдаетъ за чистую природу общества и государства.

Штейнъ совершенно ясно высказывается въ томъ смыслѣ, что чистая природа вещи не можетъ быть открыта наблюденіемъ, что для ея уразумѣнія необходимъ путь чистаго мышленія (System, II, 17). Въ примѣненіи же къ раскрытію чистой природы общества и государства чистое мышленіе должно отправиться отъ абсолютныхъ элементовъ человѣческой личности, или, что тоже, отъ чистой природы личности (System, II, 36 и 60). Выше поставленный вопросъ сводится, такимъ образомъ, къ слѣдующему: какъ познается чистая природа личности? По отношенію къ этому коренному для всей послѣдующей философской дедукціи Штейна вопросу, его изложеніе не отличается той ясностью, которая въ этомъ важномъ пунктѣ особенно желательна Совершенно ясно только то, что природа личности, какъ и природа вещи вообще, познается не наблюденіемъ, а мышленіемъ, или, какъ выражается Штейнъ, вдумываніемъ въ чистую природу личности (System, II, 17 и 60). Но что такое это вдумываніе, остается не вполнѣ яснымъ. Поскольку мы могли понять относящіяся сюда мѣста,

подъ вдумываніемъ разумѣетъ онъ ничто иное, какъ обобщеніе дѣйствительной личности, при чемъ отбрасываются всѣ разности и удерживается только одно общее. «Въ каждой вещи, говоритъ Штейнъ, при всѣхъ измѣненіяхъ, которыя она можетъ претерпѣвать, нѣчто остается постояннымъ. Это постоянное и есть то, что составляетъ природу вещи. Чтобы это постоянное найдти среди всѣхъ возможныхъ измѣненій, я вынужденъ представить себѣ совокупность того, что составляетъ природу вещи; вмѣстѣ съ этимъ все то, что не лежитъ въ природѣ вещи, выдѣлится въ особое самостоятельное цѣлое». И далѣе: «Такимъ образомъ найденная вещь освобождена отъ всѣхъ вліяющихъ на нее причинъ. Мы имѣемъ въ ней только ея собственную, въ себѣ самой развивающуюся природу» (System, II, 16—18). Но какъ «представить себѣ совокупность того, что составляетъ природу вещи», этого авторъ не разъясняетъ. Судя по тому, однако, что онъ отправляется отъ измѣненій, отъ разнообразія дѣйствительной жизни и ищетъ, въ противоположность къ этому, постояннаго и общаго, надо думать, что онъ сравниваетъ вещи, отбрасываетъ измѣняющееся и, такимъ образомъ, приходитъ къ неизмѣнному и постоянному. Если путь вдумыванія именно таковъ, а ничего инаго мы не можемъ допустить, это будетъ путь наведенія. И такъ, къ высшему началу своей дедукціи Штейнъ приходитъ индуктивно, хотя не только что не замѣчаетъ этого, но и прямо отрицаетъ возможность такого пути для уразумѣнія природы вещи.

Каковъ бы ни былъ скрытый источникъ понятія личности, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Штейнъ вовсе не исчерпываетъ общихъ элементовъ личности. Онъ беретъ случайно тѣ или другіе элементы, смотря по тому, что ему нужно для дальнѣйшей дедукціи. Выводя необходимость общества, онъ отправляется отъ безконечнаго назначенія личности и ограниченности ея средствъ; при выведеніи же организма государства,

точками отправленія ему служатъ самосознающее я, и элементъ воли. Въ обоихъ случаяхъ личность имѣетъ различный видъ, но ни въ томъ, ни въ другомъ свойства ея не исчерпаны. Чтобы оставаться вѣрнымъ методѣ, надо было бы начать съ опредѣленія абсолютныхъ элементовъ личности и предложить полное ученіе объ этихъ элементахъ, и за тѣмъ уже идти далѣе. Штейнъ этого не дѣлаетъ. Но нельзя сказать, чтобы онъ не чувствовалъ необходимости въ такомъ ученіи. Указавъ на существо личности, поскольку оно выражается въ самосознающемъ я и элементѣ воли, Штейнъ продолжаетъ такъ: «достоинство этихъ элементарныхъ категорій науки о личности для науки о государствѣ заключается въ томъ, что они совершенно просто разъясняютъ содержаніе и основныя понятія государства» (Voll'z. G, I, 8—9). Здѣсь прямо указана особая наука о личности, но предшествующихъ пятнадцати строкъ, къ которымъ это мѣсто относится, никто, конечно, не приметъ за опытъ такой науки. И такъ, дѣло собственно не въ личности, не въ ея абсолютныхъ элементахъ; не она служитъ исходной точкой отправленія. Штейнъ отправляется отъ внѣшнихъ явленій общества и государства, и только въ угоду философской методѣ обращается къ личности, какъ единому высшему началу своей дедукціи, и произвольно беретъ изъ нея тѣ элементы, которые нужны для связи всего послѣдующаго изложенія въ одну цѣльную систему.

Въ примѣненіи понятія личности къ изученію государства, личность у Штейна является какъ бы первообразомъ государства: ея простыя элементы въ государствѣ превращаются въ отдѣльные органы государственнаго устройства. Но это опять только въ угоду философской методѣ, на самомъ же дѣлѣ нѣтъ никакой возможности изъ «простыхъ» свойствъ личности вывести тѣ развитые органы совершеннѣйшаго государственнаго устройства, которые имѣетъ въ виду Штейнъ. Онъ и самъ чувствуетъ, что они не выводятся, и въ помощь къ своей дедукціи

подставляетъ такой новый моментъ: государство есть совершеннѣйшая личность, а потому все то, что въ человѣческой личности неясно и слито въ одно, въ немъ пришло къ своей ясности и раздѣльности.—Но допустить это, значитъ измѣнить основному началу всей философской системы Штейна. Необходимое свойство всякой философской дедукціи состоитъ въ томъ, что высшее начало уже заключаетъ въ себѣ все послѣдующее. Здѣсь же, наоборотъ, въ выводѣ получается нѣчто совершеннѣйшее, нѣчто такое, чего нѣтъ въ источникѣ, изъ котораго идетъ выведеніе. Нѣчто, слѣдовательно, привходитъ изъ другаго источника. И дѣйствительно, развитые организмы власти законодательной, исполнительной и правительственной привносятся со стороны, а не лежатъ въ чистомъ понятіи личности, какъ своемъ зернѣ. Эта новая и слабая сторона системы также не укрылась отъ Штейна. Онъ сознаетъ, что дедукція организма государства изъ свойствъ человѣческой личности, которую онъ дѣлаетъ въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи (Vollz. G.), не совсѣмъ вяжется съ тѣмъ понятіемъ личности, какъ основаніемъ всей дедукціи, которое онъ высказалъ въ своемъ первомъ сочиненіи (System), что ему нужно для оправданія этой дедукціи иное, высшее начало, которое включало бы въ себя какъ человѣческую личность, такъ и совершеннѣйшую личность государства. Онъ дѣйствительно дѣлаетъ шагъ въ этомъ направленіи. «Общеніе людей, говоритъ онъ, не есть только слѣдствіе, вытекающее изъ понятія личности, оно есть проявленіе того же существа, изъ котораго возникаетъ и личность. Оставимъ вопросъ о томъ, что̀ это за существо. Несомнѣнно, что одна и таже мысль, одно и тоже дѣйствіе Божества единовременно создало отдѣльное лицо и общеніе людей» (Vollz. G. I,1). Это, конечно, несомнѣнное отступленіе отъ мыслей, развитыхъ тѣмъ же авторомъ въ его системѣ государственныхъ наукъ, и поворотъ къ міросозерцанію Аренса. Но эта новая мысль не переходитъ въ дальнѣйшее изложеніе, и организмъ государства

продолжаетъ выводится изъ существа человѣческой личности. Такимъ образомъ, противорѣчіе такъ и осталось противорѣчіемъ.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Штейнъ съ совершенною ясностью высказывается въ томъ смыслѣ, что задача науки о государствѣ не есть созданіе идеала, что философія права не можетъ выставить единой цѣли, къ которой должно стремиться развитіе каждаго положительнаго права (System, II, 61 и сл.). Тѣмъ не менѣе, этотъ взглядъ такъ силенъ на нѣмецкой почвѣ и такъ тѣсно связанъ съ философскими пріемами нѣмецкой науки, что и Штейнъ не уходитъ отъ попытки дать идеалъ. Необходимость единолично-го представителя государственной личности не есть только особенность чистаго понятія о государствѣ. Это есть также и необходимое требованіе правильной организаціи каждаго дѣйствительнаго государства (System, II, 56—59, Vollz. G., I, 8 и сл., 133 и сл.). Такимъ образомъ, и все ученіе Штейна одушевлено стремленіемъ къ идеальной формѣ.

Изо всѣхъ современныхъ ученыхъ Германіи мы не знаемъ ни одного, который былъ бы въ такой же степени, какъ Штейнъ, проникнутъ безпокойнымъ духомъ неустаннаго исканія правильнѣйшихъ пріемовъ научнаго изслѣдованія. Почти въ каждомъ новомъ своемъ сочиненіи и въ каждомъ новомъ изданіи прежнихъ, мы находимъ у него указанія собственныхъ ошибокъ, попытки исправить ихъ и выдти, наконецъ, на настоящую дорогу (Vollz. Gewalt, I, 34 и 140). Направленіе этого исканія, въ общихъ чертахъ, можетъ быть охарактеризовано такъ: Штейнъ, какъ и естественно въ Германіи, началъ свою ученую дѣятельность въ духѣ строго философскомъ; но потомъ, помѣрѣ того, какъ передъ его пытливымъ взглядомъ раскрывались недостатки философской методы, онъ все болѣе и болѣе переходитъ на почву наблюденія. Вмѣстѣ съ этимъ, идеалъ ученаго, представлявшійся ему прежде въ образѣ философской фигуры Гегеля, начинаетъ замѣняться обра-

зомъ Гнейста, знаменитаго только въ области разъясненія явленій положительнаго права.—Этотъ духъ вѣчнаго исканія, отличающій Штейна, придаетъ сочиненіямъ его характеръ жизненности и особой, ему одному свойственной привлекательности, благодаря которымъ читатель почти примиряется съ неуклюжей тяжеловатостью ихъ внѣшней формы.

Если Штейнъ представляетъ образчикъ писателя, который при сильной наклонности къ философскому мышленію, только съ трудомъ отступаетъ отъ философскихъ пріемовъ и не прежде, какъ убѣдившись въ полной ихъ непримѣнимости, переходитъ на сторону наблюденія, то Шмиттеннеръ [1]), наоборотъ, даетъ примѣръ ученаго, вполнѣ проникнутаго симпатіями къ опытной наукѣ и скорѣе безсознательно и только подчиняясь господствующему въ Германіи направленію, высказывающаго нѣсколько положеній, которыя даютъ основаніе и его «Двѣнадцать книгъ о государствѣ» причислить къ попыткамъ соединенія методы философской съ наблюденіемъ.

Шмиттеннеръ заявляетъ себя прямымъ и открытымъ противникомъ чисто философской дедукціи. «Неподлежитъ сомнѣнію, говоритъ онъ, что метода, объявляющая абстракціи человѣческаго разума за существо міра, есть только праздная игра, безсильная дать какіе либо результаты для науки въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Совершенно невозможно раскрыть существо жизненныхъ отношеній путемъ чисто логическаго выведенія этихъ отношеній изъ отвлеченныхъ понятій». Правильной методой считаетъ онъ не одностороннюю дедукцію, а двоякій пріемъ: наблюденіе внѣшнихъ явленій и созерцаніе идеи (III, § 7). Эти два пріема, однако, не необходимо соединены въ одномъ моментѣ изученія: каждый изъ нихъ можетъ идти къ общей цѣли и своимъ особымъ путемъ. Шмиттеннеръ

[1]) Schmitthenner, Zwölf Bücher vom Staate, Grundlinien des allgemeinen oder idealen Staatsrechtes, 1839—1845.

различаетъ эмпирическое созерцаніе, изучающее явленія на данной ступени ихъ историческаго развитія, и раціональное, стремящееся понять ихъ изъ идеи, какъ два самостоятельныхъ пріема (III, § 60). Согласно съ этой возможностью обособить пріемы изученія, онъ признаетъ и двѣ особыя вѣтви теоретической науки о государствѣ: вѣтвь эмпирическую, имѣющую дѣло съ государствами, какъ они существуютъ въ пространствѣ и во времени, и вѣтвь философскую, предметъ которой общія и необходимыя, то есть изъ самой идеи государства возникающія отношенія (I, § 13).

Возможность этой послѣдней науки, естественно, предполагаетъ вѣру въ существованіе идеальнаго государственнаго права. И дѣйствительно, Шмиттеннеръ прямо допускаетъ такое право, какъ прирожденное (Urrecht), или божественное. Это идеальное право противополагается у него положительному и составляетъ масштабъ при его обсужденіи (I, § 12, III, § 3 и 5).

При такомъ взглядѣ на задачу философской науки, понятно, что Шмиттеннеръ не можетъ довольствоваться одними только эмпирическими пріемами, что ему нужна еще и философская дедукція, значенія которой онъ безусловно и не отвергаетъ (III, § 7).

Прежде чѣмъ перейдти къ ближайшему разсмотрѣнію ученыхъ пріемовъ Шмиттеннера, необходимо остановиться на высшемъ началѣ его философскаго права.

Въ государствѣ, рядомъ съ историческимъ его элементомъ, Шмиттеннеръ различаетъ еще элементъ субстанціальный, который и есть основаніе, объясняющее, почему государство существуетъ и должно существовать. Этотъ субстанціальный элементъ есть объективная идея; развитіе государства должно состоять только въ осуществленіи этой идеи (III, § 7). Такимъ образомъ, идея государства и есть основной принципъ философскаго или идеальнаго государственнаго права (I, § 13).

Что же такое идея вообще и идея государства въ особенности?

Идея, говоритъ Шмиттеннеръ, есть предсозерцаніе того, что должно быть, это духовный первообразъ вещи (Urbild). Какъ долженствующее быть, она есть назначеніе вещи. Въ примѣненіи этого понятія къ жизни человѣчества, идея является глубочайшимъ основаніемъ всякаго движенія въ этой жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшимъ благомъ человѣчества. Какъ назначеніе вещи, какъ основаніе ея видоизмѣненій, идея есть высшій законъ вещи (III, § 60). Всѣ эти свойства соединяетъ въ себѣ и идея государства: она есть его назначеніе и законъ государства, ибо она есть то, что должно быть. Но особенность идеи государства составляетъ то, что она можетъ развиваться только въ исторіи, и въ слѣдствіе этого, по различію временъ, проявляется въ разныхъ формахъ. Это приводитъ къ необходимости различать между идеею государства абсолютной, отвлеченной или общей и относительной, конкретной или особенной. Абсолютная идея государства есть идея въ ея высшемъ развитіи, относительная — идея государства на извѣстной ступени его историческаго развитія. Историческія формы государства также имѣютъ своимъ содержаніемъ абсолютную идею, но на низшей ступени ея развитія (III, § 5).

Уяснивъ значеніе того высшаго, субстанціальнаго принципа, который лежитъ въ основаніи философскаго, или идеальнаго ученія о государствѣ, мы можемъ перейдти и къ вопросу о томъ, какими способами доходитъ Шмиттеннеръ до уразумѣнія идеи.

Если до сихъ поръ разсмотрѣнныя воззрѣнія Шмиттеннера не выходятъ изъ того круга, въ которомъ, въ общихъ чертахъ, вращается нѣмецкая философствующая мысль, то по отношенію къ послѣднему вопросу, онъ становится совершенно на новую точку зрѣнія, прямо отступаетъ отъ господствую-

щихъ въ нѣмецкой наукѣ взглядовъ и, нельзя не сказать, впадаетъ въ неясность и противорѣчія.

Изъ предшествующаго извѣстно, что въ нѣмецкой наукѣ весьма распространено признаніе въ человѣкѣ особой способности, одаренной силой прямо и непосредственно созерцать идею (Vernunft) [1]). Шмиттеннеръ не признаетъ въ человѣкѣ такой силы. Разумъ является у него только какъ способность понимать законы объективнаго міра, а не производить ихъ изъ самого себя. Согласно съ этимъ, онъ положительно отрицаетъ возможность познать идеальное апріорно, непосредственнымъ созерцаніемъ идеи. «Если бы человѣкъ, говоритъ Шмиттеннеръ, могъ имѣть сознаніе еще неосуществленныхъ объективныхъ идей, онъ сравнялся бы съ Богомъ» (I. § 11, III. стр. 255). Это совершенно вѣрно, но приговоръ, произнесенный Шмиттеннеромъ апріорному постиженію идеи, въ равной степени относится и къ задачѣ его собственной философіи права, имѣющей цѣлью изъ абсолютной идеи, изъ долженствующаго быть, вывести необходимыя и общія свойства государства. Все равно, откуда бы человѣкъ ни получилъ познаніе о долженствующемъ быть, изъ своего ли разума непосредственно, или инымъ какимъ путемъ, имѣя это познаніе еще неосуществленныхъ объективныхъ идей, онъ одинаково сравнялся бы съ Богомъ. Несмотря на это, Шмиттеннеръ не отказывается уразумѣть объективную идею государства. Онъ находитъ возможнымъ понять ее въ ея историческомъ развитіи, не апріорно, а путемъ конкретнаго мышленія, т. е. такого, «которое соединяетъ сознаніе абсолютнаго назначенія съ изученіемъ явленій» (I. стр. 22). Если познаніе идеальнаго путемъ непосредственнаго созерцанія разумомъ божественныхъ идей не возможно, то, спрашивается, какъ же

---

[1]) Ср. еще: Röder, Grundz. des Naturr., 1860, стр.: 3, 34, 36, 38; Vollgraff, Staats und Rechtsphil., I, Wie muss mann Forschen, стр. 18, и далѣе § 63 и сл.

приходитъ къ этому познанію Шмиттеннеръ, говоря иначе, каковы средства его конкретнаго мышленія?

Шмиттеннеръ признаетъ только два средства философскаго познанія: наведеніе и опытъ. Черезъ сопоставленіе явленій, говоритъ онъ, открывается единое въ разнообразіи, отъ большинства случаевъ заключаютъ къ общему, къ типу явленія, и найденное такимъ образомъ правило провѣряется вопросами, которые изслѣдователь предлагаетъ природѣ и исторіи (т. е. опытомъ, III, § 60). Такимъ образомъ, въ опредѣленіи пріемовъ изученія онъ является прямымъ послѣдователемъ Бекона, на котораго и ссылается, и подъ философскимъ знаніемъ разумѣетъ только опытное. При обсужденіи этихъ пріемовъ необходимо прежде всего обратить вниманіе на непослѣдовательность Шмиттеннера. Пять строкъ выше онъ говоритъ, въ противоположность къ эмпирическому, о раціональномъ созерцаніи, задача котораго объяснить данныя историческія явленія изъ идеи. Для такого созерцанія необходимъ, конечно, и особый пріемъ—выведеніе (дедукція). Въ опредѣленіи же пріемовъ ученаго изслѣдованія упоминаются только наведеніе и опытъ.—Далѣе, заимствуя у Бекона пріемы опытныхъ наукъ, Шмиттеннеръ вовсе не останавливается на вопросѣ о томъ, какъ же примѣнить эти пріемы къ разрѣшенію его собственной задачи, заключающейся не въ разъясненіи существующаго только, на что эти пріемы и разсчитаны, а въ постиженіи долженствующаго быть. Дѣло въ томъ, что Шмиттеннеръ не видитъ никакой разницы между постиженіемъ существующаго и долженствующаго быть безусловно. Онъ думаетъ, что долженствующее быть можетъ быть опредѣлено изъ настоящаго, подобно тому, какъ по двумъ угламъ треугольника можно опредѣлить третій. Но въ опредѣленіи третьяго угла отправляются отъ знанія цѣлаго, т. е. суммы всѣхъ угловъ, которое предшествуетъ. По отношенію же къ государству это цѣлое, т. е. абсолютная идея государства, какъ неосуществленное, еще неизвѣстно и пріемами опыт-

ныхъ наукъ открыто быть не можетъ. Путемъ опытнаго изученія можно придти къ уразумѣнію того, что есть, и причинъ, вызвавшихъ данныя явленія. Зная дѣйствіе причинъ, можно, далѣе, заключать и къ будущему, т. е. можно сказать, что должно возникнуть изъ данныхъ условій. Но долженствующее возникнуть при данныхъ условіяхъ и долженствующее быть абсолютно не одно и тоже. При данныхъ условіяхъ могутъ и должны имѣть мѣсто рабство, деспотія и анархія. Но это, конечно, не значитъ, что эти явленія требуются абсолютной идеей государства. Кто признаетъ возможность постиженія абсолютныхъ идей, тотъ долженъ искать ихъ не въ существующемъ, которое условно, и не путемъ опыта, который разъясняетъ только то, что есть. Ему необходимо апріорное, сверхъ-опытное постиженіе, которое и составляетъ задачу нѣмецкой философіи.

Въ силу этого желанія постигнуть абсолютное изъ существующаго и путемъ наблюденія, идеальное сливается у Шмиттеннера съ историческимъ и теряетъ всякую самостоятельность. Результатомъ его методы является не безусловно долженствующее быть, а только природа вещи, какъ она открывается наблюденію, и во всемъ разнообразіи дѣйствительной жизни, не примиренномъ никакимъ высшимъ началомъ.

Въ заключеніе этой общей характеристики методологическихъ взглядовъ Шмиттеннера, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ и о томъ примѣненіи этой методы къ изученію государства, которое дѣлаетъ разбираемый авторъ въ своихъ Двѣнадцати книгахъ о государствѣ. Третій томъ этого сочиненія посвященъ изученію государства и носитъ названіе «общаго или идеальнаго государственнаго права». Изъ предшествующаго мы знаемъ, что общее или идеальное право, какъ наука философская, должно заключать въ себѣ изложеніе необходимыхъ и общихъ свойствъ государства, выводимыхъ изъ его идеи. Въ дѣйствительности же въ идеальномъ правѣ Шмиттеннера мы не

встрѣчаемъ ничего соотвѣтствующаго такой задачѣ. Онъ не ставитъ, какъ бы слѣдовало, во главѣ своего ученія идеи государства, а потому и не можетъ выводить изъ идеи своего дальнѣйшаго изложенія. Совершенно наоборотъ, въ первомъ же параграфѣ, хотя и косвенно, онъ высказываетъ мысль о единствѣ идеи съ природой учрежденія. Та же мысль, но уже самостоятельно выраженная, встрѣчается и въ дальнѣйшемъ изложеніи. «Идея государства, говоритъ Шмиттеннеръ,—этотъ духовный первообразъ той системы учрежденій, при посредствѣ которой данный народъ долженъ стремиться къ осуществленію идеи человѣчества, хотя и находится въ незавершенномъ еще процессѣ своего дальнѣйшаго выявленія и доступна наблюденію только на извѣстной ступени своего развитія, тѣмъ не менѣе, на этой ступени она есть дѣйствительность. Она содержится, какъ въ живомъ тѣлѣ, доступномъ наблюденію, въ учрежденіяхъ и органахъ даннаго государства (§ 60)». Такимъ образомъ, идея сводится на степень души историческихъ учрежденій, или, что тоже, ихъ природы. Изучать эту природу значитъ изучать абсолютную идею государства въ ея историческомъ осуществленіи. Этимъ отожествленіемъ идеи, какъ долженствующаго быть, съ природою вещи, какъ сущимъ, уже впередъ намѣчается весь характеръ послѣдующаго изложенія: авторъ изучаетъ явленія государственной жизни въ ихъ историческомъ развитіи, установляетъ точныя юридическія понятія и уясняетъ характеръ выработанныхъ исторіей учрежденій. Первый отдѣлъ идеальнаго государственнаго права составляетъ сжатый, но прекрасный очеркъ историческаго развитія государства, начиная съ быта патріархальнаго и заключая эпохой конституціонной монархіи. За тѣмъ, руководясь тѣмъ же пріемомъ наблюденія, въ слѣдующемъ второмъ отдѣлѣ авторъ переходитъ къ уясненію элементовъ государства, при чемъ онъ останавливается на правахъ государственной власти, ея дѣленіи, субъектѣ, на правахъ подданныхъ и проч. Наконецъ, въ

третьемъ и послѣднемъ отдѣлѣ онъ разсматриваетъ формы государственнаго устройства. Для характеристики пріемовъ обработки всѣхъ помянутыхъ вопросовъ укажемъ на то, что въ послѣднемъ отдѣлѣ авторъ съ одинаковой обстоятельностью разбираетъ всѣ представляемыя исторической жизнью народовъ формы государственнаго устройства съ точки зрѣнія ихъ свойствъ, пригодности и прочее. Онъ даритъ одинаковое вниманіе какъ демократіи и аристократіи, такъ и монархіи во всѣхъ ея видахъ (§§ 132—134). Переходя, далѣе, къ способамъ пріобрѣтенія верховной власти, онъ также старается исчерпать всѣ возможныя историческія формы установленія власти (§§ 135 и 136). Вездѣ у Шмиттеннера читатель встрѣчаетъ одно живое историческое право, которое авторъ даже и не усиливается выводить изъ идеи государства. Въ этомъ направленіи онъ заходитъ такъ далеко, что не разъ, въ прямое противорѣчіе съ задачей философскаго или идеальнаго права, отрицаетъ самую возможность указать единое, вездѣ годное государственное устройство (I, § 11; III, § 129). Но мѣстами, въ новое противорѣчіе съ этимъ отрицаніемъ и какъ бы подъ неотразимымъ давленіемъ задачи идеальнаго государственнаго права, онъ указываетъ, съ одной стороны, на совершеннѣйшія черты государственнаго устройства, а съ другой, на болѣе рѣзкія уклоненія отъ идеи государства. Въ примѣръ перваго можно указать на то, что принадлежность верховной власти одному физическому лицу онъ разсматриваетъ, какъ отличительную черту совершеннѣйшей государственной организаціи (§ 107). Рядомъ съ этимъ, «совершеннѣйшимъ государствомъ» онъ считаетъ еще монархію смѣшанную (§ 134). Ни то ни другое совершенство не выводятся у него, однако, изъ идеи государства, которой онъ и не выставляетъ. Первое идеальное требованіе есть несомнѣнный отголосокъ воззрѣній Гегеля, къ доводамъ котораго Шмиттеннеръ не прибавляетъ ничего существеннаго; второе объясняетъ онъ тѣмъ, что въ государствѣ, верховная власть

котораго состоитъ изъ элементовъ монархическихъ, аристократическихъ и демократическихъ, всѣ элементы общества находятъ свое признаніе. Выставляя эти два идеальныя требованія, авторъ и не подозрѣваетъ противорѣчія, въ которое впадаетъ: его «совершеннѣйшее государство», въ которомъ верховная власть принадлежитъ не одному физическому лицу, а нераздѣльно совокупности всѣхъ трехъ элементовъ общества, не можетъ ужиться рядомъ съ тою, также совершеннѣйшею формою, въ которой вся полнота власти должна принадлежать одному физическому лицу.—Въ примѣръ втораго можно указать на демократію, которая, по мнѣнію разбираемаго автора, наиболѣе уклоняется отъ идеи государства (§ 133). Въ этомъ осужденіи демократіи опять нельзя не узнать отголоска гегелевскихъ идей, которыя Шмиттеннеръ старается подкрѣпить ссылкой на слабыя стороны этой формы.

Недостатки методы, указанное выше несоотвѣтствіе между задачей философскаго права и средствами ея осуществленія, вполнѣ отразились, такимъ образомъ, и на примѣненіи методы къ дѣлу. Несмотря на заявленное желаніе дать основы идеальнаго государственнаго права, Шмиттеннеръ въ существѣ не идетъ далѣе наблюденій въ области историческихъ явленій, уясняетъ природу вещи, какъ она есть, и только.

Р. Моль. Разсмотрѣнными писателями далеко не исчерпывается рядъ попытокъ соединенія философскихъ пріемовъ изслѣдованія съ наблюденіемъ. Робертъ Моль даетъ новый образчикъ такой попытки [1]). Представляя собою полнѣйшій типъ нѣмецкаго ученаго, онъ, естественно, не можетъ отказаться ни отъ философской методы, ни отъ наблюденія, которому обязана всѣми своими успѣхами какъ современная наука, такъ и современная политическая жизнь Европы. Вліяніе философскихъ пріемовъ отразилось на взглядѣ Р. Моля въ томъ, что философское пра-

[1]) Encyklopaedie der Staatswissenschaften, 1859.

во получается у него путемъ чисто логическихъ выведеній изъ опредѣленія существа государства; оно есть, такимъ образомъ, необходимое логическое слѣдствіе самого понятія государства (§ 23). Опытный пріемъ проявляется унего въ томъ, что къ опредѣленію существа государства приходитъ онъ путемъ наблюденія дѣйствительныхъ явленій человѣческой жизни вообще и государственной въ особенности.

Послѣдняя черта во взглядѣ Р. Моля нуждается, однако, въ нѣкоторомъ поясненіи, ибо онъ нигдѣ прямо не говоритъ, что въ основаніи его дедукціи лежитъ понятіе государства, полученное путемъ наблюденія. Р. Моль чрезвычайно мало останавливается на методологическихъ вопросахъ и сколько нибудь ясное представленіе о собственныхъ его пріемахъ можно составить себѣ только при посредствѣ отвлеченія этихъ пріемовъ изъ предлагаемой имъ обработки вопросовъ философскаго права. Къ этому средству мы и обратимся.

«Философское право, говоритъ Р. Моль, вытекаетъ съ логической необходимостью изъ существа государства вообще и его отдѣльныхъ классовъ въ особенности». Какъ же приходитъ онъ къ уразумѣнію существа государства, какъ основанія дедукціи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найдти въ той части его энциклопедіи, въ которой онъ разъясняетъ понятіе и цѣль государства (§ 1—7 и § 11). Р. Моль не беретъ государства какъ фактъ, существующій прежде всякаго разсужденія о его природѣ и доступный внѣшнему наблюденію; но оно не является у него и чисто апріорно, какъ необходимое требованіе разума. Къ уразумѣнію природы государства Р. Моль приходитъ изъ изученія свойствъ человѣка и тѣхъ общественныхъ сочлененій, въ которыя онъ поставленъ и которыя Моль беретъ прямо, какъ факты (семейство, племя, общество). Наблюдая природу человѣка, какъ существа чувственно-разумнаго, Моль приходитъ къ мысли о необходимости восполненія этой природы общеніемъ съ другими людьми. Первыми формами такого обще-

нія являются семейство, за тѣмъ племя, какъ разросшееся семейство, и наконецъ общество, какъ еще болѣе широкій видъ общенія людей, условливаемый не одною только кровной связью. Въ этихъ разнообразныхъ формахъ общежитія — природа человѣческая пополняется все болѣе и болѣе, и человѣкъ пользуется такими удобствами, которыя въ разрозненной жизни недостижимы для его отдѣльныхъ личныхъ усилій. Но даже и самая широкая изъ этихъ формъ общежитія, общество, не представляетъ необходимыхъ гарантій правильнаго общежитія: высшей власти, которая опредѣляла бы взаимныя отношенія членовъ, суда и такъ далѣе. Если, заключаетъ Р. Моль, цѣли человѣческой жизни, указываемыя самой природой человѣка, должны быть достигаемы, то необходимъ такой организмъ, который бы соединялъ въ одно стройное цѣлое какъ отдѣльныя личности съ ихъ особенными цѣлями, такъ и семейства, племена и общества. Такой организмъ и есть государство. Понятіе его слѣдующее: государство есть постоянный организмъ учрежденій, управляемыхъ единой волей и имѣющихъ назначеніе споспѣшествовать достиженію цѣлей жизни извѣстнаго и занимающаго опредѣленное пространство земли народа, и при томъ, какъ отдѣльнымъ его членамъ, такъ и цѣлымъ обществамъ. — И такъ, государство взято не какъ фактъ, а получилось путемъ выведенія. Въ этомъ нельзя не видѣть пріема нѣмецкой философской методы, которая не любитъ отправляться отъ фактовъ, ибо фактъ указываетъ только то, что есть, а не то, что должно быть. Но основанія выведенія не философскія, а опытныя: это, съ одной стороны, познаваемая наблюденіемъ человѣческая природа, а съ другой, также познаваемое наблюденіемъ отсутствіе гарантій правильной общественной жизни во всѣхъ человѣческихъ сочлененіяхъ за исключеніемъ государства. Подобнымъ же путемъ приходитъ Моль и къ уразумѣнію разнообразія государствъ. Существо государства состоитъ въ томъ, что оно способствуетъ достиженію цѣ-

лей жизни извѣстнаго народа. Но цѣли жизни по народамъ различаются; отсюда является возможность, независимо отъ факта существованія непохожихъ одно на другое государствъ, предположить необходимое различіе государствъ по формѣ ихъ устройства и по особенностямъ ихъ общаго направленія, какъ слѣдствіе различія въ національныхъ цѣляхъ (§ 14). Но этимъ и оканчивается дедукція отдѣльныхъ классовъ государствъ: самые классы выводятся уже не изъ цѣлей (какъ бы слѣдовало), а берутся изъ наблюденія, какъ факты.

И такъ, существо государства вообще, какъ основаніе дедукціи философскаго права, берется не апріорно, а есть плодъ предшествовавшихъ наблюденій. Тоже надо сказать и о существѣ отдѣльныхъ классовъ государствъ, съ тою разницею, что изъ наблюденія природы человѣка выводится одна только возможность многихъ государствъ, самые же классы берутся изъ наблюденія дѣйствительныхъ государствъ. Въ этомъ наблюденіи внѣшнихъ явленій, предшествующемъ выведенію, и заключается отличительная особенность методы Моля, которую невозможно не признать, хотя онъ нигдѣ и не заявляетъ о томъ прямо.

Изъ добытаго, такимъ образомъ, существа государства, или его понятія и цѣлей (такъ какъ особаго отдѣла, посвященнаго вопросу о существѣ государства, энциклопедія Р. Моля не представляетъ) и должна быть выведена съ логическою необходимостью цѣлая система нормъ философскаго права. Но такъ какъ природа человѣка (или, ближе, различіе цѣлей, преслѣдуемыхъ человѣкомъ, по различію національныхъ характеровъ) дѣлаетъ необходимымъ не только государство вообще, но и его различные классы, то отсюда является необходимость въ установленіи не одной только системы права, соотвѣтствующей существу государства вообще, но еще и въ установленіи особенныхъ нормъ права, которыя отвѣчали бы существу каждаго отдѣльнаго класса государствъ. Согласно съ этимъ, у

Р. Моля, какъ и у Гроса, философское право распадается на общее и особенное (§ 27).

Таковъ взглядъ Р. Моля на методу. Посмотримъ теперь, какъ эта метода примѣняется имъ къ дѣлу, то есть, къ выведенію системы права съ логическою необходимостью изъ существа государства. Для характеристики этого примѣненія мы должны сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ общаго философскаго права [1]). Первый параграфъ общаго философскаго права посвященъ опредѣленію «личныхъ свойствъ главы государства» (§ 28). Онъ начинается такъ:

„Осуществленіе необходимой для поддержанія государства и достиженія его цѣлей власти должно принадлежать физическому или нравственному лицу. Обладатель такой власти и есть глава государства. Во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ эта власть принадлежитъ одному физическому лицу, или немногимъ физическимъ лицамъ, глава государства находится непрерывно въ дѣйствіи. Гдѣ же во главѣ государства стоитъ многочисленное собраніе, тамъ такое собраніе можетъ сходится для осуществленія своей власти только чрезъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени. Въ такихъ случаяхъ необходимъ особый уполномоченный главы государства, который постоянно находился бы въ дѣйствіи. Всего сложнѣе это отношеніе въ представительной демократіи, гдѣ обладатель государственной власти, именно совокупность гражданъ, имѣющихъ право голоса, никогда не проявляетъ своей дѣятельности въ формѣ единаго цѣлаго, а выражаетъ свою волю по отдѣльнымъ округамъ и то, по большей части, только при избраніи представителей, тогда какъ большая часть дѣятельности, свойственной главѣ государства, отправляется чрезъ посредство

[1]) Эти выписки, характеризуя ученые пріемы Р. Моля, вмѣстѣ съ тѣмъ дадутъ и новое подтвержденіе высказанному выше положенію, что въ своей философіи права онъ столько же стоитъ на точкѣ зрѣнія политики, какъ и права.—Курсивъ принадлежитъ намъ.

особыхъ уполномоченныхъ. Въ теократіи само Божество разсматривается какъ глава государства, но, обыкновенно, оно представляется особымъ намѣстникомъ. Особенную важность имѣютъ постановленія, опредѣляющія лицо верховной власти и принадлежащія ему права. Но они чрезвычайно различны въ различныхъ государствахъ. Иногда опредѣляются они самой природой даннаго государства, иногда — оставляется свободнымъ выборъ между нѣсколькими возможностями Исходъ выбора, въ послѣднемъ случаѣ, опредѣляется соображеніями политическаго свойства. Постоянныя же опредѣленія права суть слѣдующія: 1) Личныя свойства. Ни въ одномъ государствѣ не считается способнымъ къ осуществленію государственной власти любое физическое лицо“ и такъ далѣе.

Таковы первыя двѣ страницы общаго философскаго государственнаго права, представляющія характеристическій образчикъ и всего послѣдующаго изложенія. Едва ли нужно доказывать, что содержаніе ихъ вовсе не вытекаетъ съ логическою необходимостью изъ существа государства. Изъ понятія государства вовсе не слѣдуетъ, что верховная власть должна принадлежать физическому или нравственному лицу. Какъ въ этомъ положеніи, такъ и во всѣхъ послѣдующихъ, Р. Моль отправляется не изъ существа государства, а отъ наблюденія отдѣльныхъ явленій разнообразной государственной жизни. Въ дѣйствительности онъ идетъ не путемъ выведенія, какъ бы слѣдовало, а наведенія, которое является у него въ видѣ обобщенія отдѣльныхъ явленій. Совокупность такихъ обобщеній и составляетъ содержаніе его общаго философскаго права, но съ постоянными оговорками, что въ отдѣльныхъ государствахъ то или другое общее положеніе, имъ утверждаемое, можетъ и не имѣть мѣста.

Укажемъ нѣсколько образчиковъ такихъ весьма часто встрѣчающихся у Р. Моля, но неимѣющихъ никакого реальнаго значенія, обобщеній. Въ предшествовавшей выпискѣ мы останови-

лись на опредѣленіи личныхъ свойствъ главы государства. Далѣе Моль продолжаетъ такъ:

„Наичаще требуемыя свойства главы государства суть слѣдующія:

а) Происхожденіе отъ опредѣленныхъ родовъ. Требованіе, въ силу котораго только члены извѣстныхъ фамилій могутъ обладать правами верховной власти, лежитъ въ понятіи патріархальныхъ государствъ, аристократіи и наслѣдственной монархіи; оно можетъ имѣть мѣсто и въ нѣкоторыхъ видахъ теократіи. Но въ другихъ государствахъ оно или вовсе не имѣетъ никакого юридическаго значенія, какъ, напримѣръ, въ государствахъ вотчинныхъ, или даже и прямо противорѣчитъ понятію нѣкоторыхъ государствъ, какъ, напримѣръ, избирательной монархіи, нѣкоторымъ видамъ теократіи, и, наконецъ, демократіи, какъ посредственной, такъ и представительной.

б) Принадлежность къ извѣстной религіи. Это свойство естественно необходимо въ теократіи, и едва ли можетъ быть пренебрежено въ государствахъ патріархальныхъ и классическихъ; но оно не имѣетъ никакого отношенія ни къ какой другой формѣ государственнаго устройства“.

Съ такого же рода обобщеніями, допускающими множество ограниченій и исключеній, встрѣчаемся и въ слѣдующемъ параграфѣ (29), посвященномъ опредѣленію верховныхъ правъ главы государства.

„Глава государства, говоритъ Моль, имѣетъ задачей приводить въ дѣятельность государственный организмъ во всѣхъ потребныхъ случаяхъ. По причинѣ разнообразія цѣлей и условливаемаго этимъ различія формъ государственнаго устройства, не можетъ быть и рѣчи о совершенномъ единствѣ и согласіи относящихся сюда верховныхъ правъ; но слѣдующія могутъ быть разсматриваемы, какъ встрѣчающіяся во всѣхъ видахъ и родахъ государствъ:

I. По отношенію ко внутренней государственной жизни.

а) Забота о поддержаніи права. Сюда принадлежатъ: 1) содѣйствіе къ установленію наивозможно точныхъ и исчерпывающихъ нормъ права; 2) установленіе учрежденій къ отвращенію угрожающихъ правонарушеній; 3) установленіе судовъ въ цѣляхъ возстановленія уже нарушеннаго права; 4) исполненіе состоявшихся и уже вошедшихъ въ силу закона приговоровъ. Насколько эта дѣятельность главы государства должна осуществляться путемъ законодательныхъ опредѣленій, или его личныхъ и непосредственныхъ дѣйствій, это зависитъ частью отъ положительныхъ постановленій даннаго государства, частью отъ природы отдѣльныхъ дѣйствій. Въ нѣкоторыхъ государствахъ недовѣріе къ способностямъ, или къ правдивому направленію воли главы государства повело къ ограниченіямъ области его личной дѣятельности, напримѣръ, по отношенію къ изданію законовъ, къ рѣшенію спорныхъ дѣлъ и прочее.

б) Примѣненіе государственной власти въ цѣляхъ содѣйствія какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и различнымъ ихъ общественнымъ сочлененіямъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, по существу государства, такое содѣйствіе для него обязательно. Эта часть дѣятельности главы государства чрезвычайно различна какъ по объему, такъ и по направленію. Она незначительна и почти незамѣтна въ патріархальныхъ и вотчинныхъ государствахъ; въ теократіяхъ же она чувствуется во всѣхъ проявленіяхъ жизни, хотя и съ односторонней религіозной точки зрѣнія; еще большее значеніе принадлежитъ ей въ новыхъ государствахъ, на которыхъ лежитъ обязанность содѣйствовать человѣку въ осуществленіи всей совокупности его жизненныхъ цѣлей“ и такъ далѣе.

Такимъ образомъ, всѣ положенія общаго философскаго права являются только какъ результатъ обобщенія извѣстнаго ряда явленій дѣйствительной жизни. Чтобы не остаться при этихъ крайне блѣдныхъ обобщеніяхъ, чтобы придать имъ какую либо плоть и кровь, автору приходится постоянно возвращаться къ первоначальному матеріялу, отъ котораго отвлечены его об-

щія положенія, и при его помощи характеризовать многообразныя видоизмѣненія этихъ обобщеній въ дѣйствительной жизни. Само собой разумѣется, что нѣкоторыя изъ этихъ обобщеній даннаго ряда явленій дѣйствительной государственной жизни легко могутъ не стоять ни въ какой опредѣленной связи съ существомъ государства, какъ оно выражено въ опредѣленіи его понятія и цѣлей. Моль и самъ замѣчаетъ эту особенность своего философскаго права и иногда обращаетъ на нее вниманіе своего читателя. Такъ, указавъ на происхожденіе отъ извѣстныхъ родовъ, какъ на одно изъ наичаще требуемыхъ личныхъ свойствъ главы государства, онъ продолжаетъ: «вовсе нельзя вывести изъ существа государства, что государственною властью должны быть облечены только тѣ лица, которыя принадлежатъ къ одной извѣстной фамиліи» (201). Это вѣрно, но въ этомъ и осужденіе всей методы, высказанное самимъ авторомъ, ибо происхожденіе отъ извѣстныхъ родовъ выставлено имъ какъ одно изъ положеній общаго философскаго права, которое должно заключать въ себѣ только то, что̀ съ логическою необходимостью вытекаетъ изъ существа государства.

Примѣненіе тѣхъ же пріемовъ встрѣчаемъ и при обработкѣ особеннаго философскаго права съ тою уже указанною разницею, что здѣсь и самое понятіе о существѣ разныхъ классовъ государствъ получается путемъ отвлеченія отъ дѣйствительныхъ государствъ. Этимъ путемъ приходитъ Р. Моль къ государствамъ патріархальнымъ, патримоніальнымъ, теократическимъ, классическимъ и такъ далѣе. Система нормъ для каждаго изъ этихъ классовъ получается не путемъ выведенія изъ ихъ понятія (какъ бы слѣдовало), а опять путемъ обобщенія отдѣльныхъ явленій государственной жизни, представляемыхъ этими классами. Въ поясненіе сказаннаго мы приведемъ одинъ, по возможности краткій примѣръ, представляемый первымъ параграфомъ особеннаго философскаго государственнаго права (§ 40). Уяснивъ понятіе патріархальной формы государствен-

наго устройства, Р. Моль не выводитъ изъ этого понятія особенностей устройства патріархальнаго государства, а дѣлаетъ такое замѣчаніе:

„Въ природѣ вещи не лежитъ, однако, чтобы управленіе такимъ государствомъ принадлежало одному физическому лицу, какъ главѣ племени; оно можетъ принадлежать и собранію всѣхъ отцовъ семействъ, или небольшому совѣту старѣйшинъ. Но признаніе единаго главы, съ одной стороны, представляетъ наиболѣе аналогіи съ жизнью семейства, а съ другой, оно наиболѣе соотвѣтствуетъ простотѣ данныхъ отношеній. Также и дальнѣйшій вопросъ о самомъ лицѣ, которому должна принадлежать верховная власть, рѣшается на основаніи соображеній цѣлесообразности. Лицо можетъ опредѣляться или выборами, и при томъ изъ всего племени, или только изъ извѣстныхъ привилегированныхъ родовъ; или права верховной власти могутъ переходить по наслѣдству къ нисходящимъ родоначальника племени. Послѣдній способъ представляется, однако, наиболѣе естественнымъ; къ тому же неудобства, сопряженныя съ выборами главы государства, не могутъ иногда не сказаться даже и въ этомъ первобытномъ состояніи. Весьма соединимо съ существованіемъ главы государства въ формѣ единаго физическаго лица совѣщаніе его, въ извѣстныхъ случаяхъ, съ нѣкоторымъ числомъ старѣйшинъ, или, въ жизненныхъ вопросахъ для всего племени, и съ общимъ ихъ собраніемъ“.

Въ приведенномъ мѣстѣ, которое можетъ служить образцомъ и всего послѣдующаго изложенія, Р. Моль даже и попытки не дѣлаетъ дать читателю систему права, съ логическою необходимостью вытекающую изъ существа извѣстнаго класса государствъ. Онъ старается исчерпать всѣ дѣйствительныя возможности данной формы, въ совершенной полнотѣ перечислить все, что бываетъ, и оцѣниваетъ этотъ матеріялъ скорѣе съ точки зрѣнія политики, чѣмъ права. Вмѣсто того, чтобы вывести всю систему учрежденій изъ существа даннаго

государства, онъ, наоборотъ, дѣлаетъ указанія на то, что то или другое учрежденіе не стоитъ съ этимъ существомъ ни въ какой необходимой связи.

Изъ сказаннаго о пріемахъ обработки какъ общаго, такъ и особеннаго философскаго права, должна сама собой выясниться и слабая сторона этого дѣленія науки философскаго права на общую и особенную часть. Въ основѣ той и другой части лежитъ одинъ общій источникъ, именно, учрежденія дѣйствительныхъ государствъ во всемъ ихъ разнообразіи, отъ которыхъ, путемъ обобщенія, Р. Моль и отвлекаетъ свои положенія. Въ слѣдствіи этого единства источника между обѣими частями нельзя провести никакой опредѣленной границы. Общее философское право, какъ и особенное, вынуждено постоянно ссылаться на особенности устройства разныхъ классовъ государствъ. Въ существѣ Р. Моль даетъ только особенное право; утверждая это, мы указываемъ на самую характеристическую черту всего его ученаго направленія. Р. Моль принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ писателямъ, которые, въ своемъ философскомъ правѣ, не исходятъ отъ одного опредѣленнаго идеала. Задачу философскаго права, по которой, оно должно дать единую систему нормъ идеальнаго государственнаго устройства, онъ считаетъ прямо ложной (стр. 198, примѣчаніе 1). По его мнѣнію философское право должно уяснить не только существо государства вообще, но и во всѣхъ его возможныхъ различіяхъ. Согласно съ этимъ, онъ съ одинаковымъ вниманіемъ изучаетъ всѣ дѣйствительныя формы государственнаго устройства и ни одной изъ нихъ не придаетъ значенія идеала, къ которому должны бы были стремиться всѣ остальныя государства. Но такой взглядъ стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ философской методой, на сторонѣ которой заявляетъ себя Р. Моль. Изъ существа государства вообще, которое можетъ быть только едино, съ логической необходимостью можно вывести только единый и по необходимости всеобщій идеальный

порядокъ вещей. Р. Моль не желаетъ этого, а потому философская метода теряетъ у него то значеніе, которое по существующимъ въ Германіи взглядамъ ей усвоено. Вмѣсто того, чтобы возвести все существующее къ своему единству и вывести изъ этого единаго начала единый порядокъ вещей долженствующій быть, Р. Моль въ философіи права не идетъ далѣе изученія существующаго. Его философія права получаетъ, такимъ образомъ, значеніе знанія вообще. Только съ этой послѣдней точки зрѣнія можно понять особое философское право государствъ патріархальныхъ, патримоніальныхъ, теократическихъ, демократическихъ и такъ далѣе; съ точки же зрѣнія нѣмецкой философіи всѣ эти названія отдѣльныхъ философскихъ наукъ звучатъ весьма странно. Но и нѣмецкій взглядъ не вполнѣ оставленъ Р. Молемъ. Его философія права не просто изучаетъ существующія формы государственнаго устройства, но имѣетъ задачей указать, что въ нихъ есть необходимаго, долженствующаго быть. «Особенное философское право» даетъ идеальную систему нормъ, которая должна служить образцомъ для отдѣльныхъ государствъ подлежащихъ классовъ: они должны обращаться къ ней для исправленія возможныхъ противорѣчій своего положительнаго права, для пополненія его пропусковъ и такъ далѣе (§ 25). Отправляясь отъ фактическихъ государствъ и смѣшивая существующее съ долженствующимъ быть, Р. Моль даетъ читателю не одинъ идеалъ всеобщаго государственнаго устройства, а столько отдѣльныхъ идеаловъ, сколько отдѣльныхъ классовъ государствъ онъ находитъ въ дѣйствительности, и въ томъ числѣ идеалъ деспотіи.—Къ такимъ безвыходнымъ противорѣчіямъ приходитъ Р. Моль, стараясь, съ одной стороны, остаться вѣрнымъ нѣмецкимъ воззрѣніямъ, а съ другой, обойдти тѣ заблужденія, къ которымъ они съ необходимостью приводятъ.

Но непослѣдовательность Р. Моля еще не осуждаетъ его методы самой въ себѣ, и вопросъ о томъ, не возможно ли въ самомъ

дѣлѣ изъ понятія о существѣ государства, добытаго путемъ наблюденія, вывести цѣлую систему нормъ права, остается открытымъ. Такой возможности отрицать нельзя, но осуществленіе ея совершенно безполезно, ибо дедукція въ этомъ случаѣ ничего не можетъ дать кромѣ того, что̀ первоначально, путемъ наведенія, было уже заложено въ понятіе о существѣ.

Блюнчли. Въ заключеніи этого очерка пріемовъ соединенной методы мы остановимся еще только на попыткѣ Блюнчли [1]). Этому писателю хорошо извѣстны недостатки какъ исторической, такъ и философской методы, въ ихъ исключительности. Пріемы той и другой, взятые внѣ связи другъ съ другомъ и доведенные до крайняго своего развитія, онъ характеризуетъ названіемъ «болѣзненныхъ искаженій правильной методы» (I. 24). Правильною же методой онъ считаетъ только соединеніе исторической, которая отправляется отъ доступныхъ наблюденію внѣшнихъ явленій и изъ ихъ разнообразія дѣлаетъ заключенія къ духу, въ нихъ скрытому, съ философской, которая начинаетъ съ созерцанія идеи и изъ ея единства выводитъ логическія слѣдствія (Словарь, сл. Staatswissenschaft, с. 154; Allg. St. I. 28). Высказавшись такимъ прямымъ сторонникомъ соединенной методы, Блюнчли, однако, только вскользь затрогиваетъ методологическіе вопросы и совершенно не разъясняетъ пріемовъ своей собственной. Мы не находимъ у него никакого опредѣленнаго отвѣта на существенный вопросъ о способахъ соединенія такъ далеко расходящихся по своимъ особенностямъ пріемовъ, какъ историческій и философскій. Указавъ на то, что историческая метода «не только собираетъ данный матеріялъ, но и раскрываетъ какъ внутреннюю связь между настоящимъ и прошедшимъ, такъ и ту нравственную идею, которая развивается въ исторіи», а философская «не только абстрактно спекули-

---

[1]) Allgemeines Staatsrecht, два тома, 1857 г., и въ его словарѣ статья: Staatswissenschaft.

руетъ, но и думаетъ конкретно, и именно поэтому соединяетъ идею съ дѣйствительностью», онъ ограничивается замѣчаніемъ, что обѣ методы не враждебны одна другой, а скорѣе пополняютъ и поправляютъ другъ друга (I. 26—28). Такимъ образомъ, Блюнчли прямо допускаетъ, что какъ тотъ, такъ и другой пріемъ не только можетъ дать не полный результатъ, но и ошибочный и, въ слѣдствіе этого, нуждаться въ поправкѣ; но не указываетъ никакой мѣрки, при помощи которой можно было бы, въ случаѣ несходныхъ результатовъ, опредѣлить на сторонѣ какого пріема ошибка, и что слѣдуетъ считать за истину.—Не болѣе вниманія посвящаетъ онъ и вопросу объ исходномъ пунктѣ своей дедукціи. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ объ идеѣ (Словарь, сл. Staatsw, 154), не высказываясь, однако, что̀ должно разумѣть подъ идеей; въ другомъ объ идеѣ и человѣческой душѣ вмѣстѣ (I, 26—27); въ третьемъ—просто о человѣческой природѣ (1, 38), какъ исходномъ пунктѣ философскаго познанія.—Переходя отъ небольшой главы, посвященной изучаемымъ авторомъ спеціально вопросу о методахъ обработки, къ самой обработѣ предметовъ общаго государственнаго права и прежде всего къ главѣ непосредственно относящейся къ разсматриваемому вопросу и озаглавленной «человѣческая идея государства», читатель узнаетъ, что основнымъ типомъ при организаціи государства должно служить «человѣческое тѣло» и при томъ «въ мужской его формѣ». Вотъ рядъ мыслей, при посредствѣ которыхъ Блюнчли приходитъ къ такому неожиданному заключенію.

„Историческая школа выводитъ государство изъ потребностей народа. Философское созерцаніе не можетъ удовольствоваться этимъ. Оно ищетъ болѣе глубокихъ основъ государства, и находитъ въ человѣческой природѣ расположеніе и потребность въ государственной жизни. Уже Аристотель высказалъ плодотворную истину: человѣкъ по природѣ своей существо государственное. Не народныя (національ-

ныя) особенности дѣлаютъ его способнымъ и нуждающимся въ государствѣ, а общая человѣческая природа. Всматрива ясь далѣе въ организацію различныхъ государствъ, мы открываемъ, что существенные органы государства встрѣчаются у очень разлпчныхъ народовъ. Всюду распознается общій, человѣческій характеръ государства, по отношенію къ которому особенныя національныя формы являются только какъ варіаціи на одну общую тему. Само понятіе народа не есть послѣднее, на чемъ можетъ остановиться мысль, оно съ внутреннею необходимостью указываетъ на высшее единство человѣчества, въ понятіи котораго отдѣльнымъ народамъ можетъ принадлежать только роль его членовъ. Какъ могутъ послѣ этого основы государства корениться въ одномъ народѣ безъ всякаго отношенія къ высшему цѣлому, которому народъ подчиненъ? И если человѣчество по истинѣ составляетъ цѣлое, если оно одушевлено общимъ духомъ, какъ можетъ оно не стремиться къ воплощенію своего существа, то есть не стремиться сдѣлаться государствомъ? — Отсюда, государства, обнимающія отдѣльные народы, выражаютъ только относительную истину. Мыслитель не можетъ усмотрѣть въ нихъ осуществленія высшей идеи государства. Въ его глазахъ государство есть человѣческій организмъ, человѣческое лицо. А если государство именно таково, то человѣческій духъ, который въ немъ живетъ, долженъ воплотиться въ формѣ человѣческаго тѣла, ибо тѣло и духъ существуютъ вмѣстѣ и въ своемъ единеніи образуютъ лицо: человѣческій духъ не можетъ жить въ тѣлѣ, не имѣющемъ человѣческой организаціи. Отсюда, государственное тѣло должно быть организовано по образцу человѣческаго (I, 38—39). Такимъ образомъ, высшее, въ настоящее время еще неосуществленное понятіе государства можетъ быть выражено такъ: государство есть организованное человѣчество, но человѣчество въ его мужскомъ образѣ, а не въ женскомъ. Государство есть мужъ. Государство (въ своей организаціи) мужественно, церковь—женственна“ (I, 46).

Таково философское созерцаніе Блюнчли. Согласно съ этимъ созерцаніемъ, въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи, онъ дѣйствительно обращается иногда къ строенію человѣческаго тѣла и, частью въ отношеніи его частей, частью же въ особомъ назначеніи той или другой изъ нихъ, старается найдти объясненіе отдѣльнымъ положеніямъ своего общаго государственнаго права. Такъ, говоря о суверенитетѣ, онъ признаетъ двоякій суверенитетъ: во первыхъ, суверенитетъ цѣлаго государства, какъ народнаго тѣла (Staatssouveränetät), во вторыхъ, суверенитетъ высшаго члена этого тѣла, его главы, т. е. суверенитетъ государя. «Между обоими суверенитетами, продолжаетъ Блюнчли, не можетъ быть никакого противорѣчія. Оба представляютъ единство и полноту власти (?); но само собой разумѣется, что цѣлое, въ которомъ мыслится и голова даже и притомъ высшемъ положеніи, которое принадлежитъ ей въ тѣлѣ, подчиняетъ себѣ голову, отдѣльно взятую. Цѣлый народъ даетъ законъ, но въ границахъ закона съ совершенной свободой вращается голова въ осуществленіи принадлежащей ей высшей власти. Между суверенитетомъ цѣлаго государства и суверенитетомъ государя существуетъ такая же гармонія, какъ между цѣлымъ тѣломъ человѣка и его головой» (II, 8—10). Эту параллель между государствомъ и тѣломъ человѣческимъ, въ одномъ изъ своихъ болѣе раннихъ ученыхъ трудовъ (Psychologische Studien über Staat und Kirche, 1844), Блюнчли проводитъ еще далѣе: министерство иностранныхъ дѣлъ ставитъ онъ въ связь съ органомъ обонянія, уголовное правосудіе съ пупкомъ, фискъ съ нервной системой и т. д. [1]).

Какое же значеніе на ряду съ человѣческимъ тѣломъ, принимаемымъ Блюнчли за первообразъ государственнаго устройства, можетъ принадлежать «идеямъ», о которыхъ онъ упоминаетъ, какъ объ основномъ началѣ своей философской дедукціи? Этотъ

[1]) Mohl, Gesch. und Liter., I, 259—260.

вопросъ остается совершенно неразъясненнымъ ни въ методологической главѣ его государственнаго права, ни въ послѣдующихъ. Помимо нѣкоторыхъ заключеній отъ человѣческаго тѣла къ государству, мы не встрѣчаемся ни съ какими попытками дедуктивнаго рѣшенія вопросовъ государственнаго права. Въ виду этого совершеннаго молчанія о значеніи идей и принадлежащей имъ роли при обработкѣ вопросовъ государственнаго права, намъ остается признать, что самое упоминаніе объ идеяхъ, какъ основаніи дедукціи, является у Блюнчли только какъ необходимая дань господствующему въ Германіи мнѣнію, въ силу котораго общее государственное право признается наукою философскою, а не опытною только. Собственные же философскіе пріемы автора (если только здѣсь можетъ быть рѣчь о чемъ либо философскомъ) ограничиваются выведеніемъ органовъ государственнаго устройства изъ строенія человѣческаго тѣла.

Еслибы все значеніе общаго государственнаго права Блюнчли исчерпывалось этимъ параллелизмомъ государственнаго устройства съ частями человѣческаго тѣла, было бы непонятно, какъ могла книга, построенная на такой философіи, разойтись въ четырехъ изданіяхъ. Но дѣло въ томъ, что трудъ Блюнчли вовсе не можетъ быть характеризованъ, какъ послѣдовательное примѣненіе этого начала. Параллель съ человѣческимъ тѣломъ играетъ у него крайне второстепенную роль, онъ обращается къ ней чрезвычайно рѣдко и скорѣе изъ одного, нѣсколько упрямаго, желанія остаться вѣрнымъ тѣмъ мыслямъ, которыя разъ были высказаны имъ въ его психологическихъ этюдахъ. Задача «Общаго государственнаго права» вовсе не послѣдовательное выведеніе государственнаго устройства изъ строенія человѣческаго тѣла, она заключается въ разъясненіи сознанія о государствѣ современнаго человѣчества цивилизованной Европы. Этой цѣли достигаетъ онъ путемъ ознакомленія своихъ читателей съ основными началами современнаго конституціоннаго устройства западной Европы, которое онъ прямо

и беретъ за выраженіе государственнаго сознанія современнаго человѣчества. Въ этомъ и заключается настоящее значеніе его книги и причина ея успѣха. Ученые пріемы, которыми онъ дѣйствительно пользуется, не выведеніе изъ идеи, а наблюденіе, имѣющее задачей изученіе положительныхъ законодательствъ конституціонныхъ государствъ. При рѣшеніи всѣхъ вопросовъ своего общаго государственнаго права онъ отправляется отъ положительныхъ законодательствъ, въ общихъ чертахъ передаетъ ихъ постановленія и подвергаетъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Его общее, или философское право до того сливается съ положительнымъ, что въ главѣ объ источникахъ государственнаго права мы встрѣчаемся съ совершенно такою же постановкою этого вопроса, какую обыкновенно представляютъ и всѣ учебники любаго положительнаго права [1]).

Исходя изъ понятія конституціонной монархіи, какъ воплощающаго въ себѣ сознаніе современнаго человѣчества о государствѣ, Блюнчли, естественно, разсматриваетъ эту форму государственнаго устройства, какъ долженствующую быть. Въ этомъ смыслѣ и его общее государственное право даетъ идеалъ. Въ такомъ духѣ обработаны у него, напримѣръ, вопросы о суверенитетѣ и законодательствѣ. Не можемъ, однако, не указать на нѣкоторую непослѣдовательность, или правильнѣе неровность обработки разныхъ вопросовъ государственнаго права, встрѣчающуюся у Блюнчли. Задавшись разъясненіемъ современнаго сознанія о государствѣ, и оставаясь, съ своей точки зрѣнія, вѣрнымъ этой задачѣ при рѣшеніи вопросовъ о законодательствѣ, суверенитетѣ и проч., при рѣшеніи нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, онъ слѣдуетъ болѣе широкому плану. Такъ въ вопросѣ о населеніи государства, онъ даетъ историческій очеркъ

[1]) Къ источникамъ своего „общаго права“ Блюнчли относитъ: положительный законъ, международные договоры, обычай и, наконецъ, науку. I, стр. 9–19. Также смотритъ на источники общаго государственнаго права и Held, Grundzüge des Allg. Staatsrechts, 1868, стр. 120 и сл.

кастъ и сословій, начиная съ древнѣйшихъ восточныхъ государствъ; точно также въ книгѣ, посвященной формамъ государственнаго устройства, онъ старается исчерпать всевозможныя фактическія формы въ ихъ историческомъ развитіи.

ЧИСТОЕ НАБЛЮДЕНІЕ.

Мы уже выше имѣли случай замѣтить, что вторая изъ нѣмецкихъ наукъ о государствѣ, именно политика, считается наукой исключительно опытной, это Erfahrungswissenschaft. Къ тому же роду чисто опытныхъ наукъ относятъ нѣкоторые писатели и науку объ обществѣ [1]). Наконецъ, и государство, о которомъ идетъ рѣчь въ философской наукѣ государственнаго права, если не исключительно, то частью, съ точки зрѣнія той же нѣмецкой науки, есть также предметъ наблюденія. И такъ, въ современной нѣмецкой литературѣ наблюденію отведено весьма широкое поле. Что же разумѣется подъ наблюденіемъ, одинаково имѣющимъ мѣсто, какъ въ политикѣ, такъ въ наукѣ объ обществѣ, и, наконецъ, въ наукѣ философскаго государственнаго права, въ чемъ состоятъ его пріемы?

Заслуга распространенія этого новаго направленія въ нѣ-

---

[1]) Любопытны доводы, на основаніи которыхъ Р. Моль „наблюденіе дѣйствительныхъ явленій человѣческой жизни“ считаетъ единственнымъ средствомъ для разъясненія всѣхъ вопросовъ о природѣ общества. „Не можетъ быть никакого сомнѣнія, говоритъ онъ, относительно пути, которому должно слѣдовать, установляя понятіе общества. Здѣсь дѣло идетъ не о выведеніи и построеніи извѣстнаго явленія изъ общихъ разумныхъ основаній; а о разъясненіи явленія дѣйствительной жизни, на которое наука не обратила еще должнаго вниманія и не выяснила во всѣхъ его особенностяхъ. Къ этой цѣли ведетъ только одна дорога, наблюденіе этихъ явленій дѣйствительной человѣческой жизни“ (Gesch. und Liter., I, 88). Но эти же самые доводы въ пользу наблюденія, какъ единственнаго средства науки объ обществѣ, могутъ быть примѣнены и по отношенію къ государству, которое также есть дѣйствительное явленіе человѣческой жизни; Моль, однако, не дѣлаетъ этого.

мецкой наукѣ, благодаря которому изученіе дѣйствительныхъ явленій государственной жизни сдѣлалось насущной потребностью каждой вѣтви государственныхъ наукъ, главнымъ образомъ принадлежитъ великому основателю исторической школы, Фридриху Карлу Савиньи. Высказанный имъ взглядъ на природу права и до сихъ поръ служитъ исходной точкой научныхъ трудовъ по государственному праву въ ихъ опытномъ направленіи; тѣмъ же взглядомъ, съ другой стороны, объясняется и признаваемая всѣми современными философами права невозможность ограничиться однимъ наблюденіемъ. Это неумирающее для современной науки значеніе Савиньи дѣлаетъ необходимымъ остановиться ближе на основныхъ началахъ его взгляда.

Савиньи отправляется отъ той мысли, что право не создается произволомъ законодателя [1]). Оно дается самымъ характеромъ народа, какъ его языкъ и нравы (8). Между правомъ и существомъ народнаго духа есть органическая связь, которая имѣетъ мѣсто не въ одномъ только моментѣ перваго возникновенія права, но и во всемъ дальнѣйшемъ его развитіи. Это дальнѣйшее развитіе совершается подъ вліяніемъ того же самаго закона внутренней необходимости, какъ и первоначальное его появленіе. Настоящимъ сѣдалищемъ права, его постояннымъ источникомъ всегда остается народное сознаніе. Право какъ національное явленіе, рождается и умираетъ вмѣстѣ съ народомъ: утрата народомъ его національныхъ особенностей есть смерть его права (11). Согласно съ этимъ основнымъ взглядомъ, всякое право есть обычное въ томъ смыслѣ, что первоначально оно возникаетъ изъ глубины народнаго сознанія, изъ народныхъ нравовъ и вѣрованій, а позднѣе развивается далѣе изъ тѣхъ же основъ путемъ юриспруденціи. Всякое право возникаетъ, такимъ образомъ, благодаря внутреннимъ, въ тиши дѣйствующимъ народнымъ силамъ, не завися-

[1]) Vom Beruf unserer Zeit fur Gesetzg. und Rechtswissenschaft.

щимъ отъ произвола законодателя (13). Право не есть сознательное дѣло рукъ человѣческихъ.

Таковъ взглядъ Савиньи. Онъ такъ рѣзко расходится съ философскими взглядами на право, что намъ нѣтъ надобности характеризовать эти различія ближе. Савиньи признаетъ только историческое право; рядомъ съ нимъ онъ недопускаетъ никакого естественнаго или идеальнаго, ни въ видѣ цѣлой системы права, ни въ видѣ однихъ только общихъ началъ.

Историческое право, въ его развитіи, Савиньи подчиняетъ «закону внутренней необходимости» и, такимъ образомъ, придаетъ ему признакъ «необходимаго». Для уясненія этого признака считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Историческое право, по мнѣнію Савиньи, необходимо, какъ вытекающее изъ народнаго сознанія, какъ стоящее съ нимъ въ органической связи. Вмѣстѣ съ этимъ, вопросъ о правѣ, какъ необходимомъ, сводится къ вопросу о томъ, что разумѣетъ Савиньи подъ народнымъ сознаніемъ? Подъ народнымъ сознаніемъ можно разумѣть, во первыхъ, готовый фондъ правовыхъ идей, изначала заложенныхъ въ сознаніе народа. Право, вытекающее изъ такъ понимаемаго сознанія, является какъ необходимое само въ себѣ; всякое заимствованіе чуждыхъ основъ права разсматривается, съ этой точки зрѣнія, какъ явленіе не нормальное и прямо враждебное началу національнаго развитія народа.—Во вторыхъ, исходя изъ того, что народное сознаніе есть только сумма согласныхъ сознаній отдѣльныхъ лицъ, а сознаніе отдѣльныхъ лицъ какъ о правѣ, такъ и о всемъ другомъ, условливается тѣми разнообразными бытовыми и историческими вліяніями, подъ дѣйствіемъ которыхъ стоятъ эти лица; исходя изъ такого взгляда, подъ сознаніемъ разумѣютъ исторически образовавшееся сознаніе, сознаніе, сложившееся въ силу всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ развивалась жизнь народа. При такомъ взглядѣ, народное сознаніе не будетъ послѣднимъ основаніемъ права;

право явится только какъ плодъ совокупности весьма разнообразныхъ причинъ и если можетъ быть разсматриваемо какъ необходимое, то только какъ необходимое слѣдствіе данныхъ причинъ, а не какъ необходимое само въ себѣ, ибо другія причины привели бы и къ другому праву. Въ какомъ же изъ этихъ двухъ возможныхъ смысловъ понимаетъ Савиньи сознаніе народа, а слѣдовательно, и необходимость своего права? Къ сожалѣнію онъ нигдѣ не высказывается прямо и съ желательной ясностью по этому существенному вопросу. Мы встрѣчаемся у него, однако, съ такими взглядами, которые даютъ основаніе допустить, что подъ необходимымъ правомъ онъ понимаетъ въ концѣ концовъ, по крайней мѣрѣ, только исторически необходимое. Допущеніе же перваго изъ приведенныхъ пониманій стоитъ въ неразрѣшимомъ противорѣчіи съ тѣми его мыслями, которыя высказаны имъ по поводу рецепціи римскаго права Нѣмцами. Принятіе Нѣмцами римскаго права съ точки зрѣнія сторонниковъ права, развивающагося исключительно изъ духа народнаго, должно быть разсматриваемо какъ явленіе не нормальное и въ высшей степени печальное, ибо оно положило конецъ самостоятельному развитію чисто нѣмецкаго права. Не такъ, однако, смотритъ на рецепцію Савиньи. Жалобы на принятіе римскаго права онъ называетъ пустыми и неосновательными потому, что они отправляются отъ предположенія случайности и произвола въ томъ, что не могло совершиться безъ внутренней необходимости. Признаки этой «внутренней необходимости» принятія чужаго права онъ видитъ, во первыхъ, въ томъ, что весь ходъ развитія новыхъ народовъ, въ противоположность развитію народовъ древнихъ, не отличается характеромъ исключительно національнымъ. Новые народы заимствовали не одно право у древнихъ, но и свою образованность и даже религію. Во вторыхъ, еслибы даже римское право и не было принято, и въ такомъ случаѣ самостоятельное развитіе нѣмецкаго не могло бы имѣть мѣста,

потому что отсутствовали всѣ тѣ условія, которыя такъ благопріятствовали развитію гражданскаго права въ Римѣ (37). Приведенное мѣсто въ высшей степени любопытно въ томъ отношеніи, что бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на то, что̀ должно разумѣть подъ закономъ внутренней необходимости. Внутренне необходимо не только то, что развивается изъ духа народнаго, но и каждый совершившійся историческій фактъ, подъ вліяніемъ какихъ бы условій онъ ни возникъ: всякое положительное право необходимо, ибо оно есть необходимое слѣдствіе своихъ историческихъ причинъ. Такимъ образомъ, Савиньи отправляется собственно не отъ національнаго права, покоящагося въ народномъ сознаніи, какъ изначала заложенная въ него совокупность правовыхъ началъ, а отъ всякаго историческаго права, какъ необходимаго слѣдствія данныхъ историческихъ причинъ, каковы бы они ни были. Что̀ дано исторіей, то хорошо и необходимо. Это данное право и должно быть выяснено въ своихъ источникахъ и развито во всѣхъ своихъ логическихъ слѣдствіяхъ. Далѣе признанія даннаго историческаго права и его разработки историческая школа не идетъ[1]).

[1]) Приходя къ такому заключенію относительно закона „внутренней необходимости“, мы чувствуемъ потребность еще разъ оговориться. У самого Савиньи этотъ вопросъ остается далеко не разъясненнымъ, и подлинныя его слова легко могутъ повести къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ, ибо онъ въ одно и тоже время характеризуетъ положительное право, какъ національное въ томъ смыслѣ, что оно вытекаетъ изъ народнаго сознанія, и находитъ возможнымъ защищать рецепцію римскаго права, которое, конечно, ни въ какомъ случаѣ не вытекло изъ народнаго сознанія Германцевъ. Что нибудь одно: или право заложено въ сознаніе народа, и въ такомъ случаѣ нельзя не оплакивать заимствованій чужаго, или оно развивается подъ вліяніемъ историческихъ причинъ, и въ такомъ случаѣ можетъ быть оправдано и принятіе римскаго. Если эти противорѣчія могутъ быть сколько нибудь примирены, то только предположеніемъ, что у Савиньи народное сознаніе не есть послѣднее основаніе права, что оно само слагается подъ вліяніемъ историческихъ причинъ, что его „сознаніе“ не то же, что „разумъ“ Аренса.

Признавая только данное историческое право, историческая школа не даетъ никакой мѣрки для оцѣнки относительныхъ достоинствъ извѣстнаго права. Въ этомъ отношеніи она такъ послѣдовательна, что даже и потребности не чувствуетъ въ такой мѣркѣ и съ большею довѣрчивостью относится къ развитію права путемъ непроизвольнаго и слѣпаго обычая, чѣмъ къ его измѣненіямъ сознательнымъ актомъ законодательства.

Таковы особенности исторической школы. Несмотря на нѣкоторую неясность относительно своихъ исходныхъ точекъ, она имѣла великое и благотворное вліяніе на состояніе современныхъ научныхъ пріемовъ въ Германіи. Благодаря ей, односторонности философской методы были навсегда оставлены и требованіе изученія права въ данныхъ источникахъ, изученія явленій государственной жизни въ данныхъ условіяхъ обратилось въ плоть и кровь современной науки о государствѣ.

Но между наукой о государствѣ и гражданскимъ положительнымъ правомъ, которое собственно имѣлъ въ виду Савиньи, безконечная разница. При изученіи положительнаго права дѣйствительно можно довольствоваться разработкой даннаго матеріяла. Но философія права и политика имѣютъ не эту цѣль. Они ставятъ вопросъ о долженствующемъ быть. Какъ же воспользоваться въ ихъ цѣляхъ пріемами исторической школы? Какъ перейдти отъ даннаго историческаго права къ идеальному порядку вещей? Поставленный вопросъ сводится къ вопросу о томъ, какъ примѣнили философы права и политики пріемы исторической школы къ задачамъ своей науки?

Что касается методологическихъ отдѣловъ сочиненій, посвященныхъ философскому государственному праву, то при обыкновенной бѣдности содержанія такихъ отдѣловъ они отличаются еще особой, совершенно исключительной бѣдностью по всѣмъ вопросамъ, касающимся пріемовъ наблюденія. Если сторонники соединенной методы высказываютъ какія либо мнѣнія о пріемахъ изслѣдованія, то, главнымъ образомъ, о философскихъ

пріемахъ; относительно же наблюденія они ограничиваются почти однимъ признаніемъ необходимости его въ принципѣ, не входя въ разработку самыхъ пріемовъ. И это не смотря на то, что въ дѣйствительности опыты философскаго государственнаго права ничего не даютъ, кромѣ плодовъ наблюденія. Такое отношеніе къ наблюденію необходимо должно привести къ мысли, что настоящее значеніе его и способы еще далеко не пришли къ сознанію въ нѣмецкой литературѣ. Пріемы наблюденія допускаются, но дѣйствительная роль ихъ вовсе не выяснена. Можно безъ преувеличенія сказать, что сторонники соединенной методы нисколько не подвинули вопроса о пріемахъ изученія явленій дѣйствительной государственной жизни далѣе того, какъ онъ уже былъ разработанъ историческою школой. Они только усмотрѣли недостаточность этихъ пріемовъ для ихъ собственныхъ цѣлей, заключающуюся въ томъ, что изученіе положительнаго права въ его источникахъ еще не даетъ никакихъ положеній для опредѣленія порядка долженствующаго быть, и, чтобы восполнить этотъ недостатокъ, пришли къ необходимости присоединить къ пріемамъ наблюденія пріемы философской дедукціи. Этимъ признаніемъ необходимости методы соединенной и ограничивается то, что можно назвать примѣненіемъ наблюденія къ задачамъ философскаго права.—Но самая мысль соединенной методы заключаетъ въ себѣ противорѣчіе: философская дедукція имѣетъ придти къ долженствующему быть, наблюденіе же можетъ привести только къ знанію существующаго, которое не всегда совпадаетъ съ долженствующимъ быть. Невозможность примирить результаты этихъ двухъ совершенно различныхъ и несоизмѣримыхъ между собой пріемовъ разбиваетъ всѣ попытки соединенной методы. По самому характеру соединенной методы, наблюденіе должно находится въ подчиненіи философской системѣ. Съ такимъ второстепеннымъ значеніемъ наблюденія встрѣчаемся у всѣхъ писателей, которые предлагаютъ въ своемъ государственномъ правѣ одинъ опредѣленный идеалъ госу-

дарственнаго устройства, который долженъ мало по малу вездѣ осуществляться. Ихъ наблюденія имѣютъ дѣло только съ такими явленіями, которыя соотвѣтсвуютъ принятому ими идеальному порядку вещей; все же остальное или совершенно игнорируется, или просто осуждается, какъ несоотвѣтствующее идеалу. Къ разряду такихъ писателей надо отнести не только Аренса, Шталя, Шмиттеннера, но и Штейна, который наукѣ въ собственномъ смыслѣ противополагаетъ наблюденіе и, такимъ образомъ, какъ бы отрицаетъ чисто научное его значеніе (System. II, 20). Сюда же надо причислить и Блюнчли, писателя наименѣе наклоннаго къ философскому мышленію, но также предлагающаго идеалъ и съ его точки зрѣнія разсматривающаго современный государственный бытъ народовъ западной Европы. У этихъ писателей наблюденіе имѣетъ ограниченную и впередъ обозначенную свойствами идеала сферу дѣятельности; они обращаются къ нему только для оправданія своихъ идеальныхъ воззрѣній. Но такое подчиненіе наблюденія философскому мышленію существуетъ только въ задачѣ соединенной методы. Въ дѣйствительности же между двумя пріемами совершенно обратное отношеніе Порядокъ вещей, выдаваемый за долженствующій быть, есть не болѣе какъ идеализація одного изъ явленій исторической жизни народовъ. Въ основаніи философскаго мышленія лежитъ, такимъ образомъ, простое наблюденіе, но только замаскированное, такъ какъ всѣ писатели этого рода стараются, хотя и совершенно безуспѣшно, получить свои идеальныя формы путемъ дедукціи изъ высшаго начала ихъ философской системы.—Не къ лучшимъ результатамъ относительно методы приходятъ и тѣ писатели, которые не отправляются отъ одного идеальнаго порядка вещей, какъ напримѣръ Шиллингъ и Р. Моль. Первый, принимая природу вещи за естественное право и отказываясь опредѣлить порядокъ долженствующій быть, измѣняетъ задачѣ своего собственнаго естественнаго права и ничего не даетъ кромѣ обработки явленій историческаго права.

Не далѣе уходитъ и Моль, точками отправленія которому служатъ дѣйствительныя историческія государства во всемъ ихъ разнообразіи. Не смотря на все желаніе отправиться двумя путями, отъ идеи и наблюденія, сторонники соединенной методы идутъ только однимъ путемъ наблюденія, но совершенно неразработаннымъ.—Попытки Аренса и Шмиттенера напередъ установить единство между долженствующимъ быть и сущимъ, которое въ постепенномъ ходѣ историческаго развитія мало по малу все болѣе и болѣе выражаетъ долженствующее быть,—также ничему не помогаютъ, ибо въ концѣ концовъ такія попытки суть ни что иное, какъ подчиненіе долженствующаго быть историческому, идеи факту. Хотя ни одинъ изъ разсмотрѣнныхъ писателей не признается въ этомъ, но, тѣмъ не менѣе, всѣ попытки соединенной методы сводятся къ разнаго рода варіяціямъ на историческое право. Въ результатѣ ихъ получаются одни плоды наблюденія, одни обобщенія дѣйствительныхъ явленій. Но пріемовъ этого наблюденія никто не разработываетъ. Наоборотъ, объ нихъ почти не принято говорить, ихъ отодвигаютъ, какъ орудіе не строго научное, на задній планъ, въ совершенную тѣнь, и все вниманіе посвящается, главнымъ образомъ, философской методѣ, которая ничего не даетъ и не можетъ дать въ настоящемъ случаѣ.

Переходя къ сторонникамъ методы чистаго наблюденія въ области философскаго государственнаго права, мы должны прежде всего замѣтить, что не смотря на всю безплодность философской методы въ примѣненіи къ вопросамъ государственнаго права, признаніе ея необходимости до того въѣлось въ нравы нѣмецкой науки, что число такихъ сторонниковъ крайне не значительно: мы едва можемъ указать двухъ присяжныхъ ученыхъ (а только объ нихъ и идетъ рѣчь въ настоящемъ очеркѣ), которые имѣли мужество заявить себя открытыми приверженцами методы чистаго наблюденія. Это старый Карлъ Саломонъ Захарія и недавно умершій Генрихъ Эшеръ.

Захарія въ своихъ «Сорока книгахъ о государствѣ» представляетъ одну изъ раннихъ попытокъ примѣненія къ наукамъ государственнымъ пріемовъ естественныхъ наукъ [1]). Какъ писатель первой половины текущаго столѣтія, онъ уже былъ свидѣтелемъ тѣхъ громадныхъ успѣховъ, которымъ естествовѣдѣніе было обязано той опытной методѣ, первыя начала которой были разработаны Бекономъ. Легко понятное увлеченіе пріемами опытныхъ наукъ овладѣло воспріимчивою натурою Захаріи и возбудило въ немъ мысль примѣнить эти пріемы къ наукамъ государственнымъ. Но заимствуя опытные пріемы естествовѣдѣнія, Захарія въ самомъ пониманіи задачи наукъ государственныхъ далеко не отказывается отъ распространенныхъ въ Германіи на этотъ предметъ воззрѣній (I, 169 и сл.), а ограничивается присоединеніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ новыхъ, частью своихъ собственныхъ, на которыя онъ былъ наведенъ особенностями своихъ пріемовъ, частью же заимствованныхъ у Ог. Конта, съ курсомъ положительной философіи котораго онъ уже былъ знакомъ (по крайней мѣрѣ съ двумя первыми томами). Благодаря этому, его планъ государственныхъ наукъ, хотя и даетъ нѣсколько свѣтлыхъ мыслей, но совершенно лишенъ цѣльности и представляетъ непримиренное соединеніе очень различныхъ по существу своему воззрѣній на науку. Что же касается его попытки усвоить пріемы опытныхъ наукъ, то по новости и крайней трудности дѣла она оставляетъ желать многаго; въ цѣломъ эта попытка можетъ быть характеризована какъ поверхностное усвоеніе не столько методы, сколько самыхъ результатовъ естествовѣдѣнія.

Мы остановимся сперва на томъ планѣ государственныхъ наукъ, который развитъ въ методологическомъ отдѣлѣ шестой книги. Захарія оставляетъ всякую мысль о выведеніи государства изъ какого либо высшаго философскаго начала. По его

[1]) Vierzig Bücher vom Staate, 1839.

мнѣнію оно есть также произведеніе творческихъ силъ природы, какъ и самый матеріяльный міръ; съ тѣмъ, однако, различіемъ, что по отношенію къ міру матеріяльному творчество природы въ настоящее время ограничивается однимъ поддержаніемъ родовъ и видовъ, не созидая ничего новаго; въ мірѣ же государствъ оно все еще продолжаетъ съ юношескою свѣжестью производить новыя органическія созданія (I, 174, 183, 186). Въ государствѣ, какъ продуктѣ природы, Захарія видитъ органическое существо; оно состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, но соединенныхъ общностью цѣли въ новое живое цѣлое. Этотъ живой, органическій характеръ государства наводитъ Захарію на мысль поставить науки о государствѣ въ одинъ рядъ съ науками медицинскими, имѣющими дѣло съ изученіемъ органическихъ существъ въ ихъ здоровомъ и больномъ состояніи для практическихъ цѣлей лѣченія. Сходство медицинскихъ наукъ съ государственными Захарія усматриваетъ не только въ пріемахъ изслѣдованія, но и въ отдѣльныхъ частяхъ, на которыя должны распадаться и тѣ и другія. Что касается пріемовъ, то науки государственныя должны быть также опытныя, какъ и медицинскія; онѣ должны давать не грезы и плоды поэтическаго воображенія, а результаты наблюденія, которые въ свою очередь могли бы быть примѣнены къ потребностямъ практики. За тѣмъ, какъ искусство лѣченія отправляется отъ представленія нормальнаго состоянія человѣческаго тѣла, къ которому оно и старается приблизиться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ точно и науки государственныя должны исходить отъ нормальнаго состоянія человѣческаго общества, въ которомъ люди пользуются такимъ положеніемъ, которымъ они, согласно съ природой своей, должны бы пользоваться.—Переходя къ вопросу объ отдѣльныхъ частяхъ государственныхъ наукъ, Захарія, руководствуясь тою же аналогіей между человѣческимъ тѣломъ и государствомъ, какъ живыми существами, находитъ необходимымъ прямо заимствовать систему государственныхъ наукъ изъ обла-

сти медицины. Во главѣ этой системы онъ ставитъ физіологію, какъ науку о здоровомъ состояніи государственнаго тѣла. Но государственное тѣло, какъ и человѣческое, не всегда находится въ здоровомъ состояніи. Оно можетъ также страдать какъ мѣстными, такъ и общими болѣзнями, между которыми самое видное мѣсто занимаютъ революціи. Изученіе государства въ болѣзненномъ состояніи дѣлаетъ необходимымъ политическую патологію. За тѣмъ является необходимой политическая терапія, какъ искусство лѣченія государственныхъ болѣзней. Политическая терапія даже въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ совпадаетъ съ медицинской. Такъ, въ примѣненіи къ государству должна быть разработываема и особая ея вѣтвь, семіотика (діагностика), т. е. ученіе о распознаваніи болѣзней. Захарія находитъ даже, что признаки государственныхъ болѣзней имѣютъ, съ точки зрѣнія ихъ распознаваемости, нѣкоторое преимущество предъ признаками болѣзней человѣческаго тѣла, ибо нерѣдко могутъ быть выражены въ точныхъ цифрахъ. Сюда принадлежатъ напримѣръ: возрастаніе или уменьшеніе народонаселенія, состояніе курса государственныхъ бумагъ, увеличеніе или уменьшеніе государственныхъ доходовъ, цифра выселеній въ другія государства и прочее. Наконецъ, въ примѣненіи къ государству имѣетъ мѣсто и діететика (гигіена), т. е. искусство поддерживать и продолжать государственную жизнь, искусство, которымъ въ такой высокой степени обладала католическая церковь (I, 175—179).

Такова система государственныхъ наукъ, какъ она развита въ методологическомъ отдѣлѣ перваго тома. Нельзя не признать, что она задумана оригинально, проведена послѣдовательно и представляетъ много живыхъ и вѣрныхъ мыслей. Едва ли кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что государственная жизнь представляетъ какъ черты здороваго состоянія, такъ и больнаго. Допустивъ же это, будетъ послѣдовательно и согласно съ существомъ дѣла допустить и особыя вѣтви наукъ, изучающихъ го-

сударство съ этихъ двухъ разныхъ сторонъ; а затѣмъ и особыя прикладныя науки, каковы политическая терапія съ семіотикой и гигіэна, имѣющія цѣлью дать государственной жизни желательное направленіе.—Но это только часть общаго плана государственныхъ наукъ. Рядомъ съ изложеннымъ взглядомъ на науку о государствѣ, Захарія высказываетъ и такой, по которому ея задача заключается въ установленіи системы нормъ, опредѣляющихъ государственное устройство. «Наука о государствѣ, говоритъ онъ далѣе въ развитіе этой мысли, есть частью—государственное право, частью государственное искусство, или политика» (I, 169). Такимъ образомъ, Захарія стоитъ здѣсь совершенно на нѣмецкой точкѣ зрѣнія, съ тѣмъ только различіемъ, что считаетъ необходимымъ вопросы права и политики обработывать вмѣстѣ, а не отдѣльно. Эта двойственность плана не могла не отразиться вреднымъ образомъ и на самомъ его исполненіи. Захарія не беретъ на себя труда дать образчикъ разработки государственныхъ наукъ во всѣхъ этихъ развѣтвленіяхъ. Задачей своихъ «Сорока книгъ о государствѣ» онъ ставитъ только физіологію (I, 177) и, какъ введеніе къ ней,—еще особую науку, которую онъ называетъ «естественнымъ ученіемъ о государствѣ» (politische Naturlehre, I, 183). Къ сожалѣнію и въ этомъ ограниченномъ объемѣ исполненіе далеко не соотвѣствуетъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя могла бы возбудить въ читателѣ оригинальная сторона его плана: вмѣсто изслѣдованія о здоровомъ состояніи государственной жизни, читатель встрѣчается съ попытками установленія началъ государственной организаціи для всѣхъ возможныхъ формъ государственнаго устройства на основаніи изученія ихъ особенностей.

Для поясненія нашей мысли, мы остановимся ближе на вопросѣ о томъ, что̀ разумѣетъ Захарія подъ физіологіей въ примѣненіи къ государству? Политическая физіологія должна у него отвѣтить на вопросъ, что такое государство въ здоровомъ состояніи? Подъ здоровымъ же состояніемъ государства

онъ разумѣетъ такое состояніе, которое соотвѣтствуетъ требованіямъ права (I, 175). Что же это за право, которымъ условливается здоровое состояніе государства? Въ этомъ вопросѣ все существо дѣла, а между тѣмъ онъ не разработанъ у Захаріи съ должной полнотой и ясностью. На первый взглядъ можно было бы подумать, что подъ правомъ разумѣется здѣсь то «единое право», которое условливается природой человѣка и, въ свою очередь, опредѣляетъ то нормальное состояніе общества, отъ идеи котораго должны исходить государственныя науки (I, 178—179). Политическая физіологія въ такомъ случаѣ должна была бы дать единый идеалъ нормальнаго государственнаго устройства. Возможность найдти такой единый нормальный порядокъ вещей, къ которому стремится почти вся нѣмецкая философская литература права, Захарія, однако, прямо отрицаетъ (III, 23 и сл.). Подъ здоровымъ состояніемъ онъ разумѣетъ, слѣдовательно, не одинъ какой либо типъ государственной жизни. Этотъ отрицательный результатъ есть все, что можно извлечь изъ методологическихъ отдѣловъ «Сорока книгъ». Для дальнѣйшаго разъясненія этого вопроса необходимо обратиться къ самому содержанію «Сорока книгъ» и посмотрѣть, что дается читателю подъ именемъ физіологіи. Хотя Захарія ни одной части своего труда не обозначаетъ названіемъ «политической физіологіи», тѣмъ не менѣе, согласно съ высказаннымъ имъ взглядомъ на задачу «Сорока книгъ» (I, 177), подъ это названіе необходимо подвести всѣ тѣ книги (начиная съ 15), которыя слѣдуютъ за «естественнымъ ученіемъ о государствѣ», какъ преддверіемъ науки о государствѣ (I, 183). Въ III томѣ, который открывается 15-ой книгой, мы находимъ обработку всѣхъ возможныхъ видовъ государственнаго устройства, начиная съ деспотіи и оканчивая конституціонной монархіей. По отношенію ко всѣмъ этимъ формамъ Захарія старается указать нормальныя ихъ условія, какъ они вытекаютъ изъ самаго понятія данной формы (III, 2 и сл., 92 и сл.). Исход-

ной точкой для опредѣленія здороваго состоянія государствъ служатъ, такимъ образомъ, историческія формы государственнаго устройства, иначе, ихъ положительное право. Захарія исходитъ не отъ одного типа здороваго состоянія государствъ, а отъ столькихъ отдѣльныхъ типовъ, сколько отдѣльныхъ видовъ государствъ представляетъ исторія.—Если еще можно допустить, что есть такія явленія государственной жизни, которыя могутъ быть подведены подъ понятіе здороваго состоянія государства, то никакъ уже нельзя согласиться съ тѣмъ, что всѣ историческіе виды государствъ суть одинаково здоровые, поскольку они соотвѣтствуютъ своему понятію, иначе, поскольку основныя начала ихъ положительнаго права проведены послѣдовательно. Деспотія, напримѣръ, какъ господство насилія (Zwingherrschaft по собственному выраженію Захаріи) никакъ не можетъ быть разсматриваема какъ явленіе здоровое. — Опредѣленіе здороваго состоянія государственной жизни представляетъ совершенно особыя трудности, неизвѣстныя наукамъ, имѣющимъ дѣло съ одними явленіями физическаго міра. Физіологія отправляется отъ одного типа здороваго человѣка, какъ его даетъ дѣйствительность. Въ мірѣ государствъ таже дѣйствительность даетъ одновременно не одинъ, а нѣсколько типовъ государственнаго устройства. Хотя всѣ они и условливаются своими причинами, но никакъ не могутъ быть разсматриваемы въ равной мѣрѣ здоровыми. Есть признаки здороваго состоянія, которые одинаково встрѣчаются въ государствахъ весьма различныхъ по своему устройству, и наоборотъ, есть формы государственнаго устройства, которыя не допускаютъ въ свою организацію ни одного изъ такихъ признаковъ. Въ государственныхъ наукахъ для разрѣшенія вопроса о здоровомъ состояніи не возможно отправиться отъ отдѣльныхъ видовъ государствъ, сколько бы ихъ ни давала дѣйствительность. Вопросъ о здоровомъ состояніи государствъ долженъ быть поставленъ внѣ вопроса о формахъ. Для его рѣше-

нія необходимо отправиться не отъ данныхъ формъ государственнаго устройства, а отъ предварительнаго опредѣленія цѣли человѣческой жизни на землѣ, и съ этой высшей точки зрѣнія изучить всѣ возможныя условія государственной жизни, къ какой бы формѣ государственнаго устройства они ни принадлежали. Только предварительное рѣшеніе вопроса о цѣли человѣческой жизни вообще можетъ дать мѣрку для опредѣленія нормальнаго состоянія государствъ: что̀ цѣли соотвѣтствуетъ, то будетъ здорово, что̀ съ нею расходится, то въ болѣзненномъ состояніи. Установивъ, такимъ образомъ, общія условія здороваго состоянія государственной жизни въ связи съ цѣлью человѣческой жизни вообще, можно перейдти и къ формамъ государственнаго устройства въ цѣломъ и разобрать ихъ съ точки зрѣнія уже установленнаго понятія о здоровомъ состояніи. Тогда оказалось бы, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ, деспотія, суть болѣзненныя или уродливыя явленія въ цѣлой своей системѣ; а другія — содержатъ въ себѣ большую или меньшую сумму признаковъ здороваго состоянія вообще. Въ этой необходимости отправиться отъ напередъ установленной цѣли и заключается существенное различіе пріемовъ «политической физіологіи» отъ пріемовъ физіологіи человѣческаго тѣла, весьма осложняющее изученіе первой. — Захарія не слѣдуетъ этому пути, а прямо принимаетъ каждый отдѣльный классъ государствъ, представляемый дѣйствительностью, за особый типъ здороваго состоянія и ограничивается, по примѣру многихъ философовъ права, изученіемъ этихъ классовъ съ точки зрѣнія политики и права. Въ существѣ его физіологія ни чѣмъ не отличается отъ «особеннаго философскаго права» Р. Моля, который даетъ почти столько же (если еще не больше) отдѣльныхъ идеаловъ государственнаго устройства, сколько Захарія отдѣльныхъ типовъ здороваго состоянія государствъ, хотя, конечно, роль заимствователя принадлежитъ здѣсь не Захаріи, а Молю.

Такъ далеко уклонилась «политическая физіологія» Захаріи отъ своей настоящей задачи, не говоря уже о томъ, что на страницахъ физіологіи онъ одинаково останавливается и на вопросахъ политической патологіи и гигіены (точка зрѣнія политики).

Но планъ государственныхъ наукъ Захаріи еще не исчерпанъ. Выше мы уже указали на то, что роль введенія въ физіологію принадлежитъ у него особому «естественному ученію о государствѣ», которое, однако, вовсе не нашло себѣ мѣста ни въ системѣ нѣмецкихъ наукъ (I, 169 и сл.), ни въ той, которая составлена самимъ Захаріею по образцу наукъ медицинскихъ (I, 174 и сл.). Задача этой новой науки—не въ опредѣленіи того, чѣмъ должны быть государства; наоборотъ, она разсматриваетъ ихъ только какъ явленія дѣйствительной жизни, и отвѣчаетъ на вопросъ: какими причинами объясняется бытіе дѣйствительныхъ государствъ, ихъ особенности и различія. Естественное ученіе, такимъ образомъ, призвано раскрыть законы, по которымъ государства существуютъ въ дѣйствительности (I, 183). Упирая въ этомъ опредѣленіи съ особой силой на государство, какъ данное явленіе жизни, Захарія желаетъ этимъ оттѣнить разницу между физіологіей и введеніемъ къ ней. Дѣло физіологіи отвѣтить на вопросъ, чѣмъ должны быть государства, и такова она у него въ дѣйствительности. Естественное же ученіе, не касаясь вопроса о долженствующемъ быть, изучаетъ государства только какъ фактическія состоянія, имѣя задачей раскрыть причинную связь явленій государственной жизни. Захарія сознаетъ, что естественное ученіе о государствѣ въ томъ видѣ, какъ онъ его понимаетъ, есть наука новая. Это совершенно вѣрно. Естественное ученіе есть наука новая не только для времени Захаріи, но и для настоящаго. То, что онъ обозначаетъ этимъ именемъ, есть ни что иное, какъ та чистая наука о государствѣ, задачу которой впервые развилъ О. Контъ, на котораго и ссылается въ этомъ мѣстѣ

Захарію. Такимъ образомъ, въ своемъ широкомъ планѣ государственныхъ наукъ Захарія старается совмѣстить всевозможные взгляды на задачу науки, не приводя ихъ, однако, ни къ какому единству. Естественное ученіе, правильно понятое, должно бы служить не преддверіемъ только къ государственнымъ наукамъ (Vorschule der Staatswissenschaft), а ихъ краеугольнымъ камнемъ. У Захаріи же оно не выходитъ за предѣлы предварительныхъ свѣдѣній о возможномъ вліяніи физической природы на человѣка и государство, объ общихъ свойствахъ человѣческой природы какъ физической, такъ и духовной и тому подобное (II т.).

Что касается пріемовъ изслѣдованія, то и здѣсь особенность взгляда Захаріи состоитъ въ соединеніи вѣрнаго съ невѣрнымъ. Рядомъ съ мыслями вполнѣ здравыми и могущими повести къ благотворнымъ результатамъ при обработкѣ государственныхъ наукъ, мы встрѣчаемъ и такія, которыя взяты совершенно неправильно и стоятъ въ противорѣчіи со многими изъ собственныхъ воззрѣній Захаріи.

Захарія считаетъ науки государственныя исключительно опытными (I, 169, 178). Но онъ не обманываетъ себя относительно предѣловъ, въ которыхъ возможно перенесеніе пріемовъ естествовѣдѣнія въ область изученія политическихъ фактовъ. Онъ прямо заявляетъ, что произвольный опытъ вовсе не можетъ имѣть мѣста въ изслѣдованіи причинной связи соціальныхъ явленій. Эта невозможность произвольныхъ опытовъ, по его мнѣнію, можетъ быть, однако, въ нѣкоторой степени восполнена наблюденіемъ за дѣйствіемъ новыхъ законовъ и правительственныхъ распоряженій, которые представляютъ какъ бы рядъ непроизвольныхъ опытовъ. Но Захарія видитъ, что и эта замѣна не можетъ повести къ точному установленію законовъ, управляющихъ явленіями государственной жизни, по невозможности выдѣлить, при наблюденіи за дѣйствіемъ новыхъ законовъ, всѣ стороннія обстоятельства, которыя могли

имѣть вліяніе на ихъ успѣхъ или неуспѣхъ. Въ заключеніи онъ приходитъ къ мысли, что сличеніемъ результатовъ возможно большаго числа такихъ наблюденій возможно, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ истинѣ, возможно получить положенія, если не абсолютно, то приблизительно вѣрныя (I, 185).

Но этой осторожной попыткой примѣнить пріемы опытныхъ наукъ къ рѣшенію вопросовъ государственной жизни Захарія не ограничивается. Онъ идетъ далѣе и, разсматривая государство какъ физическое тѣло, приходитъ къ мысли, что оно, между прочимъ, существуетъ въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, которые господствуютъ въ области физическихъ тѣлъ матеріяльнаго міра (I, 182—183). Первая книга его естественнаго ученія о государствѣ представляетъ именно такую попытку примѣнить къ разрѣшенію вопросовъ государственнаго устройства законы механики, химіи и физіологіи. Въ отдѣлѣ, посвященномъ политической механикѣ, онъ проводитъ мысль о возможности объясненія разнаго рода соціальныхъ феноменовъ законами тяжести. «Отдѣльные подданные, говоритъ онъ, имѣютъ тяготѣніе къ центру тяжести государства, то есть, они вынуждены слѣдовать тому направленію, которое даетъ государственная власть. Но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый подданный, благодаря присущей ему центробѣжной силѣ, то есть любви къ свободѣ, стремится сдѣлаться независимымъ отъ государственной власти. Такимъ образомъ, въ государствѣ возникаетъ борьба между силами центростремительной и центробѣжной, борьба, которою главнымъ образомъ должны быть объясняемы явленія государственной жизни. Можетъ, напримѣръ, возникнуть такое государственное устройство, въ которомъ монарху будетъ принадлежать роль солнца, а разнымъ сословіямъ, вращающимся въ различныхъ отъ него разстояніяхъ, смотря по степени принадлежащей имъ власти, роль планетъ» (II, 2). И далѣе: «господство законовъ механики простирается также и на международныя отношенія» (II, 6).

Подобно законамъ механики къ государству примѣняются и законы химіи. Соединеніе людей въ государства должно происходить на основаніи законовъ тожественныхъ съ законами химическаго сродства. «Этому примѣненію химіи, говоритъ Захарія, къ устройству человѣческихъ обществъ повидимому противорѣчитъ то, что сродство, о которомъ идетъ рѣчь въ политической химіи, не матеріяльно, а духовно. Но хотя свойства сродства и иныя, тѣмъ не менѣе, дѣйствіе его, какъ окажется изъ послѣдующаго, несомнѣнно совпадаетъ съ дѣйствіемъ химическаго сродства» (II, 7—8).

Эту мысль о примѣнимости законовъ химіи къ явленіямъ государственной жизни, Захарія доказываетъ слѣдующими сближеніями явленій міра матеріяльнаго и духовнаго. Въ химіи, чтобы выдѣлить одно изъ другаго два тѣла, химически соединенныя, приводятъ ихъ въ соприкосновеніе съ такимъ третьимъ, которое находится съ однимъ изъ соединенныхъ въ большей степени сродства, чѣмъ съ другимъ. Законъ, лежащій въ основаніи этого пріема, имѣетъ мѣсто и въ политикѣ. Если желаютъ уничтожить союзъ, соединяющій извѣстную совокупность людей въ одно цѣлое, то стараются возбудить между ними такой вопросъ, который не въ одинаковой степени совпадалъ бы съ выгодами отдѣльныхъ членовъ союза и, вслѣдствіи этого, повелъ бы къ враждѣ между ними и распаденію союза. И далѣе: «въ химіи, чтобы соединить два тѣла, которыя не стоятъ между собой въ непосредственномъ сродствѣ, обращаются къ посредству третьяго, сроднаго обоимъ. Поэтому-то въ монархіяхъ съ народнымъ представительствомъ между государемъ и представителями народа ставятъ палату господъ, которая, какъ одинаково родственная государю и народу, сближаетъ интересы того и другаго» (II, 9).

Наконецъ, по отношенію къ государству имѣютъ силу и законы, управляющіе тѣлами органическими и составляющіе предметъ физіологіи. По мнѣнію Захаріи, государства суть сами

существа органическія. Но разница между государствами и настоящими органическими тѣлами въ томъ, что послѣднія вышли изъ рукъ мастера, а первыя суть произведенія ученика. Отсюда, органическія тѣла, какъ совершеннѣйшія созданія, составляютъ тотъ образецъ, къ которому должны стремиться государства. Но эту параллель между государствомъ и органическимъ тѣломъ Захарія понимаетъ иначе, чѣмъ Блюнчли свою параллель между государствомъ и человѣческимъ тѣломъ. Она должна выражаться у него не въ сходствѣ внѣшняго вида (возвышенное положеніе головы и прочее), а въ единствѣ внутренняго строенія. Какъ живыя органическія тѣла, въ свою очередь, состоятъ изъ органическихъ же частей (клѣточки), такъ точно и государства, подражая законамъ органическаго міра, должны состоять изъ органическихъ же соединеній, обществъ; какъ органическія тѣла составляютъ стройное цѣлое, въ которомъ отдѣльныя части находятся въ извѣстной гармоніи, такъ точно должны быть устроены и государства: одна идея должна проникать цѣлое, однѣ и тѣже формы должны повторяться въ разныхъ частяхъ устройства и проч. (II, 11—15).

Таковы методологическіе пріемы Захаріи. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что отъ примѣненія пріемовъ естествовѣдѣнія политическія науки могутъ ожидать существенной пользы, но простой переносъ законовъ механики, химіи и физіологіи въ область государственныхъ наукъ рѣшительно ни къ чему не ведетъ. Сближеніе стремленія къ свободѣ съ центробѣжной силой, сословной монархіи съ солнечной системой, палаты господъ съ третьимъ посредствующимъ химическое соединеніе тѣломъ, наконецъ, всего государства въ цѣломъ съ тѣломъ органическимъ нисколько не подвигаетъ читателя въ пониманіи тѣхъ законовъ, которыми управляются человѣческія общества. Вся сила такихъ сближеній держится единственно на подмѣтѣ случайныхъ и чисто внѣшнихъ сходствъ, нисколько не характеризующихъ настоящей природы соціальныхъ феноменовъ. Государство есть

явленіе совершенно особаго рода, его понятіе не исчерпывается понятіемъ физическаго тѣла органической или неорганической природы. Явленія государственной жизни гораздо болѣе сложны, чѣмъ явленія природы неорганической и даже органической. Они подчиняются своимъ особымъ законамъ, которые и должны быть раскрыты. Захарія, перенося въ область государственныхъ явленій уже извѣстные законы физическаго міра, беретъ сравнительно легкую, но неведущую ни къ какой цѣли задачу: подмѣчать поверхностныя сходства между явленіями міра политическаго и физическаго.

Кромѣ того, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Его понятія о природѣ человѣка далеко не установились. Въ одномъ мѣстѣ Захарія высказываетъ убѣжденіе, что воля человѣка окована желѣзнымъ игомъ естественной необходимости, что его судьбы могутъ быть, если не исключительно, то въ большинствѣ случаевъ, объяснены чисто физическими причинами. Только съ постепенными успѣхами цивилизаціи человѣкъ освобождается, и то отчасти, отъ ига матеріяльной природы. (I, 186). Но въ другихъ мѣстахъ своихъ «Сорока книгъ» Захарія высказывается о разумѣ и свободѣ воли человѣка весьма близко къ Канту (I. 4 и сл., 7, II. 186, 215, сл.). Задача примиренія законовъ физической природы, проявленіе которыхъ не зависитъ отъ воли человѣка, съ тою свободою воли и съ тѣмъ значеніемъ разума, которыя здѣсь допускаются, совершенно неосуществима.

И такъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться одними пріемами естественныхъ наукъ и примѣнить ихъ къ раскрытію особенныхъ условій государственной жизни, Захарія беретъ самые законы физическаго міра и пытается объяснить ими явленія государства. Весь вопросъ такимъ образомъ, поставленъ неправильно. Нельзя поэтому удивляться, что новое направленіе, такъ смутно и невѣрно намѣченное, не нашло подражателей. Имя Захаріи стоитъ весьма высоко въ исторіи нѣмецкой науки,

но не по причинѣ оригинальныхъ сторонъ его труда. Все, что въ немъ есть новаго и оригинальнаго, прошло незамѣченнымъ, онъ ни въ комъ не возбудилъ желанія идти новою дорогой.

Эшеръ. Эшеръ не написалъ философіи государственнаго права, а только практическую политику, въ которой онъ предлагаетъ и общее ученіе о государствѣ [1]). По отношенію къ этимъ обѣимъ вѣтвямъ науки о государствѣ онъ слѣдуетъ одному и тому же пріему. Онъ отправляется отъ наблюденія явленій дѣйствительной государственной жизни, разсматриваетъ ихъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности и такимъ образомъ выводитъ свои заключенія о значеніи того или другаго учрежденія. Что касается собственно политики, то въ этомъ отношеніи онъ нисколько не отличается отъ всѣхъ другихъ политиковъ, Вайца, Дальманна, Гольцендорфа и даже Моля [2]). Какъ уже выше было замѣчено, политика считается въ нѣмецкой литературѣ наукой чисто опытной. Особенность Эшера составляетъ только то, что и «общее ученіе о государствѣ», вопросы котораго ставятъ, обыкновенно, въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ философскимъ государственнымъ правомъ, онъ тоже считаетъ наукой опытной.

Переходя къ самымъ пріемамъ наблюденія, необходимо замѣтить, что Эшеръ на ихъ обработкѣ останавливается также мало, какъ и всѣ другіе нѣмецкіе политики. Вайцъ, Дальманнъ, Гольцендорфъ и Моль, считая политику наукой не философской, а опытной, не посвящаютъ ни одной строки разъясненію пріемовъ наблюденія. Эшеръ отъ этихъ молчаливыхъ сторонниковъ наблюденія отличается только тѣмъ, что прямо заявляетъ себя противникомъ философской методы, къ приверженцамъ которой онъ относится даже съ порицаніемъ, называя ихъ

[1]) Handbuch der praktischen Politik, 1863, два тома.

[2]) Waitz, Grundzüge der Politik, 1862; Dahlmann, Die Politik, 1847; Holtzendorf, Die Principien der Politik, 1869; Mohl, Encyclopaedie.

идеологами. Что же касается положительной стороны его взгляда на методу, то она менѣе ясна. Наука, по его мнѣнію, должна имѣть постоянно въ виду дѣйствительнаго, а не абстрактнаго человѣка, и также формы устройства не абстрактныхъ, а дѣйствительныхъ государствъ, въ ихъ особенныхъ историческихъ условіяхъ. Она не должна выдавать субъективныя политическія ученія за абсолютную истину. Проповѣдь любимыхъ вѣрованій не есть дѣло науки; наоборотъ, она должна путемъ индукціи выводить свои положенія изъ наблюденія явленій дѣйствительной жизни.—Высказываясь, такимъ образомъ, въ пользу индукціи, Эшеръ, однако, не объясняетъ, какіе индуктивные пріемы могутъ имѣть мѣсто при рѣшеніи вопросовъ государственной жизни, и какіе нѣтъ. Что касается дедукціи, онъ не указываетъ на нее опредѣленнымъ образомъ, какъ на одно изъ средствъ для разъясненія природы соціальныхъ феноменовъ, ограничиваясь замѣчаніемъ, что практическая политика должна опираться на законы этики (I, Einleitung).

ПРИЛОЖЕНІЕ. ОТЗЫВЫ НѢМЕЦКИХЪ УЧЕНЫХЪ О СОСТОЯНІИ НѢМЕЦКОЙ НАУКИ.

Если дѣйствительно такъ неудовлетворительно рѣшается нѣмецкой наукой одинъ изъ основныхъ вопросовъ, именно вопросъ о методѣ, то, могутъ спросить, могло ли такое рѣшеніе не отразиться болѣе или менѣе печально на самомъ состояніи науки, а разъ отразившись, могли ли эти печальныя послѣдствія укрыться отъ вниманія нѣмецкихъ ученыхъ? Они и не укрылись. Мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что чрезъ всю нѣмецкую литературу проходитъ сознаніе неудовлетворительнаго состоянія нѣмецкой науки. Благодаря отсутствію одной общей методы, всѣми признаваемой, почти каждый изъ новыхъ дѣятелей, вступающій въ область политическихъ изслѣдованій, заявляетъ о тщетѣ усилій своихъ предшественниковъ, начинаетъ работу съизъ-

нова и воздвигаетъ свое собственное зданіе, къ которому его преемники относятся ровно съ тѣмъ же недовѣріемъ, съ какимъ и онъ отнесся къ трудамъ своихъ предшественниковъ. Подтвержденіе этому можно найдти въ любой исторіи политическихъ ученій. Наше приложеніе приняло бы размѣры цѣлой книги, еслибы мы захотѣли представить хоть краткій обзоръ тѣхъ приговоровъ, которые можно извлечь изъ сочиненій подобнаго рода. Единственно для примѣра мы позволимъ себѣ привести три-четыре мнѣнія, высказанныя наиболѣе крупными авторитетами нѣмецкой науки.

Гегель въ своей статьѣ „объ ученой обработкѣ естественнаго права“ произноситъ такой приговоръ своимъ предшественникамъ: „прежнія обработки естественнаго права и то, что выдавалось за его принципъ, не имѣютъ никакого значенія для науки.... На нихъ можно остановиться только изъ интереса къ исторіи науки...“. (Werke, I, 326). Это безпощадное осужденіе всей предшествовавшей ему литературы появилось въ печати четыре года спустя послѣ выхода въ свѣтъ „метафизическихъ основъ права“ Канта и, такимъ образомъ, въ одинаковой мѣрѣ поражаетъ и этотъ трудъ, имѣвшій такое капитальное вліяніе на всю послѣдующую литературу.

Не менѣе сурово отнеслось потомство и къ собственнымъ трудамъ Гегеля. Намъ нѣтъ надобности приводить здѣсь мѣста изъ критической оцѣнки его философской ситемы въ цѣломъ, которая въ послѣднее время сдѣлалась доступна и русской публикѣ въ переводѣ „Логическихъ изслѣдованій“ Тренделенбурга. Мы ограничимся только ссылкой на мнѣніе Аренса: „Гегель, говоритъ онъ, несмотря на притязаніе построить міръ дѣйствительнаго бытія при посредствѣ діалектическаго процесса, только вырываетъ изъ богатой области опыта совершенно произвольно, субъективно и не научно отдѣльные факты и втискиваетъ ихъ въ какое либо понятіе, чтобы выдать потомъ за апріорно добытую мудрость; его ученіе было совершенно безсильно положить

начало болѣе высокому развитію науки...". (Org. Staatsl., 4). Желающіе ознакомиться съ подробною оцѣнкой Гегеля въ томъ же духѣ осужденія могутъ обратиться къ превосходной исторіи философскихъ ученій о правѣ Шталя и къ исторіи общаго государственнаго права и политики Блюнчли.

Несмотря на все значеніе Канта въ исторіи нѣмецкой философіи, Блюнчли оканчиваетъ свой разборъ его политическаго ученія такимъ общимъ выводомъ: „чтобы заключить изложеніе совершенно формальнаго и исполненнаго противорѣчій кантовскаго ученія о государствѣ, нужно" и т. д. (Gesch. des allg. Staatsr). Слабыя стороны Канта еще прежде были указаны съ особой силой и ясностью Шталемъ, въ только что названномъ сочиненіи.

Насколько каждый нѣмецкій ученый сознаетъ отсутствіе однихъ общихъ основаній, всѣми признанныхъ, на которыхъ могло бы утвердиться прочнымъ образомъ зданіе политическихъ наукъ, и, вслѣдствіи этого, уединенность своего положенія несмотря на все видимое богатство нѣмецкой литературы и множество работниковъ, можно видѣть почти изъ каждой вновь выходящей книги.

Въ предисловіи Аренса къ его органическому ученію о государствѣ находимъ такое мѣсто: „Органическое ученіе о государствѣ, которое я предлагаю въ настоящемъ сочиненіи, должно удовлетворить потребности, чувствуемой многими, но до сихъ поръ еще не получившей удовлетворительнаго научнаго рѣшенія. Кто знакомъ съ современнымъ состояніемъ государственныхъ наукъ, легко увидитъ, насколько развиваемое мною ученіе отличается отъ всѣхъ подобныхъ теорій, которыя, при похвальномъ желаніи противодѣйствовать разъѣдающимъ ученіямъ формальнаго либерализма и радикализма, — ничего не даютъ, однако, въ своихъ органическихъ созерцаніяхъ политической жизни, кромѣ невыясненныхъ и не приведенныхъ ни къ какому единству состояній общественной жизни...." (Org. Staatsl., XIV).

Еще болѣе грустное сознаніе встрѣчаемъ въ небольшой

статьѣ Фолльграффа подъ заманчивымъ заглавіемъ: „какъ должно изслѣдовать и потомъ писать?“, которой онъ далъ значеніе введенія къ своему объемистому труду по философіи права. „Знаменитый химикъ Либихъ, говоритъ онъ, своими письмами о химіи впервые доказалъ всей читающей публикѣ, что до начала текущаго столѣтія естественныя науки, главнымъ образомъ химія и физика, были только игрой въ опыты, но что тогда не существовало еще истинной научной теоріи этихъ отраслей вѣдѣнія, ибо вовсе не изслѣдовали причинъ и законовъ отдѣльныхъ явленій, а довольствовались гипотезами и мнѣніями; совершенно въ такомъ положеніи находятся въ настоящую минуту (1855) государственныя науки, они не имѣютъ еще истинной научной теоріи или философіи, настоящія причины и законы реальныхъ явленій общественной жизни еще не открыты, не объяснены и не доказаны, и это именно потому, что выходили и выходятъ изъ ложнаго мнѣнія, будто человѣкъ есть внутренно свободное существо и вслѣдствіи этого все, что относится къ культурѣ и цивилизаціи, праву и государству,—есть произвольное созданіе его рукъ“.

Этотъ рядъ сѣтованій мы заключимъ ссылкой на послѣднее изданіе (1869) послѣдняго сочиненія профессора Штейна. Изложивъ начала своей собственной системы государственныхъ наукъ, основанной на извѣстной уже намъ параллели органовъ государственнаго устройства и управленія со свойствами человѣческой личности, Штейнъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Мы хорошо знаемъ, говоритъ онъ, что наше изложеніе приводитъ насъ къ требованію, которое высказать мы должны въ интересахъ истиннаго прогресса, хотя и сознаемъ всю трудность и неудобства такого шага. Мы думаемъ, что выше приведенныя категоріи и выше изложенная система—вѣрны. Мы думаемъ, что только тогда подвинется впередъ разработка государственныхъ наукъ, когда для системы ученій о государствѣ будетъ найдено всѣми одинаково признаваемое основаніе. Трудолюбивыя усилія послѣдняго поколѣнія уяснили намъ, что мы именно потому такъ сравнительно мало сдѣлали успѣховъ въ области государственныхъ

наукъ въ теченіи цѣлаго столѣтія — мы должны же сознаться, что наши успѣхи не велики! — что лучшія силы трудящихся постоянно тратились на вопросъ о правильной системѣ, и каждый долженъ былъ начинать сначала. Мы не можемъ понять, какъ могутъ государственныя науки идти въ уровень съ неудержимымъ стремленіемъ нашего времени впередъ, если мы не придемъ къ соглашенію, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ основнымъ элементамъ, какъ это давно сдѣлано въ другихъ областяхъ вѣдѣнія. Мы не въ состояніи понять, какую практическую пользу можетъ принести наука, представители которой никакъ не могутъ согласиться ни относительно основныхъ понятій, ни ихъ системы. Мы не допускаемъ никакого прогресса тамъ, гдѣ каждый идетъ своей собственной дорогой, въ полномъ разобщеніи съ другими. Невозможна ни малѣйшая побѣда надъ необозримымъ матеріяломъ, ждущимъ обработки отъ науки о государствѣ, до тѣхъ поръ, пока не начнутъ стремиться на первый разъ хотя къ установленію единообразнаго пониманія словъ, которыя приходится употреблять ежеминутно, или единообразнаго начала дѣленія той области, которую приходится разработывать. Юриспруденція, естественныя науки, медицина, грамматика, исторія — имѣютъ свои твердыя категоріи; только одна наука о государствѣ лишена ихъ. Здѣсь не установилось ни одно понятіе, ни въ теоріи, ни въ практикѣ....“ (Vollz. Gew. I. 13—14). Суровый приговоръ, и не одному какому либо предшественнику, Канту или Гегелю, Шталю или Аренсу, Молю или Блюнчли, а всей современной наукѣ.

Неудовлетворительное состояніе нѣмецкой науки не составляетъ тайны для нѣмецкихъ ученыхъ. Если что еще не совершенно выяснилось въ этомъ вопросѣ, то не самый фактъ неудовлетворительнаго состоянія, а его причина. Относительно этого послѣдняго пункта — мнѣнія очень расходятся. Аренсъ видитъ причину въ отсутствіи того органическаго взгляда на государство, который онъ проводитъ въ своемъ собственномъ ученіи, Фольграффъ — въ признаніи

внутренней свободы человѣка, Штейнъ думаетъ все поправить своей систематикой государственныхъ наукъ и такъ далѣе. Настоящую причину надо, однако, искать глубже; она лежитъ въ неправильномъ рѣшеніи основнаго вопроса о пріемахъ изслѣдованія. Только установленіе правильнаго и равно всѣми признаннаго способа изслѣдованія соціальныхъ вопросовъ можетъ повести и къ единству выводовъ всякаго рода; но до тѣхъ поръ, пока у каждаго изслѣдователя будутъ свои собственные пріемы изслѣдованія, не можетъ быть и рѣчи о согласіи результатовъ изслѣдованія. — Нѣмецкіе ученые, жалуясь на субъективность выводовъ того или другаго философа, продолжаютъ, однако, въ бо́льшинствѣ случаевъ высказываться въ пользу философскихъ пріемовъ изслѣдованія. Имъ кажется, что этимъ путемъ они восходятъ до познанія вѣчной и объективной истины. На дѣлѣ же они не идутъ далѣе передачи субъективныхъ воззрѣній своего времени. Къ нѣмецкой философіи права можно примѣнить слова, сказанныя Тренделенбургомъ о нѣмецкой философіи вообще: „это только разные способы воззрѣнія людей на совокупность явленій государственной жизни“ (Логическія изслѣдованія, I, 1—2). Каждый философъ выставляетъ свое воззрѣніе на государство, которое наиболѣе согласуется со складомъ его ума, наклонностями, съ его субъективнымъ пониманіемъ потребностей своего времени и задачъ, подлежащихъ его разрѣшенію. У одного все воззрѣніе строится съ точки зрѣнія народнаго суверенитета, у другаго — конституціонной монархіи съ большей, или меньшей примѣсью идей религіозныхъ, нравственныхъ и такъ далѣе, смотря по личному вкусу. Мы здѣсь высказываемъ не наше личное мнѣніе. Таковъ въ сущности взглядъ Роберта Моля. Говоря о современномъ состояніи философскихъ ученій о государствѣ, онъ приходитъ къ такому заключенію: „О законченности ученій, а слѣдовательно и литературы, не возможно еще и думать. Да и вообще можно сомнѣваться, настанетъ ли когда либо этотъ моментъ завершенія въ философіи права, такъ какъ нельзя не допустить, что отъ вре-

мени до времени будутъ возникать новыя фазы развитія человѣчества и новыя пониманія цѣлей жизни, а отсюда возникнутъ и новыя требованія отъ государства, которыя, въ свою очередь, вызовутъ необходимость соотвѣтственнаго ихъ обоснованія, то есть новаго философскаго ученія о государствѣ. Философскія ученія о государствѣ и въ будущемъ будутъ также слѣдовать за развитіемъ человѣчества, какъ они слѣдовали до настоящаго времени" (Gesch. und Liter. der Staatsw., I, 43). Несмотря на это признаніе только относительнаго, второстепеннаго и служебнаго значенія философіи права (она слѣдуетъ за жизнью, жизнь творитъ новое, а она только обосновываетъ это новое, каково бы оно ни было), сдѣланное такимъ авторитетомъ, какъ Р. Моль, нѣмецкая философія продолжаетъ еще считаться матерью всѣхъ наукъ и государственныхъ въ особенности. „Всякое знаніе въ концѣ концовъ получаетъ свое высшее начало и ясность только отъ философіи", говоритъ Штейнъ, (Vollz. G., I, 5). Такъ еще сильны преданія прежняго значенія философіи на нѣмецкой почвѣ. Въ этомъ и заключается причина неудовлетворительнаго состоянія государственныхъ наукъ въ Германіи, къ сознанію котораго начинаютъ приходить въ послѣднее время и сами Нѣмцы. Говоря о томъ важномъ значеніи, которое имѣетъ ученіе объ обществѣ для государственныхъ наукъ, Р. Моль высказывается слѣдующимъ образомъ: „Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ жизнь привела въ движеніе науку. Фактъ различныхъ общественныхъ сочлененій человѣка существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ люди впервые сошлись вмѣстѣ. Для его подмѣты нуженъ былъ только одинъ ясный взглядъ. Но его то и недоставало. Наука оставалась слѣпа, хотя со времени Платона не было недостатка въ намекахъ на существованіе общества. Но эти намеки казались незаслуживающими вниманія серьёзныхъ ученыхъ. Наконецъ, слово „общество" было произнесено. Сперва мечтателями и ихъ учениками...." Gesch. und Liter, I, 70—71. Здѣсь идетъ рѣчь о слѣпотѣ нѣмецкой философской науки,

которая по особенностямъ своей методы не могла подмѣтить общества.

Метода изслѣдованія во французской и англійской наукѣ.

И въ вопросахъ методы соединеннымъ усиліямъ французскихъ и англійскихъ ученыхъ суждено было оставить далеко за собой всѣ попытки нѣмецкихъ мыслителей установить правильные пріемы изслѣдованія въ области политики. Самый вопросъ о методѣ обратилъ здѣсь на себя гораздо большее вниманіе и получилъ болѣе обстоятельную обработку, чѣмъ въ Германіи. Французская и англійская литературы представляютъ три спеціальныхъ и весьма объемистыхъ сочиненія, посвященныхъ разработкѣ пріемовъ научнаго изслѣдованія явленій государственной жизни. Мы разумѣемъ относящіеся сюда труды Ог. Конта, Дж. Ст. Милля и Кор. Льюса.

Безсмертному генію перваго изъ названныхъ писателей принадлежитъ великая заслуга прочнаго установленія правильныхъ основъ научнаго изслѣдованія. Въ его «Курсѣ положительной философіи» [1]) даны уже всѣ тѣ начала правильной методы, которыя позднѣе и въ болѣе систематической формѣ развиты знаменитымъ англійскимъ философомъ, Дж. Ст. Миллемъ. Но Контъ не ограничивается указаніемъ однихъ пріемовъ изслѣдованія; такая задача казалась ему слишкомъ легкой. Онъ хотѣлъ разомъ создать и методу и самую науку, показать путь и пройдти его. Но какъ ни былъ обширенъ и великъ его геній, громадность задачи превзошла всегда ограниченныя средства одного

[1]) Cours de philosophie positive, шесть томовъ, 1830—1842. Къ нашему вопросу имѣютъ отношеніе, главнымъ образомъ, три послѣдніе тома. Это сочиненіе въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ обозначаться первой буквой имени автора, С.

человѣка. Разработка новой и обширной области вѣдѣнія, предметъ и средства изученія которой указаны Контомъ, можетъ быть приведена къ успѣшному завершенію только соединенными усиліями цѣлаго ряда ученыхъ. Это дѣло будущаго. Говоря это, мы не хотимъ сказать, что попытка Конта не представляетъ ничего замѣчательнаго. Его разработка соціальныхъ вопросовъ даетъ не мало совершенно вѣрныхъ наблюденій и выводовъ, которымъ внѣ всякаго сомнѣнія суждено имѣть широкое примѣненіе въ будущемъ движеніи науки; но вмѣстѣ съ тѣмъ читатель встрѣчаетъ и цѣлый рядъ самыхъ прискорбныхъ заблужденій. Эти заблужденія ростутъ по мѣрѣ того, какъ Контъ далѣе и далѣе подвигается въ своихъ изслѣдованіяхъ. Его позднѣйшій трудъ «Система положительной политики» (System de politique positive, четыре тома, 1851—1854) представляетъ почти одно сплошное заблужденіе. Но и въ предшествовавшихъ, именно въ его «Курсѣ положительной философіи», можно уже наслѣдить зародыши, изъ которыхъ развились эти заблужденія. Ошибки Конта не зависятъ, однако, отъ его методы; наоборотъ, они потому и вкрались въ его изслѣдованія, что онъ не остался ей вѣренъ. Вмѣсто того, чтобы собирать факты и изучать ихъ, онъ принимаетъ на себя роль верховнаго жреца и прорицателя. Заслуга Конта въ установленіи правильной методы, а не въ примѣненіи ея къ разработкѣ самыхъ вопросовъ политики. Путь, который имъ указанъ, мы считаемъ совершенно вѣрнымъ, этимъ путемъ надо идти, хотя и далеко нельзя принять все то, что выдаетъ Контъ за результатъ своей методы [1]).

---

[1]) Задача нашего послѣдующаго изложенія — познакомить читателя только съ здоровой стороной положительной философіи, а никакъ не съ грустными заблужденіями великаго ума. Не имѣя ни желанія, ни, по цѣли нашего труда, самой возможности входить въ сколько нибудь подробную характеристику этихъ заблужденій, мы ограничимся ссылкой на статью Дж. Ст. Милля „О. Контъ и позитивизмъ“ и на „Предисловіе русскаго

Совершенно на сторонѣ этой методы стоитъ и англійскій ученый Дж. Ст. Милль [1]). Вполнѣ усвояя воззрѣнія своего французскаго предшественника и не внося въ нихъ ничего существенно новаго, онъ придаетъ, однако, методѣ Конта характеръ большей опредѣленности и законченности. Такъ, Милль дѣлаетъ болѣе строгое разграниченіе между наукой чистой и прикладной; имъ точно указаны основанія, въ силу которыхъ не могутъ имѣть мѣста при изученіи соціальныхъ феноменовъ четыре пріема опытнаго изслѣдованія (такъ называемая метода согласія, различія, сопутствующихъ измѣненій и остатковъ); ему же, далѣе, принадлежитъ заслуга болѣе обстоятельнаго разъясненія того значенія, которое могутъ имѣть всѣ обобщенія, получаемыя въ политикѣ путемъ сравнительно—историческаго наблюденія; наконецъ, онъ умѣряетъ и слишкомъ пылкую увѣренность Конта въ возможности предсказаній въ области политики.—Въ отличіе отъ Конта, Милль даетъ обработку только методы, а не самой науки о государствѣ. Но въ его логикѣ, а особенно въ его трудахъ, посвященныхъ политическимъ вопросамъ, можно найдти нѣсколько примѣровъ превосходнаго примѣненія этой методы. Что касается самаго характера изложенія, то Милль имѣетъ передъ Контомъ великое преимущество большей сжатости и порядка.

Тѣмъ же путемъ идетъ и Кор. Льюсъ [2]). Неотрицая несомнѣнныхъ достоинствъ его трактата о методѣ, мы не можемъ, однако, не замѣтить, что Льюсъ, по крайней мѣрѣ, не всегда отличается послѣдовательностью и ясностью взгляда своихъ

изданія“ къ переводу краткаго изложенія положительной философіи О. Конта, сдѣланнаго Льюсомъ и Миллемъ, С. Петербургъ, 1867 г., I—XIV, въ которыхъ эти заблужденія указаны и осуждены.

[1]) A system of logic, ratiocinative and inductive, 1862. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ обозначаться буквой М.

[2]) A treatise on the methods of observation and reasoning in politics, 1852, два тома.

знаменитыхъ предшественниковъ. Въ вопросѣ о задачѣ науки, какъ уже было указано, онъ дѣлаетъ непослѣдовательныя уклоненія въ духѣ нѣмецкихъ взглядовъ; въ вопросѣ же о методѣ вступаетъ, по нѣкоторымъ существеннымъ пунктамъ, въ неосновательную политику съ Миллемъ.

Переходя къ изложенію началъ «положительной методы», мы будемъ главнымъ образомъ держаться Конта и Милля, на сколько, конечно, мы поняли и нашли возможнымъ усвоить себѣ ихъ воззрѣнія [1]).

Особенность наиболѣе распространенныхъ въ Германіи методологическихъ взглядовъ состоитъ въ томъ, что при всемъ недовѣріи нѣмецкихъ ученыхъ къ опытному знанію и при всемъ желаніи ихъ пополнить и подкрѣпить результаты наблюденія философскими пріемами, на дѣлѣ ихъ философскіе труды по государственному праву ничего не даютъ кромѣ ряда отрывочныхъ наблюденій. Въ противоположность этому, характеристическую черту положительной методы составляетъ то, что она прямо и рѣшительно отказывается отъ всѣхъ попытокъ въ духѣ «метафизической школы» и изученіе самыхъ явленій считаетъ единственно правильнымъ научнымъ пріемомъ. Но выставить наблюденіе явленій дѣйствительной жизни, какъ необходимое условіе правильной методы, не значитъ еще порѣшить вопросъ о методѣ. Можно представить себѣ великое множество отдѣльныхъ наблюденій, которыя не составляютъ еще науки; таковъ, напримѣръ, громадный запасъ метеорологическихъ наблюденій, неимѣющихъ еще научнаго значенія. Наблюденія разрозненныя, въ основаніи которыхъ не

---

[1]) Мы далеки отъ мысли въ предлежащемъ очеркѣ исчерпать все богатое содержаніе логики и относящихся къ разсматриваемому вопросу мѣстъ положительной философіи. Мы имѣемъ въ виду передать въ сжатомъ очеркѣ только основныя начала положительной методы и тѣмъ скорѣе побудить къ основательному изученію помянутыхъ сочиненій, чѣмъ – сдѣлать его излишнимъ.

лежитъ никакой мысли, не могутъ еще составить сами по себѣ стройное зданіе науки, а потому, съ научной точки зрѣнія, они могутъ имѣть значеніе только самаго грубаго матеріяла, который нуждается въ пересмотрѣ и переработкѣ и легко можетъ оказаться вовсе безполезнымъ. Чтобы наблюдать съ пользой, необходимо знать, какъ и что наблюдать; необходимо имѣть возможность связывать наблюдаемыя явленія въ одно цѣлое; необходимо, словомъ, отправиться отъ какой нибудь теоріи, отъ какой нибудь освѣщающей факты мысли. Отдѣльныя наблюденія, какъ бы ни была не многосложна наблюдаемая область, могутъ имѣть научное значеніе только въ томъ случаѣ, когда они связываются другъ съ другомъ какимъ нибудь, хотя и гипотетическимъ, закономъ. Этимъ и отличаются наблюденія ученыхъ отъ наблюденій толпы, которая нерѣдко наблюдаетъ тѣже факты, но съ единственной разницей исходной точки зрѣнія. Прежде чѣмъ приступить къ наблюденію, необходимо, слѣдовательно, имѣть уже какую нибудь теорію, которая давала бы жизнь наблюденію. Эту теорію и даетъ положительная метода. Но не приступая еще къ изложенію ея основныхъ началъ, считаемъ необходимымъ остановиться на вопросѣ о томъ, какъ пришла положительная метода къ своей теоріи? На первый взглядъ, вопросъ этотъ представляется почти безвыходнымъ: правильная метода состоитъ только въ наблюденіи, но наблюдать нельзя безъ теоріи, предшествующей наблюденію; гдѣ же взять эту теорію? Если она будетъ взята внѣ наблюденія, которому должна предшествовать, въ такомъ случаѣ исходная точка положительной методы будетъ метафизическаго свойства, что несогласно съ характеромъ положительной философіи. Если, наоборотъ, она будетъ составлена на основаніи готоваго уже запаса наблюденій, въ такомъ случаѣ, она легко можетъ возбудить противъ себя чувство недовѣрія. Могутъ сказать, что теорія составлена наскоро, на основаніи первыхъ попавшихся подъ руку наблюденій; что она сама нуждается

еще въ провѣркѣ; что положенная въ основаніе дальнѣйшаго наблюденія, она только затемнитъ взоръ наблюдателя и заставитъ его видѣть вещи единственно въ свѣтѣ для нея благопріятномъ. Несмотря на всѣ затрудненія, этотъ важный и трудный вопросъ рѣшается геніемъ Конта на столько удовлетворительно, на сколько это возможно. Онъ строитъ свою теорію на основаніи того готоваго уже запаса наблюденій, съ которымъ онъ приступилъ къ изученію соціальныхъ явленій. Его теорія, такимъ образомъ, не метафизическаго происхожденія; она есть порожденіе его разума и воображенія, получившихъ свой матеріялъ изъ наблюденія, или, какъ онъ выражается, «воображенія, подчиненнаго наблюденію». Само собой разумѣется, что тотъ запасъ наблюденій, который послужилъ фундаментомъ теоріи, долженъ былъ быть именно такого свойства, чтобы навести на теорію. Но въ этомъ и заключается счастье генія. Всѣ сомнѣнія, которыя могло бы возбудить такое возникновеніе теоріи, исчезаютъ передъ особенностями самой теоріи. Она такъ формулирована, что способна постоянно совершенствоваться. Контъ и самъ не придаетъ ей значенія вполнѣ законченной. Порожденная наблюденіемъ, она не только можетъ, но и должна пополняться и выясняться тѣмъ же наблюденіемъ, но расширеннымъ на новые факты (C. IV, 417—425). Но и въ настоящемъ своемъ видѣ теорія Конта подтверждается уже весьма широкими наблюденіями. Основныя начала ея слѣдующія:

1. Предположеніе постоянныхъ законовъ, управляющихъ соціальными явленіями. Успѣхи естественныхъ наукъ и преимущественно химіи со второй половины 18 вѣка повели къ все большему и большему распространенію мысли о существованіи постоянныхъ законовъ тамъ, гдѣ прежде ничего не видѣли, кромѣ случая. Подтвержденіе этой мысли Контъ усматриваетъ и въ области соціальныхъ феноменовъ. Ихъ бытіе и послѣдовательная смѣна, по его мнѣнію, стоятъ также въ зави-

симости отъ постоянныхъ законовъ, управляющихъ этими явленіями, и не могутъ быть мѣняемы по произволу законодателя (С. IV, 185 и сл., 197, 252 пр., 254, 317, 369). Предположеніе постоянныхъ законовъ, управляющихъ соціальными явленіями, находитъ себѣ подтвержденіе и въ слѣдующемъ соображеніи. Всѣ соціальные феномены суть феномены человѣческой природы, порожденные дѣйствіемъ той совокупности условій, въ которой стоитъ человѣкъ, на массы людей. Если феномены человѣческой природы, то есть человѣческихъ мыслей, чувствъ и дѣйствій, подчиняются опредѣленнымъ законамъ (а въ этомъ все болѣе и болѣе убѣждаютъ успѣхи новѣйшей психологіи), то и соціальные феномены, какъ ихъ слѣдствіе, также должны подчиняться точнымъ законамъ. Разница политическихъ наукъ съ точными не въ меньшей опредѣленности законовъ, составляющихъ задачу изученія, а въ крайней сложности условій, въ которыхъ они проявляютъ свое дѣйствіе. Въ астрономіи, напримѣръ, условія, вліяющія на движеніе небесныхъ свѣтилъ, немногочисленны и подвержены малымъ измѣненіямъ, которыя при томъ совершаются въ силу уже извѣстныхъ законовъ. Астрономическія данныя, поэтому, также извѣстны, какъ и законы ими управляющіе. Наоборотъ, обстоятельства, вліяющія на состояніе обществъ, безчисленны и подвержены постояннымъ измѣненіямъ. Хотя всѣ эти измѣненія происходятъ въ силу причинъ и, слѣдовательно, законовъ, но количество этихъ причинъ такъ велико, что легко можетъ превзойдти нашу ограниченную способность счисленія (М. II, 456—460). Этимъ различіемъ объясняется какъ сравнительная трудность раскрытія законовъ соціальныхъ явленій, такъ и малые успѣхи, сдѣланные до сихъ поръ соціальными науками.

2. Дѣйствіе постоянныхъ законовъ обнаруживается въ двухъ направленіяхъ: а) въ сосуществованіи явленій, б) въ ихъ послѣдовательности.

а) Что касается сосуществованія явленій, то не можетъ

подлежать сомнѣнію тотъ очевидный фактъ, что соціальные феномены, существующіе въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, находятся въ постоянномъ воздѣйствіи другъ на друга. Они не стоятъ разрозненно и внѣ связи одинъ съ другимъ, а непремѣнно соприкасаются другъ съ другомъ, постоянно вліяютъ другъ на друга и стремятся, если можно такъ выразиться, придти къ одному знаменателю, то есть придти въ состояніе гармоніи или согласія (consensus). Понятія и нравы, съ одной стороны, политическія учрежденія, съ другой, въ данное время и въ данномъ мѣстѣ солидарны. Этимъ постояннымъ и неизбѣжнымъ воздѣйствіемъ соціальныхъ фактовъ одного на другіе объясняется то всѣмъ извѣстное явленіе, что одни феномены государственной жизни не могутъ ужиться рядомъ и исключаютъ другъ друга, другіе, наоборотъ, вызываются другъ другомъ. Что возможно въ одномъ мѣстѣ и при однихъ условіяхъ, то не возможно при измѣненныхъ обстоятельствахъ. Отсюда возможны только извѣстныя сочетанія соціальныхъ феноменовъ, условливаемыя ихъ перекрещивающимся вліяніемъ и вытекающей изъ этого вліянія постоянной переработкой однихъ другими, а не всякія, какія только могутъ придти въ голову политическаго преобразователя.

Говоря о согласіи или гармоніи данной совокупности соціальныхъ феноменовъ, подъ состояніемъ согласія не должно разумѣть не только безусловно, но даже и относительно совершенный порядокъ вещей. Въ каждомъ человѣческомъ обществѣ соціальные феномены стремятся придти въ состояніе гармоніи, но эта гармонія не есть непремѣнно желательный идеальный порядокъ. Подъ гармоніей разумѣется здѣсь только то единообразіе соціальныхъ феноменовъ, которое является какъ плодъ необходимаго воздѣйствія ихъ одного на другіе. Въ этомъ смыслѣ гармонія можетъ быть раскрыта въ каждой данной совокупности соціальныхъ феноменовъ, какъ бы ни была она несовершенна съ точки зрѣнія человѣческихъ нуждъ и

цѣлей человѣческой жизни. Извѣстный порядокъ вещей можетъ быть очень неудовлетворителенъ, онъ можетъ въ сильной степени нуждаться въ преобразованіи, но тѣмъ не менѣе отдѣльные его феномены будутъ находиться въ состояніи согласія другъ съ другомъ, они будутъ носить одинъ общій имъ всѣмъ характеръ. Англійскія конституціонныя учрежденія, перенесенныя на иную почву, какъ бы ни было строго заимствованіе, въ концѣ концовъ переродятся на этой новой почвѣ и, въ свою очередь, переродятъ среду, въ которую перенесены; свое и чужое, если только могутъ существовать рядомъ, непремѣнно придутъ въ состояніе новой гармоніи. Будетъ ли эта новая совокупность соціальныхъ феноменовъ лучше старой, или нѣтъ, это другой вопросъ, который не можетъ быть разрѣшенъ для всѣхъ случаевъ одинаково; не можетъ подлежать сомнѣнію только то, что отдѣльныя явленія этого новаго порядка вещей непремѣнно придутъ въ состояніе извѣстнаго согласія, извѣстной гармоніи, характеръ которой будетъ условливаться самой природой воздѣйствующихъ другъ на друга соціальныхъ феноменовъ. —Признаніе этой естественной и отъ воли человѣка не зависящей гармоніи соціальныхъ феноменовъ, существованіе которой едва ли кто будетъ отрицать, ведетъ къ необходимости изученія законовъ воздѣйствія однихъ явленій на другія, или законовъ сосуществованія (статика, С. IV, 317 и сл., 324 и сл., 331 и сл.; M., b. VI, c. X.).

Указанная зависимость соціальныхъ феноменовъ одного отъ другихъ опредѣляетъ и самый порядокъ ихъ изученія. Соціальные факты, въ высокой степени модифицируемые одни другими, могутъ быть изучаемы только во взаимной связи, а не изолированно одинъ отъ другаго. Для пониманія государственныхъ учрежденій, напримѣръ, мало остановиться на однихъ законахъ, которыми опредѣляются эти учрежденія, надо разсмотрѣть ихъ въ связи съ состояніемъ религіозныхъ вѣрованій, народной нравственности, церкви, экономическаго быта и такъ далѣе

(С. IV, 325, 352 и сл.; М. тамъ же § 2). Необходимость имѣть постоянно въ виду всю совокупность явленій есть требованіе положительной методы. Только при такой точкѣ зрѣнія могутъ быть уловлены и оцѣнены въ настоящую ихъ мѣру тѣ разнообразныя вліянія, которыя оказываются одними феноменами на другіе. Чтобы подняться на эту высокую точку зрѣнія, съ которой открывается вся совокупность явленій, для изслѣдователя соціальныхъ феноменовъ нужна громадная подготовка, а въ этомъ заключается новая трудность, стоящая на пути успѣшнаго развитія государственныхъ наукъ. Спеціализація отдѣльныхъ отраслей вѣдѣнія далеко не можетъ имѣть здѣсь того значенія, какое она имѣетъ, напримѣръ, въ наукахъ естественныхъ. Ботаникъ можетъ не знать минералогіи и все таки быть полезнымъ дѣятелемъ въ области своей спеціальности. Изслѣдователь явленій государственной жизни не можетъ ограничиться одной офиціальной областью «государственнаго устройства и управленія»; для уясненія изучаемыхъ имъ вопросовъ ему необходимо имѣть обширныя свѣдѣнія и въ области церковнаго права, народнаго хозяйства, народной нравственности и такъ далѣе, и наоборотъ.

б) Переходя къ вопросу о послѣдованіи однихъ соціальныхъ феноменовъ за другими, положительная метода отправляется отъ того положенія, что ближайшая причина каждаго соціальнаго состоянія есть соціальное состояніе непосредственно ему предшествовавшее. Каждое данное состояніе общества является, такимъ образомъ, не случайно и внѣ связи съ существовавшимъ прежде состояніемъ, а съ необходимостью вызывается своими предшествующими. Въ этомъ смыслѣ говорятъ: настоящее чревато будущимъ. Изъ этой необходимой и также отъ воли человѣка независящей связи настоящаго съ прошедшимъ и будущимъ положительная метода выводитъ свое второе правило въ руководство наблюденію. Наблюденіе должно быть направлено къ объясненію настоящаго изъ прошедшаго, говоря

иначе, оно должно раскрыть законы послѣдованія соціальныхъ фактовъ (динамика). С. IV, 320, 365 и сл.; М. II, 502—503, 516).

Что касается самаго характера послѣдованія фактовъ однихъ за другими, то положительная метода въ руководство наблюденію предлагаетъ теорію постояннаго ихъ развитія, а не круговращенія, какъ Вико. Но какъ подъ гармоніей соціальныхъ феноменовъ положительная метода разумѣетъ не идеальный порядокъ вещей, такъ точно и подъ идеей прогресса она понимаетъ не непремѣнно улучшеніе въ каждомъ данномъ случаѣ послѣдованія. Согласно съ очевидными указаніями опыта она допускаетъ возможность и такихъ смѣнъ стараго новымъ, которыя дадутъ въ результатѣ сравнительное ухудшеніе соціальнаго положенія. Подъ прогрессомъ положительная метода разумѣетъ только то, что въ каждую позднѣйшую эпоху совокупность соціальныхъ феноменовъ различается отъ совокупности соціальныхъ феноменовъ эпохи предшествовавшей и при томъ въ такой прогрессіи: эти различія тѣмъ больше, чѣмъ далѣе отошли одна отъ другой сравниваемыя эпохи. Прогрессъ, съ разсматриваемой точки зрѣнія, не есть необходимое поступательное движеніе къ лучшему въ каждомъ новомъ шагѣ, а (выражая отрицательную сторону дѣла) только отрицаніе возможности возвращенія къ старому. Каждое новое состояніе, взятое въ цѣломъ, существенно отличается ото всѣхъ предшествующихъ, и при томъ, эти различія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большій періодъ времени раздѣляетъ сравниваемыя состоянія. Только въ этомъ смыслѣ человѣчество всегда и неотступно идетъ впередъ [1]).

[1]) На сторонѣ изложеннаго взгляда на прогрессъ одинаково стоятъ какъ Контъ, такъ и Милль, но послѣдній съ большею рѣшительностью и опредѣленностью, II, 504. Въ дополненіе къ сказанному считаемъ не лишнимъ прибавить, что Милль, не раздѣляя мнѣнія объ улучшеніи соціальнаго положенія съ каждымъ новымъ шагомъ, высказываетъ, однако, вѣру въ то, что преобладающее направленіе измѣненій, въ концѣ концовъ, идетъ къ лучшему. Къ этой вѣрѣ присоединяемся и мы. — Что касается

Раскрытіе законовъ сосуществованія и послѣдовательности явленій составляетъ задачу чистой науки. Она даетъ необходимыя основанія для науки прикладной. Но, спрашивается, возможна-ли прикладная наука, имѣющая задачей указать средства для измѣненія соціальнаго положенія, какъ скоро признано, что соціальные факты въ ихъ сосуществованіи и послѣдовательности подчиняются постояннымъ и отъ воли человѣка независящимъ законамъ?

Выше высказанное предположеніе о существованіи постоянныхъ законовъ исключаетъ всякую мысль о томъ, что соціальные факты въ своемъ бытіи и развитіи могутъ быть совершенно свободно направляемы произволомъ законодателя. Авторитетъ законодателя самъ условливается согласіемъ той соціальной среды, въ которой онъ призванъ дѣйствовать. Безъ этой гармоніи съ состояніемъ общества не могутъ имѣть прочности никакія законодательныя реформы. Для доказательства этого положенія нѣтъ надобности приводить историческіе примѣры: исторія каждаго государства представляетъ ихъ такъ много, что они едва ли могли укрыться отъ чьего либо вниманія. —Но эта зависимость законодателя отъ среды, его окружающей, не рѣдко безгласной, но всегда сильной, не должна быть толкуема въ томъ смыслѣ, что политическое дѣйствіе вовсе не можетъ имѣть мѣста, и развитіе человѣчества должно быть исключительно предоставлено своему естественному теченію, безъ всякаго вмѣшательства разсчитанной человѣческой воли. Человѣческая воля не всемогуща, но не можетъ подлежать сомнѣнію, что она есть одинъ изъ факторовъ, вліяющихъ на соціальные факты. Политическое дѣйствіе соотвѣтствуетъ дѣйствію врача: оно не господствуетъ надъ естественнымъ закономъ, но можетъ

Конта, то его взглядъ страдаетъ нѣкоторою наклонностью къ слитію понятія прогресса съ постояннымъ улучшеніемъ, вслѣдствіе чего онъ не далекъ отъ весьма вреднаго оптимизма, хотя и старается отразить такое обвиненіе, IV, 195, 233, 364, 367, 380 и сл., 386 и 389.

модифицировать соціальные феномены, исходя изъ знанія законовъ, ими управляющихъ. Этимъ условливается возможность прикладной науки. При теперешнемъ зародышномъ состояніи науки, границы политическаго дѣйствія не могутъ быть обозначены точно; не можетъ подлежать, однако, сомнѣнію то, что законодатель можетъ сдѣлать многое, но подъ условіемъ дѣйствія согласнаго съ законами человѣческаго развитія (С. IV. 391—399 и 405).

Особенность практической теоріи, которая можетъ быть построена на началахъ статики и динамики, состоитъ въ томъ, что она, по существу своему, относительна и измѣнчива, а не абсолютна, каковы почти всѣ нѣмецкія теоріи философскаго государственнаго права. Такая теорія вовсе не ставитъ своей задачей начертать единый идеальный порядокъ вещей, годный для всѣхъ временъ и мѣстъ; ея цѣль указать начала устройства наиболѣе пригодныя для даннаго состоянія общества. Помѣрѣ дальнѣйшаго развитія общества, которое будетъ совершаться, между прочимъ, и подъ вліяніемъ новыхъ элементовъ, введенныхъ въ жизнь политическимъ дѣйствіемъ, эти начала должны уступать мѣсто инымъ, болѣе соотвѣтствующимъ измѣнившемуся состоянію общества (С. IV. 189, 294, 340; М. II. 471—474, 539—543).—Положительная метода, такимъ образомъ, разъясняетъ и выводитъ на истинный путь то смутное и не послѣдовательное (съ ихъ точки зрѣнія) стремленіе нѣмецкихъ философовъ права выработать не одинъ типъ идеальнаго государственнаго права, а столько различныхъ типовъ, сколько разныхъ формъ государственнаго устройства представляетъ дѣйствительность.

Такова теорія, лежащая въ основаніи положительной методы, теорія, которой должно руководствоваться при изученіи соціальныхъ фактовъ. Переходя къ самымъ пріемамъ изученія, прежде всего необходимо остановить вниманіе на особой трудности наблюденія въ области соціальныхъ феноменовъ.

Эта трудность условливается, во первыхъ, тѣмъ, что соціальные феномены многопричинны. По указанной выше связи всѣхъ соціальныхъ феноменовъ, извѣстное явленіе въ жизни государства вызывается не однимъ какимъ либо предшествующимъ, а цѣлою ихъ совокупностью. Соединеніе причинъ есть общій законъ въ области соціальныхъ фактовъ (М. II. 460). Во вторыхъ, въ области соціальныхъ феноменовъ невозможны произвольные опыты. Соціальные факты не могутъ быть по усмотрѣнію наблюдателя приводимы въ такую связь, какая необходима для уясненія дѣйствія того или другаго изъ нихъ. Исключительная сложность, составляющая характеристическую особенность соціальныхъ феноменовъ, и невозможность произвольныхъ опытовъ не позволяютъ довольствоваться, при изученіи соціальныхъ фактовъ, одними пріемами наведенія (индукція), а дѣлаютъ еще необходимымъ обращеніе къ выведенію (дедукція). Правильная метода, такимъ образомъ, состоитъ въ соединеніи наведенія съ выведеніемъ. Особенная роль каждаго изъ этихъ пріемовъ и ихъ взаимное отношеніе имѣютъ быть выяснены послѣдующимъ изложеніемъ.

Первый шагъ въ дѣлѣ раскрытія законовъ соціальныхъ явленій принадлежитъ наведенію. Работа начинается съ наблюденія историческихъ явленій сосуществованія и послѣдовательности однихъ феноменовъ за другими.—Что же касается самыхъ пріемовъ наблюденія, то въ примѣненіи къ разработкѣ соціальныхъ задачъ далеко не могутъ имѣть мѣста всѣ тѣ индуктивные способы изслѣдованія, которые оказали такъ много пользы въ области наукъ опытныхъ. Вопросъ о степени примѣнимости къ государственнымъ наукамъ индуктивныхъ пріемовъ наблюденія съ совершенной отчетливостью разработанъ Миллемъ и рѣшенъ имъ, по отношенію къ четыремъ наиболѣе точнымъ пріемамъ, отрицательно (М. I. 425—449; II. 461—471). Основанія Милля, какъ совершенно вѣрныя, должны быть усво-

ены наукой. Въ виду того, что положенія, выработанныя имъ, еще не пользуются правомъ гражданства не только въ наукѣ вообще, но даже и въ англійской, считаемъ необходимымъ остановиться на нихъ ближе.

Четыре индуктивные пріема, извѣстные подъ именемъ методы согласія, различія, остатковъ и сопутствующихъ измѣненій, имѣютъ цѣлью раскрыть, какое изъ обстоятельствъ, предшествующихъ или слѣдующихъ за извѣстнымъ явленіемъ, соединено съ нимъ въ силу неизмѣннаго закона послѣдовательности: есть причина его, или слѣдствіе. Чтобы судить о примѣнимости, или непримѣнимости этихъ пріемовъ къ рѣшенію соціальныхъ вопросовъ, необходимо, хотя по возможности коротко, указать ихъ особенности въ томъ видѣ, какъ онѣ выработались въ наукахъ опытныхъ [1]). Мы начнемъ съ методы различій.

Въ примѣненіи къ рѣшенію вопроса о причинной связи, метода различія состоитъ въ слѣдующемъ. Требуется узнать, какія слѣдствія производитъ причина А. Допустимъ, что эта причина можетъ быть наблюдаема нами въ соединеніи съ такими фактами, которые доступны наблюденію и внѣ этого соединенія, т. е., что мы можемъ взять для наблюденія два совершенно похожихъ другъ на друга случая съ однимъ только различіемъ: въ одномъ случаѣ имѣетъ мѣсто изучаемая причина, въ другомъ нѣтъ. Пусть первый случай будетъ АБС, второй БС.—Наблюдаемъ, далѣе, слѣдствія этихъ соединеній. Если для перваго получимъ *а б с*, а для втораго *б с*, то заключаемъ, что А производитъ *а*, ибо БС, сами по себѣ, безсильны дать *а*.—При посредствѣ этого логическаго процесса дѣлаются ежедневно разнаго рода индуктивныя заключенія. Если человѣкъ прострѣ-

[1]) Мы коснемся четырехъ пріемовъ опытнаго наведенія только на столько, насколько это необходимо для уясненія ихъ непримѣнимости къ рѣшенію соціальныхъ вопросовъ; намъ нѣтъ надобности, по этому, останавливаться на подробностяхъ относительно способовъ примѣненія этихъ пріемовъ къ естественнымъ наукамъ.

ленъ въ сердце, то именно при посредствѣ методы различій узнаютъ, что выстрѣлъ былъ причиной его смерти: ибо минуту прежде онъ былъ живъ, всѣ обстоятельства остались тѣже, кромѣ простр'ѣла сердца.

При невозможности произвольныхъ опытовъ, для примѣненія этой методы къ раскрытію причинной связи соціальныхъ феноменовъ, необходимо найдти два примѣра дѣйствительныхъ государствъ, которыя во всемъ были бы сходны: въ нравахъ, степени просвѣщенія, естественныхъ условіяхъ, учрежденіяхъ и прочее, кромѣ одного явленія, непосредственное слѣдствіе котораго мы желаемъ узнать; напримѣръ, во всемъ сходныя государства разнились бы только въ судоустройствѣ: въ одномъ судъ бюрократическій съ соединеніемъ въ однихъ рукахъ власти слѣдственной и судебной, въ другомъ имѣетъ мѣсто состязательный процессъ съ участіемъ присяжныхъ и съ уравненіемъ правъ обвиненія и защиты. Еслибы такіе два случая нашлись, и если бы при дальнѣйшемъ наблюденіи за ихъ послѣдствіями оказалось, что въ одномъ изъ нихъ общественная безопасность и неприкосновенность правъ личности стоятъ выше, чѣмъ въ другомъ, мы могли бы заключить, что причина этого различія въ иной формѣ суда.—Но два такихъ случая невозможно найдти. По указанному уже закону солидарности соціальныхъ феноменовъ, два государства во всемъ сходныя, кромѣ судоустройства, будутъ сходны и въ судоустройствѣ, и наоборотъ: два государства, различающіяся въ судоустройствѣ, но во всемъ остальномъ сходныя, будутъ различаться и въ чемъ нибудь иномъ. Различія въ законодательствѣ условливаются какими нибудь предшествующими различіями въ нравахъ, понятіяхъ и пр.; поэтому, отъ различій въ законодательствѣ необходимо заключать къ различію въ чемъ либо другомъ. Примѣненіе методы различія, такимъ образомъ, вовсе не можетъ имѣть мѣста въ наукахъ государственныхъ.

Индуктивная логика, рядомъ съ методой различія въ изло-

женномъ смыслѣ, знаетъ еще особый видъ этой методы, обозначаемый именемъ «косвенной методы различія» (indirect method of difference). Особенность этой модифицированной методы различія состоитъ въ томъ, что здѣсь сравниваются не два случая, во всемъ согласные и различающіеся только присутствіемъ или отсутствіемъ изучаемой причины, а два класса явленій согласныхъ только въ томъ, что въ одномъ изъ нихъ изучаемая причина присутствуетъ, а въ другомъ отсутствуетъ. Для примѣненія этой измѣненной методы различія, слѣдовало бы взять, съ одной стороны, государство, имѣющее бюрократическій судъ, съ другой, два или болѣе государствъ, согласныхъ между собой только въ томъ, что въ нихъ форма суда обвинительная, съ участіемъ присяжныхъ и съ уравненіемъ правъ обвиненія и защиты. При этомъ нѣтъ надобности требовать, чтобы каждое изъ вторыхъ государствъ совпадало съ съ первымъ во всемъ, кромѣ формы суда: одно можетъ совпадать въ однихъ особенностяхъ, другое въ другихъ. Допустимъ, что примѣры дѣйствительныхъ государствъ, отвѣчающіе такимъ требованіямъ, найдти легче, чѣмъ примѣры, требуемые методой различія въ первомъ смыслѣ. Допустимъ, что такіе примѣры найдены. Но и въ этомъ случаѣ, еслибы при дальнѣйшемъ наблюденіи оказалось, что первое государство отличается бо̀льшею общественною безопасностью и неприкосновенностью правъ личности, чѣмъ вторыя, все таки нельзя заключить, что оно обязано этимъ особенностямъ своего судоустройства. Такое заключеніе можно было бы сдѣлать лишь въ томъ случаѣ, еслибы общественная безопасность и неприкосновенность личности условливались только одной какой либо причиной, чего, однако, не представляетъ дѣйствительность. Высокое состояніе общественной и личной безопасности и свободы является, обыкновенно, какъ результатъ цѣлой совокупности благопріятныхъ условій. Одна форма суда, взятая отдѣльно отъ состоянія нравственныхъ понятій страны, степени ея умствен-

наго развитія и прочее, не можетъ дать такого результата сама по себѣ. Возможныя слѣдствія самой лучшей формы суда могутъ быть парализованы безнравственностью и умственной тупостью людей, призванныхъ дѣйствовать въ этой формѣ, и наоборотъ, форма, относительно не совершенная, можетъ дать хорошіе результаты, благодаря нравственной и умственной высотѣ исполнителей. Если первое государство, при сравнительно несовершенной формѣ суда, дало, въ разсматриваемомъ смыслѣ, хорошіе результаты, то это могло быть не въ силу этой формы, а несмотря на нее и благодаря стеченію другихъ благопріятныхъ условій. Наоборотъ, если вторыя государства дали противоположные результаты, то вина въ этомъ не падаетъ съ необходимостью на форму суда: эти противоположные результаты могутъ объясняться стеченіемъ значительной массы другихъ неблагопріятныхъ условій.—Такимъ образомъ, и въ этомъ измѣненномъ видѣ приложеніе методы различія къ рѣшенію соціальныхъ вопросовъ можетъ повести только къ выводамъ, неимѣющимъ дѣйствительной цѣны.

Переходимъ къ методѣ согласія. Цѣль ея таже, раскрыть причинную связь явленій. Особенность этой методы въ сравненіи съ предшествующей заключается въ томъ, что здѣсь берутся для сравненія случаи во всемъ разные, кромѣ присутствія въ нихъ того элемента, причину или слѣдствіе котораго мы желаемъ узнать. Требуется, напримѣръ, раскрыть слѣдствіе причины А. Допустимъ, что мы имѣемъ возможность наблюдать А въ такихъ не похожихъ одно на другое соединеніяхъ: во первыхъ, А вмѣстѣ съ Б и С, во вторыхъ, А вмѣстѣ съ Д и Е, но безъ Б и С. Пусть, далѣе, слѣдствіемъ перваго соединенія будетъ *а б с*, слѣдствіемъ втораго *а д е*. На основаніи этихъ наблюденій мы разсуждаемъ такъ: *б* и *с* не могутъ быть слѣдствіемъ А, ибо они не получились во второмъ опытѣ; точно также не могутъ быть слѣдствіемъ А и *д* и *е*, не получившіяся въ первомъ опытѣ. Настоящее слѣдствіе А должно было обнаружиться въ

обоихъ опытахъ. Этому требованію отвѣчаетъ только *a*. Что оно не могло быть произведено другими причинами (Б, С, Д и Е), это видно изъ того, что оно получается безъ ихъ помощи. И такъ, *a* есть слѣдствіе А.

При невозможности произвольныхъ опытовъ, для примѣненія этой методы къ изученію соціальныхъ фактовъ, требуется найдти два или болѣе примѣра дѣйствительныхъ государствъ, которыя во всемъ бы различались, кромѣ одного какого либо явленія и предполагаемой его причины; напримѣръ, сравниваемыя государства, различаясь во всемъ, оказались сходными въ высокомъ состояніи народной безопасности и въ формѣ суда. Неостанавливаясь на невозможности найдти такіе примѣры, допустимъ, что мы нашли ихъ, и посмотримъ, можно ли на основаніи сдѣланнаго наблюденія заключить, что высокое состояніе общественной безопасности сравниваемыхъ государствъ является единственно какъ слѣдствіе особенностей судоустройства? На пути къ такому заключенію опять встрѣчаемся съ многопричинностью соціальныхъ явленій. Извѣстная форма суда можетъ быть одною изъ причинъ высокаго состоянія общественной безопасности, но не единственной. Если же извѣстное явленіе условливается соединеніемъ причинъ, въ такомъ случаѣ совершенно естественно, что каждая изъ этихъ причинъ, отдѣльно взятая, можетъ быть удалена, а слѣдствіе все таки будетъ имѣть мѣсто, въ силу соединеннаго дѣйствія другихъ причинъ. При помощи способа согласія можно придти только къ заключенію, что данное явленіе получается и безъ участія данной причины, но не къ увѣренности, что данная причина, если присутствуетъ, вовсе не имѣетъ своей доли вліянія на производство даннаго слѣдствія. Къ такой увѣренности мы могли бы придти только въ томъ случаѣ, еслибы имѣли возможность при помощи произвольныхъ опытовъ убѣдиться, производитъ данная причина приписываемыя ей слѣдствія, или не производитъ. Но произвольные опыты, играющіе

такую важную роль въ дѣлѣ повѣрки выводовъ индукціи въ естественныхъ наукахъ, вовсе не могутъ имѣть мѣста въ наукахъ государственныхъ.

По тѣмъ же соображеніямъ не можетъ имѣть мѣста въ наукахъ государственныхъ и метода сопутствующихъ измѣненій. Въ естественныхъ наукахъ къ ней обращаются въ тѣхъ случаяхъ, когда не представляется возможнымъ ни удалить, ни изолировать ту причину, слѣдствіе которой желательно раскрыть. Напримѣръ, желаютъ узнать дѣйствіе тепла на тѣло, или луны на землю. Для рѣшенія этого вопроса нельзя обратиться къ обозначеннымъ выше пріемамъ согласія или разности, такъ какъ невозможно наблюдать землю внѣ вліянія луны, или тѣло внѣ вліянія тепла. Эта невозможность выдѣлить наблюдаемую причину дѣлаетъ необходимымъ обратиться къ новой методѣ сопутствующихъ измѣненій, состоящей въ слѣдующемъ: подвергаютъ ряду измѣненій изучаемую причину и наблюдаютъ, не совпадаютъ ли съ этими измѣненіями какія либо соотвѣтствующія измѣненія въ слѣдствіяхъ. Напримѣръ, нельзя выдѣлить тепло, но можно увеличивать или уменьшать его. При этомъ количественномъ измѣненіи тепла замѣчаютъ, что тѣло расширяется по мѣрѣ нагрѣванія и сжимается по мѣрѣ охлажденія. На основаніи этихъ сопутствующихъ измѣненій заключаютъ, что тепло есть причина расширенія тѣлъ. — Примѣненіе этой методы къ изученію соціальныхъ феноменовъ было бы возможно, если бы причины, вліяющія на состояніе общества, производили слѣдствія, различающіяся одно отъ другаго по роду; если бы, напримѣръ, общественная безопасность зависѣла отъ одной причины, умственное развитіе отъ другой, состояніе нравственности отъ третьей и такъ далѣе, въ такомъ случаѣ еще можно было бы на счетъ каждой причины отнести ту долю слѣдствія, которая возрастаетъ или падаетъ по мѣрѣ возрастанія или паденія причины. Но на каждое явленіе соціальной жизни вліяетъ множество причинъ, одни прямо, дру-

гія косвенно, одна положительно, способствуя развитію даннаго явленія, другія отрицательно, затрудняя это развитіе. Количественное возрастаніе какого либо феномена можетъ быть результатомъ соединенія, съ одной стороны, возрастанія одной изъ благопріятныхъ для его развитія причинъ, съ другой, умаленія причины, доселѣ задерживавшей это развитіе. Отсюда, отъ единовременнаго возрастанія двухъ явленій нельзя еще заключать, что возрастаніе одного находится въ постоянной пропорціи къ возрастанію другаго, ибо это возрастаніе еще въ гораздо бо̀льшей мѣрѣ можетъ быть слѣдствіемъ ослабленія причины, до того времени дѣйствовавшей неблагопріятно.

Остается метода остатковъ, которая, собственно, есть только особая модификація методы различій. Ея пріемы слѣдующіе: предположимъ, что А Б С производитъ *а б с* и что при помощи методы различій мы узнали, что *а* есть слѣдствіе А, а *б* — Б. За тѣмъ остается С и *с*, и мы можемъ, не обращаясь къ новой индукціи, заключить, что С производитъ *с*. Эта метода остатковъ можетъ дать точный результатъ только въ томъ случаѣ, когда мы знаемъ, что С есть единственное предшествующее *с*, или что *с* есть явленіе однопричинное. Такъ какъ вся доказательность методы остатковъ держится на методѣ различій, которая къ изученію соціальныхъ феноменовъ не примѣнима, то не можетъ быть рѣчи и о примѣненіи методы остатковъ.

Таковы основанія, которыя приводитъ Милль противъ возможности примѣненія къ политикѣ четырехъ наиболѣе точныхъ пріемовъ индукціи. Какъ мы уже замѣтили выше, взглядъ его далеко не пользуется тѣмъ распространеніемъ въ наукѣ, на какое, по своей основательности, онъ имѣлъ бы право разсчитывать. Соплеменникъ Милля, Корн. Льюсъ, знакомый съ его логикой и дѣлающій на нее множество ссылокъ, высказываетъ, однако, несогласное съ нею мнѣніе, состоящее въ томъ, что къ рѣшенію соціальныхъ вопросовъ могутъ быть примѣ-

нены всѣ четыре пріема опытной индукціи, нуждающіеся для этого только въ нѣкоторыхъ поправкахъ и предосторожностяхъ (I, 341). Насколько мы могли понять Льюса, мы пришли къ тому заключенію, что его отступленія отъ Милля условливаются тѣмъ, во первыхъ, что онъ не даетъ должнаго значенія многопричинности соціальныхъ явленій, хотя и согласенъ, что она весьма затрудняетъ примѣненіе разсматриваемыхъ пріемовъ къ политикѣ; во вторыхъ, что онъ не вполнѣ усвоилъ себѣ особенности этихъ пріемовъ. Въ подтвержденіе высказаннаго мнѣнія, мы считаемъ достаточнымъ остановиться на тѣхъ доводахъ, которые Льюсъ приводитъ въ пользу примѣненія къ соціальнымъ вопросамъ методы различія; мы останавливаемся только на этихъ доводахъ вовсе не въ томъ соображеніи, чтобы считали полный разборъ мнѣній Льюса безполезнымъ для уясненія вопросовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, а только потому, что такой разборъ взялъ бы гораздо болѣе мѣста и времени, чѣмъ мы считаемъ возможнымъ посвятить этой полемикѣ.

Льюсъ старается выяснить свой взглядъ скорѣе рядомъ примѣровъ, по поводу которыхъ онъ и высказываетъ свои воззрѣнія на поправки и мѣры предосторожности, которыя необходимо имѣть въ виду при пользованіи методой различія, чѣмъ въ строго систематической формѣ. Чтобы уяснить, насколько онъ далекъ отъ строгихъ требованій индуктивной методы, мы остановимся прежде всего на этихъ примѣрахъ.

Указавъ на свойства методы различія, Льюсъ говоритъ, что такимъ путемъ мы составляемъ множество заключеній относительно причинной связи политическихъ событій. «Если, продолжаетъ онъ, армія предается бѣгству послѣ пораженія, если осажденный городъ сдается непріятелю, если правительство дѣлаетъ уступки возставшимъ подданнымъ, — и мы заключаемъ, что пораженіе арміи есть причина ея бѣгства, что обложеніе города есть причина его сдачи, что угрозы возставшихъ составляютъ причину уступокъ правительства, — мы разсуж-

даемъ согласно методѣ. Два новыя обстоятельства вводятся въ совокупность прежнихъ, при чемъ все остальное остается существенно то же, а потому мы и дѣлаемъ выводъ, что одно изъ этихъ новыхъ обстоятельствъ есть причина другаго» (I, 348). Нельзя отрицать, что такіе выводы дѣлаются; но они могутъ служить только примѣромъ заключеній, которыхъ слѣдуетъ избѣгать, какъ неправильныхъ. Метода различія, въ примѣненіи къ раскрытію причинной связи явленій, имѣетъ задачей раскрыть, какія послѣдствія неизмѣнно и безусловно наступаютъ за извѣстной причиной. Что же касается до выводовъ Льюса, то ни одинъ изъ нихъ не указываетъ на неизмѣнное и безусловное послѣдованіе: разбитая армія не непремѣнно обращается въ бѣгство, а можетъ лечь костьми на полѣ битвы, или сдаться въ плѣнъ; осажденный городъ не непремѣнно сдается, а можетъ еще или отразить осаду, или быть взятъ приступомъ; правительство, въ виду возстанія, не непремѣнно дѣлаетъ уступки, а можетъ подавить его и подвергнуть возставшихъ еще болѣе горькой участи. Указанныя явленія имѣютъ, конечно, свою причину въ смыслѣ фактовъ неизмѣнно и безусловно предшествующихъ, но раскрытіе ихъ не такъ просто, какъ это кажется Льюсу. Всѣ приведенные имъ факты слѣдуютъ за сложными причинами, среди которыхъ причинамъ, имъ указаннымъ, принадлежитъ только извѣстная доля участія. Чтобы войско было обращено въ бѣгство, мало разбить его, а надо еще, чтобы настроеніе духа разбитыхъ было именно таково, чтобы вынудить ихъ искать спасенія въ бѣгствѣ; чтобы жители осажденнаго города сдались, нужно, чтобы они не хотѣли умереть подъ его развалинами, или, чтобы въ среду ихъ закралась измѣна, борьба партій и такъ далѣе; чтобы правительство сдѣлало уступки возставшимъ, надо, чтобы оно или дѣйствительно не имѣло средствъ подавить возстаніе, или потерялось на столько, что думало, что не обладаетъ этими средствами, или само предпочитало уступки другимъ возможнымъ

средствамъ возстановить спокойствіе и такъ далѣе. Все это явленія многопричинныя, и мы не можемъ имѣть увѣренности, что получимъ ихъ, приведя въ дѣйствіе только причину, которую указываетъ Льюсъ. Мы можемъ обложить городъ и не дождаться его сдачи, разбить непріятеля и не видать его бѣгства и прочее. Раскрыть ту совокупность причинъ, которая неизмѣнно и безусловно ведетъ къ бѣгству непріятеля, сдачѣ города, уступкамъ правительства, при посредствѣ методы различія не возможно.

Приведенные выводы добыты Льюсомъ не прямо методой различія, а при посредствѣ этой методы, измѣненной и усовершенствованной слѣдующими двумя поправками. Первая заключается въ требованіи, чтобы причина, которой приписывается извѣстное дѣйствіе, была способна произвести его; вторая —въ необходимости исключать содѣйствующія причины (I, 348, § 7, 374, § 15).

«Мы уже должны знать, говоритъ онъ, что причина, которой мы приписываемъ извѣстное дѣйствіе въ извѣстномъ случаѣ, можетъ произвести это дѣйствіе. Такъ, если мы заключаемъ, что пораженіе арміи въ данной битвѣ было причиной ея бѣгства, мы основываемъ наше заключеніе на чемъ-то иномъ помимо того, что даетъ разсматриваемый случай. Мы уже знаемъ, что пораженіе есть достаточная причина бѣгства, и что бѣгство есть естественное послѣдствіе пораженія».—Приведенное мѣсто показываетъ, какъ Льюсъ далекъ отъ точки зрѣнія индуктивной логики, хотя и усвоиваетъ ея пріемы. Индуктивная логика указываетъ на методу различія именно какъ на одно изъ средствъ раскрытія причинной связи явленій. Льюсъ же думаетъ, что обращаясь къ этой методѣ, мы должны уже знать причинную связь явленій; метода же различія можетъ служить намъ только для распространенія этой связи на новые случаи. Но если мы знаемъ, какая причина производитъ какое слѣдствіе, мы все знаемъ. Весь вопросъ именно въ томъ и заключается, какъ это узнать?

«Разсуждая о причинной связи явленій, говоритъ Льюсъ, мы должны или обобщать индивидуальные случаи путемъ индукціи, или при посредствѣ предшествующей индукціи уже знать, что извѣстная причина способна произвести приписываемое ей дѣйствіе». Такимъ образомъ, мы опять приходимъ къ индукціи; предшествующее знаніе также получается путемъ наведенія. Но какими именно пріемами? Этого Льюсъ не говоритъ. Онъ нигдѣ не указываетъ способа, какимъ онъ узналъ, что бѣгство есть естественное послѣдствіе пораженія. Первая поправка, такимъ образомъ, ничего не поправляетъ и самый вопросъ о пріемахъ индукціи оставляетъ открытымъ. Для насъ не важно, что заключеніе «бѣгство есть естественное слѣдствіе пораженія» не вѣрно («естественное слѣдствіе» Льюса мы понимаемъ, какъ необходимое, т. е. неизмѣнное и безусловное; не вѣрность заключенія въ томъ, что бѣгство можетъ быть разсматриваемо только какъ возможное, а ни въ какомъ случаѣ не необходимое слѣдствіе пораженія); для насъ важенъ тотъ логическій пріемъ, въ силу котораго оно получено. А этотъ пріемъ и неразъясненъ. Метода различія, одно изъ важнѣйшихъ орудій наведенія, только распространяетъ на новые случаи то, что мы уже знаемъ, и знаемъ чрезъ посредство «наведенія». Но въ чемъ состоятъ пріемы наведенія, приводящіе изслѣдователя къ знанію общихъ законовъ, остается неизвѣстнымъ.

Вторая поправка заключается въ необходимости исключенія содѣйствующихъ причинъ. Неостанавливаясь на неясности, съ которой поставленъ у Льюса вопросъ объ исключеніи содѣйствующихъ причинъ, ограничимся только однимъ замѣчаніемъ. Самый вопросъ объ исключеніи сопутствующихъ явленій можетъ имѣть значеніе только въ такихъ областяхъ изслѣдованія, которыя допускаютъ произвольные опыты. Только при этомъ условіи есть возможность наблюдать извѣстное явленіе въ сопутствіи обстоятельствъ, какія изслѣдователь счи-

таетъ нужнымъ допустить, и съ исключеніемъ тѣхъ, какія онъ находитъ полезнымъ устранить. Въ политикѣ, какъ не допускающей произвольныхъ опытовъ, не можетъ быть и рѣчи объ исключеніи сопутствующихъ явленій.

Льюсъ и самъ сознаетъ слабость своихъ поправокъ и, конечно, подъ вліяніемъ этого сознанія высказываетъ слѣдующее мнѣніе: «изслѣдованіе послѣдствій законовъ и политическихъ учрежденій при посредствѣ методы различія никогда не дастъ такихъ точныхъ результатовъ, какіе достигаются этой методой въ наукахъ опытныхъ, а вслѣдствіе этого выводы, получаемые пріемомъ различія въ области политики, никогда не могутъ имѣть вполнѣ доказательной силы» (I. 355). Самъ Милль не идетъ далѣе. Онъ также утверждаетъ, что метода различія въ примѣненіи къ политикѣ не даетъ точныхъ результатовъ.

Но Льюсъ думаетъ, что есть случаи, по отношенію къ которымъ этотъ строгій приговоръ не имѣетъ мѣста. Точные результаты, по его мнѣнію, можно получить въ вопросахъ о послѣдствіяхъ новыхъ законовъ. «Два послѣдовательныхъ состоянія одного и того же общества (до и послѣ изданія новаго закона) могутъ слѣдовать одно за другимъ такъ быстро, и отсутствіе всякихъ другихъ измѣненій (кромѣ вступленія въ силу новаго закона) можетъ быть такъ очевидно, что выводъ можетъ быть свободенъ отъ всякихъ сомнѣній. Если новый законъ приведенъ въ дѣйствіе, мы можемъ при посредствѣ методы различія съ точностью опредѣлить его слѣдствія, едва все остальное осталось неизмѣннымъ. Предположимъ, что вся совокупность причинъ, дѣйствовавшихъ въ извѣстномъ обществѣ передъ изданіемъ закона, можетъ быть выражена буквами А Б С; что дѣйствіе ихъ было *а б с*; новый законъ обозначимъ буквой Д. Допустимъ, что по его изданіи слѣдствія видоизмѣнились, и вмѣсто *а б с* мы получили *а б с д*. На основаніи этихъ данныхъ мы можемъ заключить, что *д* есть слѣдствіе привзошедшей причины Д, если, ко-

нечно, Д способно произвести *д*» (I. 353, § 9). — Такое заключеніе было бы вѣрно, если бы политическія явленія были однопричинны. При многопричинности же ихъ сдѣланный Льюсомъ выводъ бездоказателенъ. Изъ приведенныхъ данныхъ можно вывести только такое заключеніе: А Б С безъ соединенія съ Д можетъ дать только *а б с*; *а б с д* получается какъ результатъ с о е д и н е н н о й причины А Б С Д. Но идти далѣе и заключать, что Д одно, безъ соединенія съ А Б С, можетъ дать *д* нѣтъ основанія. И дѣйствительно, новый законъ производитъ извѣстныя послѣдствія только при данныхъ условіяхъ; при условіяхъ измѣнившихся онъ дастъ и иные результаты. Всѣмъ извѣстно, что не все равно, когда изданъ новый законъ: въ 1871 или въ 1874 году. Въ первомъ году онъ можетъ быть умѣстенъ и полезенъ, въ послѣднемъ появленіе его можетъ быть уже поздно. Извѣстное дѣйствіе закона, такимъ образомъ, не можетъ быть приписываемо одному закону, внѣ связи съ условіями времени и мѣста, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ. Отсюда *д* не можетъ быть разсматриваемо какъ результатъ одного Д, а всей совокупности А Б С Д. Метода различій не примѣнима къ выдѣленію спеціальнаго дѣйствія новаго закона [1]).

---

[1]) До какой степени Льюсъ далекъ отъ истинныхъ требованій индуктивной методы, видно изъ § 13, главы IX, гдѣ онъ говоритъ: „Процессъ, при помощи котораго метода различія должна быть исправляема въ цѣляхъ примѣненія къ политическимъ и историческимъ вопросамъ, можетъ быть уясненъ тѣми пріемами, которые употребляются въ судахъ для опредѣленія, при посредствѣ уликъ, лица совершившаго преступленіе. Для примѣра возьмемъ обыкновенный случай ночнаго воровства со взломомъ. Все, что можно вывести изъ наблюденія мѣста совершенія покражи, заключается въ слѣдующемъ: имущество похищено кѣмъ то, забравшимся въ домъ ночью и при посредствѣ взлома. Если мы обозначимъ совокупность этихъ обстоятельствъ буквой *а*, то мы будемъ имѣть неопредѣленное число лицъ А, Б, С, Д и такъ далѣе, которыя могли совершить это *а*. Но если мы прибавимъ новое обстоятельство *б*, состоящее въ томъ, что часть украденнаго имущества найдена у А, Б и С, въ такомъ случаѣ, изъ безконечнаго ряда лицъ выдѣлятся три, какъ возможные винов-

Что касается нѣмецкой философской науки, то по особенностямъ своего направленія, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ своихъ представителей, она и не могла посвятить должнаго вниманія методологическимъ взглядамъ Милля. Относясь съ недовѣріемъ къ наблюденію внѣшнихъ явленій, какъ источнику нашихъ познаній о государствѣ, она отрицаетъ значеніе индукціи вообще, а не какихъ либо особыхъ ея пріемовъ. Таковъ, для примѣра, Рёдеръ [1]). Иначе относится къ этому вопросу Р. Моль. Въ своей знаменитой исторіи и литературѣ государственныхъ наукъ онъ со свойственнымъ ему безпристрастіемъ, осторожностью и спокойствіемъ сужденія отдаетъ должное «блестящему остроумію и вѣрной оцѣнкѣ», съ которыми Милль отнесся къ различнымъ способамъ изслѣдованія. Но вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ такое ограничительное замѣчаніе: «можетъ быть, однако, Милль придалъ слишкомъ большое значеніе трудностямъ изслѣдованія въ области государственной жизни и вмѣсъ тѣмъ не въ мѣру умалилъ значеніе нѣкоторыхъ относитель-

---

ники преступленія. Если мы, далѣе, прибавимъ третье обстоятельство *c*, состоящее въ томъ, что слѣдъ ноги А найденъ во многихъ мѣстахъ около окна того дома, въ которомъ совершено похищеніе, мы можемъ освободить В и С отъ обвиненія въ участіи въ кражѣ, и, въ силу соединенія условій *abc* на одномъ А, возложить на него одного всю вину". Такимъ образомъ, сужденіе по уликамъ выставляется какъ образецъ, которому должно слѣдовать наведеніе въ политикѣ! Въ дѣйствительности отношеніе этихъ двухъ пріемовъ такое: наведеніе должно привести къ точному знанію; сужденіе же по уликамъ можетъ дать только приблизительное. Заключенія, получаемыя послѣднимъ путемъ, до такой степени неточны, что законъ даже не считаетъ возможнымъ взять на себя опредѣленіе суммы уликъ, достаточныхъ для обвиненія; онъ предоставляетъ это дѣло совѣсти присяжныхъ. Пріемы этого неточнаго знанія ни въ какомъ случаѣ не могутъ вести къ исправленію методы различія въ ея примѣненіи къ политикѣ.

[1]) Grundzüge des Naturrechts, § 13: „индуктивная метода естественныхъ наукъ неприложима, ибо только въ природѣ данная причина съ необходимостью производитъ свое слѣдствіе. Въ духовной же области нравственная свобода человѣка вліяетъ на причину и мѣняетъ ея дѣйствіе".

но полезныхъ пріемовъ изученія» (III, 366). Для насъ было бы въ высшей степени поучительно ознакомиться съ болѣе подробными указаніями возможныхъ преувеличеній Милля, сдѣланными такимъ крупнымъ ученымъ авторитетомъ, какъ Р. Моль. Но, сколько мы знаемъ, онъ ограничивается приведеннымъ намекомъ на недостатки, нигдѣ не останавливаясь съ большею подробностью на критикѣ методологическихъ воззрѣній Милля.

При непримѣнимости четырехъ наиболѣе точныхъ пріемовъ наведенія, въ распоряженіи государственныхъ наукъ остается пріемъ наведенія чрезъ простое перечисленіе (inductio per enumerationem simplicem ubi non reperitur instantia contradictoria). Задача наблюденія сводится, такимъ образомъ, къ подмѣтѣ единообразій сосуществованія и послѣдованія и къ обобщенію этихъ единообразій, какъ скоро не представляется противорѣчій наблюденнымъ сходствамъ. Это первый шагъ положительной методы. Онъ долженъ привести къ ряду общихъ положеній, выражающихъ признаки, свойственные цѣлому классу наблюдаемыхъ явленій (M., II, 495 и сл.). — Для этой цѣли необходимо сравнительное наблюденіе явленій исторической жизни человѣка. Подъ сравнительнымъ наблюденіемъ положительная метода разумѣетъ, во первыхъ, сличеніе различныхъ формъ человѣческаго общежитія, единовременно наблюдаемыхъ въ разныхъ частяхъ земнаго шара и, по возможности, совершенно независимыхъ другъ отъ друга. Такое сличеніе совершенно различныхъ формъ должно повести къ раскрытію необходимыхъ условій существованія всякаго общества. Въ область сравненія въ этомъ смыслѣ входитъ изученіе соціальныхъ явленій при возможно разнообразныхъ условіяхъ; взору наблюдателя могутъ при этомъ открыться общія черты самыхъ различныхъ соціальныхъ состояній. Эти общія черты должны быть описаны, уяснены въ своихъ особенностяхъ и, насколько наблюденіе не представляетъ

противорѣчій, сведены въ общія группы. — Но этотъ пріемъ сравненія единовременныхъ состояній имѣетъ и свои важныя неудобства. Онъ вовсе не обращаетъ вниманія на послѣдовательность явленій, разсматривая ихъ только съ точки зрѣнія сосуществованія. Отсюда, этотъ первый пріемъ сравненія, въ своей исключительности, можетъ повести къ ошибочнымъ заключеніямъ относительно причинной связи изучаемыхъ явленій. Причина того или другаго явленія можетъ быть приписана сосуществующимъ съ нимъ особенностямъ климата, свойствамъ расы и т. п., тогда какъ въ дѣйствительности она можетъ заключаться въ особенностяхъ историческаго возраста изучаемыхъ націй. — Чтобы избѣжать этихъ ошибочныхъ заключеній, необходимо къ первому пріему сравненія присоединить второй, именно сравненіе историческое. Подъ историческимъ сравненіемъ разумѣется сопоставленіе различныхъ ступеней послѣдовательнаго измѣненія одного и того же общества. Ближайшая причина каждаго даннаго состоянія общества есть, конечно, состояніе общества непосредственно ему предшествовавшее. Сопоставленіе разныхъ послѣдовательныхъ состояній общества должно повести къ раскрытію законовъ послѣдовательности одного состоянія за другимъ. Историческій пріемъ, съ точки зрѣнія положительной методы, есть краеугольный камень государственныхъ наукъ. Преимущественная важность его объясняется тѣмъ необходимымъ и неизбѣжнымъ вліяніемъ, которое оказывается всей вереницей предшествующихъ поколѣній на послѣдующія. Сумма этихъ вліяній, въ теченіи вѣковъ все болѣе и болѣе возростающая, составляетъ преобладающее и характеристическое явленіе соціальной жизни, которая не можетъ быть понята безъ исторіи. — Историческое сравненіе должно идти рука объ руку съ сравненіемъ въ первомъ смыслѣ. То есть, послѣдовательные переходы одного состоянія общества въ другое необходимо наблюдать у различныхъ народовъ и дѣлать общіе выводы отъ возможно большаго числа наблюден-

ныхъ единообразій. Кромѣ того, современное состояніе различныхъ человѣческихъ обществъ представляетъ примѣры общежитія на самыхъ различныхъ ступеняхъ историческаго развитія человѣчества, начиная съ дикихъ обитателей острововъ Тихаго Океана и оканчивая наиболѣе развитыми народами Европы. Дѣйствительная современная жизнь представляетъ, такимъ образомъ, возможность непосредственнаго наблюденія такихъ раннихъ ступеней человѣческаго развитія, о которыхъ и исторія не всегда сохраняетъ достаточно полныя свѣдѣнія. Сравнительное наблюденіе въ первомъ смыслѣ можетъ и должно служить пополненіемъ и повѣркой чисто историческаго наблюденія (С. IV, 418—462).

Историческая метода въ приведенномъ смыслѣ существенно отличается отъ методы нѣмецкой исторической школы какъ въ точкахъ отправленія, такъ и въ цѣляхъ. Что касается точекъ отправленія, то она исходитъ не отъ смутнаго представленія о народномъ сознаніи, а отъ всей совокупности историческихъ причинъ, которой условливается извѣстный общественный бытъ. Что касается цѣлей, она ставитъ ихъ совсѣмъ иначе, чѣмъ нѣмецкая школа. Ея цѣли—раскрытіе общихъ законовъ, въ силу которыхъ одно общественное состояніе вызывается другимъ, а не разъясненіе только даннаго права изъ данныхъ источниковъ. — Да не будетъ принято это замѣчаніе за осужденіе пріемовъ нѣмецкой исторической школы, оказавшей несомнѣнныя и важныя услуги обработкѣ положительнаго права. Мы уже выше замѣтили, что въ области вопросовъ положительнаго права, пріемы исторической школы совершенно на своемъ мѣстѣ. Ихъ несостоятельность раскрывается только при переносѣ въ область теоріи. Но въ этомъ виновата не историческая школа, которая была создана своими основателями для потребностей положительнаго, а не философскаго права; вина въ этомъ падаетъ единственно на представителей философскаго государственнаго права, которые, не будучи въ со-

стояніи довольствоваться чисто философскими пріемами, и невольно подчиняясь направленію, внесенному въ ученые труды исторической школой, усвоили себѣ ея пріемы, не приведя ихъ въ соотвѣтствіе съ особыми задачами своей философской науки.

Таковы пріемы сравнительнаго наблюденія. Получаемыя этимъ путемъ обобщенія имѣютъ единственно значеніе такъ называемыхъ эмпирическихъ законовъ. Что же такое эмпирическіе законы и чѣмъ отличаются они отъ законовъ природы въ строгомъ смыслѣ этого слова? Подъ эмпирическими законами разумѣются такія единообразія сосуществованія или послѣдованія, которыя считаются вѣрными только по отношенію къ случаямъ, лежащимъ въ границахъ сдѣланнаго наблюденія, такъ какъ они не представляютъ ручательства, что окажутся также вѣрными и внѣ этихъ границъ; это или потому, что наблюденное послѣдующее не есть дѣйствительно слѣдствіе своего предшествующаго, но вмѣстѣ съ нимъ входитъ въ одну общую цѣпь слѣдствій, вытекающихъ изъ одной высшей причины, еще не открытой; или потому, что есть основаніе думать, что причина извѣстнаго слѣдствія сложная, то есть, что оно условливается соединеніемъ нѣсколькихъ причинъ, и вслѣдствіе этого наступленіе его можетъ встрѣтить препятствіе со стороны множества намъ неизвѣстныхъ обстоятельствъ. (Здѣсь разумѣются обстоятельства, стоящія въ связи съ отдѣльными причинами, входящими въ составъ причины сложной, но которыя еще не раскрыты въ своихъ особенностяхъ.) Истина эмпирическаго закона, такимъ образомъ, не абсолютна, а зависитъ отъ нѣкоторыхъ болѣе общихъ условій; вслѣдствіе этого, эмпирическіе законы могутъ быть распространяемы на новые случаи только тогда, когда есть увѣренность, что эти общія условія осуществлены и въ новыхъ случаяхъ (М. II, 37 и сл., 440; ср. еще I, 341 и сл., 351 и сл.). Поясникъ сказанное примѣрами. Прежде чѣмъ были разъяснены законы движенія

небесныхъ тѣлъ, было уже подмѣчено періодическое возвращеніе планетъ. Это наблюденное единообразіе въ движеніи планетъ оставалось на степени эмпирическаго закона до тѣхъ поръ, пока не были открыты общіе законы движенія, которыми оно условливалось (М. II, 37). Подобно этому, имѣютъ значеніе только эмпирическихъ законовъ и такія положенія, какъ: «старые люди отличаются осторожностью въ поступкахъ, а молодые опромѣтчивостью». Молодые люди скоры въ своихъ рѣшеніяхъ не потому, что они мало жили, какъ старые осторожны не потому, что жили долго; различіе въ лѣтахъ не есть причина подмѣченнаго единообразія, и не вѣрно будетъ сказать всѣ старики осторожны и всѣ молодые опромѣтчивы. Осторожность старыхъ, главнымъ образомъ, если не единственно, условливается тѣмъ, что въ теченіи многихъ лѣтъ своей жизни они имѣли возможность собственнымъ опытомъ ознакомиться съ ея различными опасностями и, страдая отъ нихъ сами, или наблюдая страданія другихъ, причиняемыя быстротой и необдуманностью рѣшеній, могли навыкнуть къ осторожности; тогда какъ молодые люди столько же отъ отсутствія подобнаго навыка, сколько и отъ бо̀льшей напряженности своихъ наклонностей, съ бо̀льшею силою увлекающей ихъ къ дѣятельности, отдаются приманкамъ жизни съ меньшею обдуманностью. Таково объясненіе подмѣченнаго единообразія (эмпирическаго закона) относительно отличительныхъ свойствъ характера молодыхъ и старыхъ людей. Оно указываетъ тѣ общія условія, которыми точно опредѣляется граница, въ предѣлахъ которой приведенный эмпирическій законъ имѣетъ дѣйствіе, и, такимъ образомъ, служитъ руководящей нитью для его примѣненія. При посредствѣ этого объясненія легко можно указать случаи, въ которыхъ разсматриваемый эмпирическій законъ не долженъ обнаружить своего дѣйствія. Если старый человѣкъ не чаще молодаго встрѣчался лицомъ къ лицу съ опасностями и затрудненіями, онъ не будетъ предусмотрительнѣе

его; и наоборотъ, если молодой не одаренъ особой пылкостью стремленій, онъ будетъ также мало предпріимчивъ, какъ и старикъ. Есть старики опромѣтчивые и молодые люди — осторожные (М. II, 441).

Характеристическая особенность эмпирическихъ законовъ заключается, такимъ образомъ въ томъ, что это законы производные отъ другихъ высшихъ, которые еще не раскрыты. Какъ законы производные и не объясненные въ своемъ источникѣ, они и не должны быть переносимы на такіе случаи, которые сколько нибудь различаются отъ тѣхъ, въ которыхъ они непосредственно были подмѣчены. Дѣйствительная граница, въ предѣлахъ которой дѣйствуютъ такіе законы, опредѣлится только тогда, когда будетъ объясненъ эмпирическій законъ, т. е. указана его причина. До этого объясненія эмпирическіе законы должны почитаться вѣрными только въ тѣхъ границахъ времени, пространства и обстоятельствъ, въ которыхъ были найдены.

Что именно таковы всѣ обобщенія, получаемыя путемъ сравнительной методы, это объясняется, во первыхъ, несовершенствомъ самой методы наведенія, возможной въ государственныхъ наукахъ, во вторыхъ, многопричинностью соціальныхъ явленій.

Что касается самой методы сравнительнаго наблюденія, то, какъ уже выше было замѣчено, она не идетъ далѣе наведенія чрезъ простое перечисленіе. Въ вопросахъ сосуществованія и послѣдованія подмѣчаются единообразія, которыя затѣмъ и обобщаются, насколько не замѣчается противорѣчій этимъ единообразіямъ. Это самый несовершенный способъ индукціи, но при невозможности опытовъ и сложности причинъ единственно возможный въ соціальныхъ наукахъ. Такъ какъ единообразія подмѣчаются при цѣлой совокупности данныхъ условій, то основанные на нихъ выводы и не могутъ быть переносимы въ усло-

вія, сколько нибудь различающіяся, безъ опасности получить невѣрное заключеніе [1]).

Другая причина, въ силу которой всѣ обобщенія сравнительной методы должны быть принимаемы только за эмпирическіе законы, заключается въ сложности соціальныхъ феноменовъ. Предшествующее каждаго соціальнаго явленія до крайности сложно; послѣдствія этого сложнаго предшествующаго, покрайней мѣрѣ отчасти, объясняются сложеніемъ послѣдствій, отдѣльныхъ элементовъ предшествующаго. Такимъ образомъ, открываемый наблюденіемъ законъ единообразія послѣдованій будетъ всегда закономъ производнымъ отъ законовъ, управляющихъ отдѣльными элементами каждаго предшествующаго (М. II, 45 сл.).

И такъ, всѣ единообразія, открываемыя путемъ сравнительно-историческаго пріема не идутъ далѣе эмпирическихъ законовъ. Несовершенства, свойственныя такого рода законамъ, сами указываютъ и на ту поправку, къ которой необходимо обратиться съ цѣлью болѣе точно опредѣлить пространство ихъ дѣйствія и, такимъ образомъ, дать изслѣдователю возможность распространять ихъ и на новые случаи. Эмпирическіе законы, какъ было указано, суть законы производные; граница дѣйствія ихъ опредѣляется тѣми основными законами, отъ которыхъ они проис-

[1]) Для болѣе нагляднаго уясненія сказаннаго, заимствуемъ самый простой примѣръ изъ логики Милля. Положеніе «лебеди бѣлы» получилось простымъ перечисленіемъ всѣхъ доступныхъ наблюденію лебедей, при чемъ (до самаго послѣдняго времени) не было извѣстно ни одного противорѣчія. Но такъ какъ это положеніе есть плодъ одного перечисленія, и причина, почему лебеди бѣлы, неизвѣстна, то его и не слѣдуетъ переносить за границы того пространства, въ предѣлахъ котораго было сдѣлано наблюденіе. За этими границами, въ силу существованія иныхъ условій, могутъ найдтись и не бѣлые лебеди. И дѣйствительно, вскорѣ по открытіи Австраліи, естествоиспытатели узнали о существованіи черныхъ лебедей.— Допуская переносъ такого рода обобщеній (т. е. эмпирическихъ законовъ) за предѣлы границъ, въ которыхъ они были сдѣланы, Негры Африки могли бы придти къ заключенію, что «всѣ люди чернокожи». I, 348.

ходятъ. Чтобы найдти эту границу, нужно, слѣдовательно, привести ихъ въ связь съ тѣми первоначальными законами, которыми они объясняются. Здѣсь начинается дѣло втораго пріема положительной методы—выведенія (дедукція). Первый и существенный вопросъ всякой дедукціи есть вопросъ объ исходномъ ея пунктѣ, о томъ высшемъ началѣ, которое служитъ основаніемъ всего послѣдующаго выведенія. Положительная метода исходнымъ началомъ своего выведенія признаетъ законы духовной человѣческой природы (законы психологіи и этологіи). Въ основаніи этого взгляда лежитъ слѣдующая мысль. Люди, соединенные въ общества, продолжаютъ оставаться людьми; ихъ страсти и дѣйствія продолжаютъ подчиняться законамъ, управляющимъ индивидуальной человѣческой природой. Въ качествѣ членовъ общества люди не превращаются въ иной родъ существъ, съ иными свойствами, подобно тому, какъ кислородъ и водородъ, превращаясь въ извѣстномъ соединеніи въ воду, совершенно неузнаваемы въ этомъ новомъ видѣ, или какъ водородъ, кислородъ, углеродъ и азотъ неузнаваемы въ нервахъ, мускулахъ и сухожильяхъ, въ составъ которыхъ они входятъ. Человѣческія существа въ разнаго рода соціальныхъ соединеніяхъ не имѣютъ иныхъ свойствъ кромѣ тѣхъ, которыя вытекаютъ и, вслѣдствіи этого, могутъ быть объяснены законами индивидуальной человѣческой природы. Законы соціальныхъ феноменовъ, такимъ образомъ, не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ законами дѣйствій и страстей человѣческихъ существъ, соединенныхъ въ общества. Отсюда, послѣдованіе соціальныхъ состояній однихъ за другими не можетъ имѣть своихъ особыхъ законовъ, независимыхъ отъ тѣхъ, которымъ подчинена человѣческая природа; оно должно, слѣдовательно, объясняться психологическими и этологическими законами, которые управляютъ дѣйствіями обстоятельствъ на человѣка и человѣка на обстоятельства (C. IV. 466 и слѣд., M. II. 461 и слѣд.).

Эмпирическіе законы, получаемые путемъ сравнительно-исто-

рическаго наведенія, должны быть, слѣдовательно, приведены въ связь съ законами человѣческой природы. Только такіе эмпирическіе законы могутъ получить значеніе законовъ общихъ, примѣнимыхъ и къ новымъ случаямъ, которые будутъ оправданы дедуктивно изъ законовъ человѣческой природы. Дедукція должна идти по стопамъ индукціи и подкрѣплять каждый изъ ея выводовъ.

Въ разъясненіе вопроса о взаимномъ отношеніи двухъ разсмотрѣнныхъ пріемовъ, наведенія и выведенія, необходимо обратить особое вниманіе на то, что дедукція имѣетъ значеніе только провѣрки тѣхъ единообразій сосуществованія и послѣдовательности, которыя будутъ раскрыты сравнительно-историческимъ наведеніемъ. Первый шагъ принадлежитъ наведенію, за нимъ уже слѣдуетъ выведеніе, какъ повѣрка. Обратный же путь невозможенъ. То есть, невозможно апріорно вывести изъ законовъ человѣческой природы тотъ порядокъ, которому должно слѣдовать развитіе человѣческихъ обществъ. Эта невозможность условливается привходящимъ постоянно все въ бо̀льшей и бо̀льшей пропорціи вліяніямъ предшествующихъ поколѣній на послѣдующія. Это вліяніе, по мѣрѣ дальнѣйшаго историческаго роста человѣчества, получаетъ все бо̀льшее и бо̀льшее значеніе надъ всѣми другими, такъ что въ концѣ концовъ извѣстное состояніе общества гораздо въ бо̀льшей мѣрѣ есть плодъ всей предшествовавшей исторіи, чѣмъ первоначальныхъ и простыхъ свойствъ человѣческой природы. Исходя изъ простыхъ законовъ человѣческой природы, предусмотрѣть напередъ весь длинный рядъ чрезвычайно сложныхъ вліяній обстоятельствъ на человѣка и человѣка на обстоятельства—есть задача превосходящая ограниченныя средства человѣческаго ума. Даже и въ томъ случаѣ, когда наведеніе пришло къ установленію эмпирическихъ законовъ, не всегда бываетъ возможно доказать путемъ дедукціи изъ законовъ человѣческой природы, что именно таковъ долженъ быть порядокъ послѣдованія соціальныхъ феноме-

новъ. Часто приходится довольствоваться менѣе точнымъ заключеніемъ, что никакой другой порядокъ *такъ не соотвѣтствуетъ* природѣ человѣка, какъ открытый наведеніемъ, или даже, что такой порядокъ только *возможенъ* на основаніи законовъ человѣческой природы. Дедукція же этого порядка безъ посредства наведенія—положительно невозможна: самая ничтожная и весьма возможная ошибка въ одномъ изъ верхнихъ звеньевъ дедукціи сдѣлаетъ невѣрной всю послѣдующую работу (C. IV. 477—496; M. II,. 501—523).—Единственно возможный, такимъ образомъ, способъ изслѣдованія соціальныхъ феноменовъ состоитъ сперва, въ раскрытіи эмпирическихъ законовъ путемъ сравнительно-историческаго наведенія, а за тѣмъ уже въ повѣркѣ полученныхъ единообразій дедукціей, т. е., въ указаніи, что на основаніи законовъ человѣческой природы именно таковы должны быть производные законы человѣческаго развитія, или, если такой строгій выводъ не можетъ имѣть мѣста, —что полученныя единообразія, по крайней мѣрѣ, согласуются съ законами человѣческой природы.

Указанное стремленіе возвести соціальныя явленія къ законамъ человѣческой природы не составляетъ, однако, исключительной особенности положительной методы. Подъ ея вліяніемъ или нѣтъ, но оно весьма распространено и въ нѣмецкой политической литературѣ. Человѣческую природу одинаково ставятъ во главу своего ученія о государствѣ какъ Аренсъ, такъ Штейнъ и Блюнчли, не смотря на все различіе ихъ философскихъ воззрѣній. Но ученый пріемъ, являющійся въ нѣмецкой литературѣ весьма смутно, а иногда и поразительно невѣрно (какъ, напримѣръ, параллель между органами государственной власти и свойствами человѣческой личности, или такая же параллель между устройствомъ государства и строеніемъ человѣческаго тѣла), получаетъ свою правильную постановку только въ положительной методѣ.

Едвали нужно прибавлять, что разработка законовъ человѣ-

ческой природы не входитъ въ область государственныхъ наукъ; она составляетъ задачу спеціальныхъ отраслей вѣдѣнія. Наука о государствѣ пользуется уже готовыми результатами психологіи и этологіи. Отсюда, успѣхи государственныхъ наукъ стоятъ въ прямой зависимости отъ успѣховъ наукъ, разрабатывающихъ законы духовной человѣческой природы.

Таковы ученые пріемы положительной методы. Но даже и при неукоснительномъ ихъ примѣненіи наука о государствѣ не можетъ быть названа въ строгомъ смыслѣ наукой точной. Идеальнаго совершенства политическія науки достигли бы тогда, еслибы они дали возможность съ такою же точностью предсказывать соціальные феномены, съ какою астрономія предсказываетъ явленія звѣзднаго неба. Такіе результаты въ области политики ни въ какомъ случаѣ не достижимы. Но это не потому, чтобы соціальныя явленія не управлялись постоянными законами, а только по причинѣ крайней сложности этихъ явленій, и проистекающей отсюда невозможности привести въ извѣстность всѣ данныя, отъ которыхъ они зависятъ. Соціальные феномены, поскольку дѣйствующимъ лицемъ въ нихъ является человѣкъ, суть результаты взаимнаго и крайне переплетеннаго вліянія двухъ факторовъ: внѣшнихъ обстоятельствъ и характера человѣческаго. Характеръ же человѣка слагается подъ вліяніемъ столь многочисленныхъ и разнообразныхъ условій, что нельзя привести двухъ случаевъ, въ которыхъ эти условія были бы совершенно одинаковы. Если бы даже, съ теоретической точки зрѣнія, политическія науки и достигли полнаго совершенства, все же, по невозможности собрать всѣ данныя и по различію ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, они никогда не будутъ въ состояніи выставить рядъ такихъ общихъ научныхъ положеній, на основаніи которыхъ были бы возможны точныя предсказанія (М. II. 425).

Но научныя положенія, недостаточныя для предсказаній,

могутъ быть совершенно достаточны для руководства ежедневной политикой (М. II. 459). Есть области вѣдѣнія, въ которыхъ положенія приблизительно вѣрныя могутъ имѣть значеніе положеній безусловно вѣрныхъ. Такова область практической политики. Она имѣетъ дѣло не съ дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыхъ массъ. Для государственнаго человѣка, вслѣдствіи этого, достаточно знать, что большинство людей дѣйствуетъ въ извѣстномъ направленіи. Онъ можетъ довольствоваться этимъ приблизительнымъ обобщеніемъ, ибо то, что только вѣроятно, когда утверждается о каждомъ отдѣльномъ лицѣ, взятомъ на удачу, будетъ безусловно вѣрно, когда утверждается о характерѣ народныхъ массъ. Приблизительныя обобщенія для практическихъ цѣлей наукъ политическихъ равняются точнымъ выводамъ (М. II. 134—5, 426).

ПРИЛОЖЕНІЕ. СОЛИДАРНОСТЬ И ЕДИНООБРАЗІЕ СОЦІАЛЬНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ.

Ученіе, отправляющееся отъ признанія постоянныхъ законовъ, управляющихъ историческими судьбами человѣка, и составляющее исходную точку положительной методы, въ послѣднее время пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ среди ученыхъ мыслителей Европы и мало по малу дѣлается достояніемъ какъ ежедневной журнальной литературы, такъ и парламентскихъ преній о всѣхъ возможныхъ вопросахъ политики. Въ виду этого несомнѣнно возрастающаго распространенія основныхъ идей положительной методы, мы далеки отъ притязанія взять на себя трудъ рядомъ историческихъ наблюденій доказывать, что дѣйствительно ходъ человѣческаго развитія обнаруживаетъ несомнѣнныя единообразія какъ сосуществованія явленій, такъ и ихъ послѣдовательности. Не для доказательства, а только для болѣе нагляднаго уясненія приведеннаго выше закона солидарности соціальныхъ явленій и возможности придти путемъ

историко-сравнительнаго наблюденія къ ряду единообразій, мы позволимъ себѣ указать нѣсколько характеристическихъ единообразій въ ходѣ исторической жизни европейскихъ народовъ на самой ранней ступени ихъ государственнаго развитія.

Мы начнемъ съ княжеской эпохи русской исторіи, представляющей одинъ сплошной рядъ согласныхъ явленій, взаимно другъ друга условливающихъ и вполнѣ солидарныхъ.

Исходя изъ того, что отечественные памятники чаще говорятъ о дѣятельности князя, чѣмъ народа, иногда приходятъ къ заключенію, что князь въ древней Россіи былъ такимъ же носителемъ верховной власти, какъ императоръ позднѣйшаго времени; и далѣе, изъ различія великихъ князей и просто князей заключаютъ, что княжеская Россія также представляла одно цѣлое политическое тѣло, какъ представляетъ теперешняя, только не съ императоромъ, а великимъ княземъ во главѣ (весьма обыкновенный переносъ знакомаго настоящаго въ неизвѣстное прошедшее). Такіе выводы уже сами по себѣ, безъ дальнѣйшаго изученія памятниковъ, могутъ показаться сомнительными на томъ основаніи, что въ ту раннюю эпоху, какова княжеская, нельзя допустить тѣхъ средствъ управленія, которыми обладаетъ императорская Россія; а другія средства управленія должны были вызвать и другое устройство. Это предположеніе вполнѣ подтверждается и внимательнымъ изученіемъ источниковъ, которое приводитъ къ убѣжденію, что князь, хотя онъ и чрезвычайно часто является лицомъ дѣйствующимъ, тѣмъ не менѣе, далеко не обладалъ властью императора, и что, не смотря на существованіе великихъ князей, княжеская Россія вовсе не представляла единаго политическаго тѣла.

Императорская эпоха наслѣдовала отъ царской обязательную службу государству всѣхъ и каждаго. Императоры имѣли право распоряжаться этой службой по усмотрѣнію, не спрашиваясь ничьего совѣта и тѣмъ менѣе согласія. Въ ихъ рукахъ сосредоточивалась, такимъ образомъ, громадная

сила, незнавшая иной воли кромѣ императорской. Ничего подобнаго не представляла княжеская Россія. Ближайшіе исполнители княжеской воли были дружинники князя. Но отношенія дружинниковъ къ князю совершенно иныя, чѣмъ отношенія обязанныхъ службою подданныхъ къ императору. Эти отношенія были исключительно добровольныя. У дружинниковъ была *своя воля*. Они не были обязаны службою, а служили, потому что хотѣли, потому что находили службу для себя выгодной. Они, что особенно характеристично, не были соединены съ княземъ даже присягой въ вѣрности, подобно служилымъ людямъ западной Европы (antrustiones). Согласно съ этимъ, служебныя отношенія дружинниковъ къ князю условливались одною ихъ доброю волею, ничѣмъ не связанною. Они оставались при князѣ до тѣхъ поръ, пока сами желали; въ противномъ случаѣ могли отъѣхать. Право свободнаго отъѣзда уничтожается только въ объединенномъ московскомъ государствѣ. — Поземельной связи (помѣстной, ленной) между дружинниками и княземъ — также не было. Какъ у насъ, такъ и на западѣ, она позднѣйшаго происхожденія; у насъ, сколько нибудь замѣтно, она появляется только къ концу княжеской эпохи. — На такой шаткой основѣ, какъ дружина, не могла, конечно, утвердиться безусловная власть князя. Слабая связь князя и дружины не дастъ мѣста предположенію и о болѣе строгой зависимости народа отъ князя. Помимо дружины, князь могъ располагать и силами народа, но также не безусловно, а постольку, поскольку народъ хотѣлъ того же, чего хотѣлъ и князь. Если народъ желалъ принять участіе въ задуманной княземъ войнѣ, онъ помогалъ ему всѣми своими силами, въ противномъ случаѣ предоставлялъ князю дѣйствовать на свой страхъ. Для успѣха своихъ замысловъ, князю надо было или заручиться согласіемъ народа, или, разсчитывая на поддержку дружины, прибѣгнуть къ насилію и, такимъ образомъ, провести свою волю. Исходъ насилія опредѣлялся отношеніемъ столкнувшихся силъ: если князь съ дружиною, въ данномъ случаѣ, былъ сильнѣе народа, онъ ставилъ на своемъ; въ против-

номъ случаѣ, побѣда выпадала на долю народа, и князю приходилось или уступить, или бѣжать. Народъ имѣлъ также свою волю, какъ князь и его дружина. Органъ, въ которомъ выражалась эта народная воля, было вѣче: „Новогородцы бо изначала и Смольняне и Кіяне и Полочане и вся власти (то есть волости) яко же на думу на вѣча сходятся. . . .“ — Тоже начало личной свободы и соглашеній, которымъ опредѣлялись взаимныя отношенія князя, его дружины и народа, проявляется и въ организаціи вѣча. На вѣче сходится весь народъ, но дѣла рѣшаются не по большинству голосовъ, а по соглашенію всѣхъ. Право большинства, какъ представителя интересовъ цѣлаго, въ противоположность къ интересамъ отдѣльныхъ лицъ, еще не было признано. Отсюда, если были несогласные съ мнѣніемъ большинства и если они чувствовали себя достаточно сильными, чтобы вступить съ большинствомъ въ борьбу, между членами вѣча возникала такая же борьба, какъ между княземъ и вѣчемъ. Эта борьба кончалась или побѣдой сильнѣйшей стороны и проведеніемъ ея односторонней воли, или взаимными уступками обѣихъ сторонъ и новымъ соглашеніемъ. Такимъ образомъ, не только народъ въ цѣломъ, но и каждая его часть и даже каждый отдѣльный человѣкъ имѣлъ свою волю и проводилъ ее на свой страхъ, насколько въ его распоряженіи было средствъ.

Въ виду такого неограниченнаго господства личной воли, можно ли допустить, что область русскаго языка, границы которой простирались отъ Финскаго залива и до Чернаго моря, отъ Днѣстра и до Камы, составляла одно политическое тѣло? Предположеніе невѣроятное при той слабости государственной власти, которой характеризуется порядокъ вещей въ княжеской Россіи. Чтобы возможно было такое громадное государство, нужна болѣе сильная центральная власть съ развитыми и самостоятельными органами управленія. Не отвѣчая этимъ необходимымъ условіямъ всякаго большаго государства, княжеская Россія и не составляла единаго государственнаго организма. Это былъ рядъ

небольшихъ городовыхъ общинъ, которыя первоначально сосредоточивались у такихъ центровъ какъ Новгородъ, Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Черниговъ, а въ послѣдствіи покрыли собой почти все пространство теперешней европейской Россіи. Каждая волость составляла особое политическое цѣлое съ своимъ княземъ, вѣчемъ, войскомъ. Въ составъ волости могъ входить не одинъ городъ, а нѣсколько: городъ и его пригороды. Взаимныя отношенія города и пригородовъ были проникнуты тѣмъ же характеромъ личной воли, какъ и отношенія остальныхъ элементовъ волости, которыя мы только что описали. Жители пригородовъ принимали одинакое участіе въ вѣчевой жизни волости, какъ и жители главнаго города. Они или соглашались съ ихъ рѣшеніями, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ между пригородомъ и городомъ также возникала рознь и борьба, которая могла окончиться или торжествомъ города, какъ сильнѣйшаго, или обоюдными уступками, или, наконецъ, отдѣленіемъ пригорода въ отдѣльную волость. Такъ отдѣлился отъ Новгорода—Псковъ, отъ Ростова — Владиміръ. Путемъ этихъ отдѣленій и происходило увеличеніе первоначальнаго числа волостей. — Наконецъ, тѣмъ же началомъ проникнуты и взаимныя отношенія отдѣльныхъ князей, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ волостей. Какъ волости были независимы одна отъ другой, такъ и ихъ князья. Если они дѣйствовали вмѣстѣ, то по соглашенію. Взаимныя отношенія князей опредѣлялись договорами, содержаніе которыхъ условливалось отношеніемъ интересовъ и силъ договаривающихся сторонъ. Если нельзя было придти къ соглашенію, князья находились въ состояніи розни, для рѣшенія которой также приходилось обращаться къ суду Божію. — Мы ограничиваемся этой краткой характеристикой явленій общественной жизни княжеской эпохи нашей исторіи, отсылая желающихъ ознакомиться съ этимъ предметомъ ближе къ нашему историческому изслѣдованію „Вѣче и князь“.

Всѣ явленія нашей древней жизни поразительно солидарны! Довольно взять одно изъ нихъ и по его особенностямъ

можно уже предугадывать особенности другихъ. Если будетъ позволено такъ выразиться, общественный бытъ древней Россіи былъ высѣченъ изъ одного цѣльнаго камня и одной рукой.—Совершенно иной вопросъ, хорошъ или нѣтъ представляемый этимъ бытомъ порядокъ вещей? Вопросъ объ относительномъ достоинствѣ извѣстнаго общественнаго порядка вполнѣ законенъ, но онъ внѣ задачи, которую мы поставили себѣ въ настоящемъ случаѣ. Насъ занимаетъ не оцѣнка этого порядка съ современной точки зрѣнія пользъ и нуждъ государственныхъ, а только согласіе всѣхъ сосуществующихъ его элементовъ.

Указанное преобладаніе индивидуальной воли надъ государственной, частнаго элемента надъ общимъ и условливаемый этимъ преобладаніемъ общественный порядокъ не составляютъ, однако, исключительной особенности древне-русскаго государственнаго быта. Съ явленіями такого же рода мы встрѣчаемся и у многихъ другихъ европейскихъ народовъ на той же ранней ступени ихъ государственнаго развитія. Въ западной Европѣ прежде всего привлекаютъ на себя вниманіе наблюдателя Германцы, какъ они описаны у Тацита. У нихъ также были единоличные представители власти—цари (reges), какъ у насъ князья, но и имъ не принадлежала неограниченная власть (nec regibus infinita aut libera potestas, VII); даже предводители войска во время войны дѣйствовали болѣе примѣромъ, чѣмъ властью (et duces exemplo potius quam imperio, VII). Согласно съ этимъ, о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ германскіе цари совѣщались съ народомъ (de minoribus rebus principes consultant, de majoribus omnes, XI). На этихъ собраніяхъ народа имъ принадлежало мѣсто не столько въ силу власти повелѣвать, сколько въ силу способности убѣждать (auctoritate suadendi magis, quam jubendi potestate, XI). Если народъ соглашался съ дѣлаемымъ ему предложеніемъ, онъ выражалъ свое одобреніе, потрясая оружіемъ; если оно ему не нравилось, онъ отвергалъ его ропотомъ.

Изученіе особенностей древняго быта Германцевъ привело

профессора Цёпфля къ слѣдующей его характеристикѣ, которая вполнѣ можетъ быть примѣнена и къ нашей древней жизни: „Въ Германіи понятіе свободы, какъ основы права, первоначально проявилось въ формѣ произвола, или субъективнаго рѣшенія отдѣльной личности, которое ограничивалось только мѣрою ея личныхъ силъ. Каждый свободный только въ своей собственной волѣ находилъ основаніе для какого либо обязательства, и въ своемъ собственномъ усмотрѣніи рѣшеніе о томъ, что справедливо и что несправедливо и, слѣдовательно, единственное руководство для своей дѣятельности. Такимъ образомъ, древнѣйшее германское право является какъ право сильнаго. Послѣдніе отголоски этого первоначальнаго взгляда на право, получившіе такую всеобщую и печальную извѣстность подъ именемъ кулачнаго права, удержались въ германіи до самаго XVI вѣка (Zöpfl, Deutsche Rechtsgeschichte, dritte Auflage, 1858, стр. 231 и сл.).

Въ дополненіе къ этой характеристикѣ, я приведу еще два—три примѣра съ цѣлью показать до какой степени близко подходятъ нѣкоторыя черты древне-германскаго устройства къ русскому. Салическій законъ для принятія новаго члена въ марку требуетъ единогласнаго постановленія всѣхъ членовъ марки. Новый членъ не допускался, если былъ хотя одинъ голосъ противъ его принятія. Такъ сильно преобладало частное надъ общимъ!—Какъ русское вѣче не признавало правъ большинства, такъ точно права эти не были признаваемы и въ Германіи и не только при постановленіи рѣшеній отдѣльными общинами, но даже и при избраніи императора. Въ общинныхъ рѣшеніяхъ большинство должно было силой принуждать меньшинство къ принятію его рѣшеній. Совершенно какъ у насъ на вѣчѣ! Что же касается до порядка избранія императора, то избраніе его по простому большинству высказано какъ правило только въ началѣ XIII вѣка. Это положеніе, въ высшей степени важное въ виду тѣхъ смутъ, которыми сопровождалось нерѣдко избраніе, выработалось, однако, не на германской почвѣ. Оно пришло изъ Рима и впервые было высказано

папою Иннокентіемъ III. Чтобы рѣшить споръ объ императорской коронѣ, возникшій между Оттономъ IV и Филиппомъ Швабскимъ, которые были единовременно избраны раздѣлившеюся на партіи коллегіей избирателей и вступили уже въ борьбу, Иннокентій III высказался въ пользу Оттона на томъ основаніи, что на его сторонѣ было простое большинство. Отсюда уже это постановленіе перешло и въ швабское зерцало. Согласно съ этимъ преобладаніемъ частнаго элемента надъ общимъ, древнѣйшій видъ поземельнаго владѣнія былъ не общинный, какъ думаютъ весьма многіе изъ нѣмецкихъ и французскихъ изслѣдователей, а частный. Общинное владѣніе, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, есть продуктъ позднѣйшаго времени. Не имѣя возможности войдти здѣсь въ подробности этого вопроса, ограничимся ссылкой на нашу замѣтку „о времени возникновенія германской поземельной общины“, помѣщенную въ Жур. Мин. Народ. Просв. за 1865, февраль, III отд., стр. 110.

Рядъ явленій, отличающихся тѣмъ же характеромъ преобладанія частнаго надъ общимъ, знаменитый англійскій ученый Кембль подмѣтилъ и у Англо-Саксовъ. Въ главѣ о древнѣйшихъ народныхъ собраніяхъ Англо-Саксовъ (The witena gemót) онъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику ихъ общественнаго быта въ ту эпоху, когда они небольшими партіями вторгались на римскую почву и мало по малу разлагали зданіе римской имперіи: „Принципъ, лежавшій въ основаніи образованія новыхъ политическихъ тѣлъ, заключался въ ассоціаціи съ цѣлью взаимной пользы и взаимной гарантіи вновь пріобрѣтенныхъ земель. Общественное благо составляло непосредственный интересъ каждаго отдѣльнаго члена общества. Въ политическомъ союзѣ, основанномъ на личной свободѣ отдѣльныхъ членовъ, каждый имѣлъ не только право, но и великій интересъ ограждать пользы цѣлаго, ибо чѣмъ менѣе государство, тѣмъ болѣе пользы можно было ожидать даже отъ усилій отдѣльнаго человѣка, направленныхъ къ его благу. Гдѣ свободные люди соединяются на одинакихъ условіяхъ, тамъ воля боль-

шинства должна составлять законъ для государства; (здѣсь авторъ разумѣетъ не выработавшееся позднѣйшею исторіей право большинства представлять цѣлое, а потому спѣшитъ прибавить:) если меньшинство незначительно, оно должно было подчиниться, или потерпѣть пораженіе; если, наоборотъ, оно настолько значительно, что способно къ отдѣльному существованію, оно должно отдѣлиться отъ большинства, отказаться отъ единенія съ нимъ и основать самостоятельный союзъ". Далѣе авторъ въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ дѣятельность древнѣйшихъ народныхъ собраній Англо Саксовъ: „Акты древнѣйшихъ англо-саксонскихъ парламентовъ составляли ничто иное, какъ рядъ мирныхъ договоровъ между всѣми членами, которые входили въ составъ государства; это были постоянно пересматриваемые и постоянно возобновляемые оборонительные и наступательные союзы всѣхъ свободныхъ. Кто хотѣлъ выдти изъ этихъ союзовъ, могъ это сдѣлать, но онъ долженъ былъ принять на себя и всѣ послѣдствія такого поступка" (Kemble, the Saxons in England, 1849, II. VI).

Приведенная характеристика такъ близко подходитъ къ нашимъ древнимъ порядкамъ, что можно подумать, она была написана Кемблемъ по прочтеніи такихъ мѣстъ нашихъ лѣтописей, какъ напримѣръ мѣсто, которымъ лѣтописецъ заключаетъ описаніе новогородской розни, возникшей по поводу убіенія Луки Варфоломеева: „Владыка Василій съ намѣстникомъ Борисомъ докончаша миръ межи ими," т. е. между враждующими новогородскими партіями; или подъ 1388 г.: „И тако быша безъ мира по двѣ недѣли (тѣ же Новогородцы по поводу недовольства посадникомъ Осипомъ Захарьинымъ) и потомъ снидошася въ любовь"; о Новогородцахъ, пріѣхавшихъ въ Торжокъ для защиты этого города отъ тверскаго князя Михаила, читаемъ: „совокупились и соединились съ Новоторжцами и укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ, оже быти и стати за одинъ".

Рядомъ съ этими новыми народами Европы, Славянами и Германцами, могутъ быть поставлены и народы классической

древности, Греки и Римляне. Древнѣйшіе греческіе цари, какъ они описаны у Гомера, точно также не соединяли въ своихъ рукахъ всей полноты власти, какъ германскіе и русскіе князья. Ихъ власть ограничивалась, во первыхъ, совѣтомъ старѣйшинъ (βουλὴ γερόντων), съ которыми они обдумывали всѣ тѣ мѣры, которыя предназначались для представленія собранію цѣлаго народа; эти старѣйшины нерѣдко обозначаются у Гомера тѣмъ же именемъ, какъ и сами цари (βασιλεῖς); во вторыхъ, народнымъ собраніемъ, безъ совѣщанія съ которымъ не предпринималось ни одной важной мѣры.— Римскіе цари, какъ извѣстно, также не пользовались безусловной властью. У величайшаго современнаго истолкователя духа римскаго права, профессора Игеринга, находимъ характеристику древнѣйшихъ основъ этого права, которая также можетъ быть примѣнена къ намъ, какъ и приведенныя уже характеристики Цёпфля и Кембля. „Нѣтъ права, говоритъ онъ, которое не было бы обязано своимъ возникновеніемъ субъективной волѣ отдѣльной личности и котораго первые проблески не скрывались бы въ темномъ господствѣ физической силы. Но у многихъ народовъ этотъ первый періодъ образованія права совершенно исчезъ изъ воспоминанія. Не то у Римлянъ. Никакое время не могло смыть тотъ потъ и кровь, которыми было запятнано рожденіе ихъ права. Положеніе, что субъективная воля есть источникъ права, принадлежитъ къ азбукѣ исторіи римскаго права.— Субъективная воля источникъ права! Для насъ такое положеніе почти непонятно. Мы привыкли все выводить изъ государства, мы опредѣляемъ право, какъ волю государства, и предоставляемъ ему и самое его осуществленіе; мы преслѣдуемъ субъективную волю, какъ преступное вторженіе въ законный порядокъ, едва только она появляется безъ полномочія со стороны государства. — Но какъ далеко разошлись въ нашихъ глазахъ сила и право, также далеко наше теперешнее пониманіе этихъ понятій отъ древне-римскаго, и мы должны совершенно отказаться отъ современ-

наго взгляда на государство и право, если хотимъ вступить на римскую почву“ (Ihering, Geist des römischen Rechts). т.1

Этотъ рядъ отдѣльныхъ характеристикъ древнѣйшаго быта разныхъ народовъ Европы мы заключимъ ссылкой на Шлейермахера, который въ своей запискѣ „о различіи формъ государственнаго устройства“, читанной въ берлинской академіи наукъ, какъ бы подводитъ одинъ общій итогъ къ этимъ различнымъ наблюденіямъ. Намъ особенно пріятно сдѣлать эту ссылку потому, что Шлейермахеръ вовсе не имѣлъ въ виду единообразія соціальныхъ явленій; тѣмъ не менѣе онъ пришелъ къ заключенію, подтверждающему существованіе единообразій, и при томъ совершенно самостоятельно, такъ какъ вышеприведенныя историческія изслѣдованія появились всѣ позднѣе его записки. Оспаривая основаніе аристотелевскаго дѣленія государствъ на три простыхъ формы, Шлейермахеръ задается мыслью найдти болѣе характеристическія различія между государствами, на основаніи которыхъ и должна быть создана классификація государствъ. Эти болѣе характеристическія различія онъ находитъ въ различіи или степени напряженности силы, съ которою „начало, образующее государство, овладѣваетъ своимъ предметомъ“, то есть тѣми элементами, которые входятъ въ составъ государства. Эта сила, говоритъ онъ, различна, смотря по тому, съ чѣмъ она имѣетъ дѣло: съ отдѣльными ли племенами одного народа, или съ болѣе значительной массой людей, въ которую могутъ входить нѣсколько племенъ, или, наконецъ, съ цѣлымъ народомъ. — Насъ занимаетъ въ настоящее время не вопросъ о новой классификаціи, предлагаемой Шлейермахеромъ, а только нижеслѣдующая общая характеристика государствъ на первой ступени ихъ развитія, которую онъ дѣлаетъ по поводу этого вопроса и въ связи съ нимъ. „Всего слабѣе, говоритъ Шлейермахеръ, эта сила проявляется на первой ступени, когда она имѣетъ дѣло съ отдѣльными племенами. Политическое различіе управляющихъ и управляемыхъ, или государственной власти и подданныхъ здѣсь очень слабо развито, оно почти незамѣтно, здѣсь каждый гражданинъ есть

въ одно и тоже время и законодатель и подданный и управляющій и управляемый. Въ этихъ маленькихъ государствахъ противоположности государственнаго и частнаго — еще мало выработаны. . . .“ (Ueber die Begriffe der Verschiedenen Staatsformen въ Abhandlungen der Königl. Akad. der Wissensch. in Berlin, 1814—1815).

Таковъ рядъ единообразій, открываемый путемъ сравнительно историческаго наблюденія первыхъ зачатковъ государственной жизни европейскихъ народовъ. Общія характеристики этого первоначальнаго быта, дѣлаемыя нѣмецкими и англійскими учеными, до такой степени сходятся, что можно подумать, что они имѣли подъ руками одинъ и тотъ же матеріялъ,— такъ много общаго представляетъ этотъ бытъ у всѣхъ народовъ, у которыхъ онъ только былъ наблюдаемъ. Вся разница въ томъ, что у однихъ (какъ напримѣръ у русскихъ Славянъ) онъ удержался долѣе и вслѣдствіи этого оставилъ по себѣ болѣе ясныхъ слѣдовъ; у другихъ же (какъ напримѣръ у Германцевъ, при несомнѣнномъ вліяніи Римской цивилизаціи) онъ довольно рано уступилъ мѣсто иному порядку вещей.—Для предупрежденія возможныхъ недоразумѣній считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы далеки отъ мысли принимать этотъ бытъ за первую по времени форму человѣческаго общежитія; мы находимъ полное основаніе допустить, что ему предшествовалъ еще болѣе несовершенный видъ общежитія, въ формѣ жизни исключительно семейной и родовой. Мы утверждаемъ только, что какъ скоро человѣчество выходило изъ формъ жизни, основанныхъ исключительно на кровной связи (каковы семья и родъ), и какъ скоро оказывалась потребность въ болѣе широкой формѣ, которая могла бы вмѣщать въ себя разныя семьи и разные роды, — оно вступало въ ту форму общежитія, которая характеризована выше. Таковъ эмпирическій законъ, подтверждаемый весьма обширными наблюденіями.

Но положительная метода недовольствуется одними историко-сравнительными обобщеніями, она требуетъ привести ихъ въ связь съ законами человѣческой природы. Эмпири-

ческій законъ, самъ по себѣ, признается вѣрнымъ только въ предѣлахъ того пространства, времени и обстоятельствъ, въ которыхъ былъ наблюденъ. Но если онъ будетъ оправданъ дедуктивно, въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть распространенъ и на новые случаи, въ которыхъ еще не былъ наблюденъ, и, такимъ образомъ, изъ закона только эмпирическаго можетъ быть возвышенъ до значенія общаго закона человѣческаго развитія. Только въ силу провѣрки дедукціей, изслѣдователь получитъ право сказать, что описанный выше бытъ имѣетъ значеніе первой ступени развитія государствъ не у тѣхъ только народовъ, у которыхъ онъ былъ замѣченъ, но и у всѣхъ другихъ, стоящихъ на той же ступени развитія, хотя бы и не былъ еще открытъ у нихъ путемъ историческаго наблюденія. — Задача вѣрно поставленная, но въ высшей степени трудная для выполненія и по новости своей и по малой еще разработкѣ законовъ психологіи и этологіи. — Руководствуясь тѣми замѣчаніями о свойствахъ духовной природы человѣка, которыя сдѣланы Контомъ (IV. 50-е l.) и приняты Миллемъ, мы позволимъ себѣ, однако, указать на солидарность обозначеннаго выше общественнаго порядка со свойствами человѣческой природы. Разсматривая природу человѣка, Контъ приходитъ къ заключенію, что способности чувственныя отличаются большею степенью силы и энергіи, чѣмъ умственныя, что имъ, по этому, принадлежитъ преобладаніе надъ послѣдними. Согласно съ этимъ, инстинкты эгоистическіе, личные преобладаютъ въ человѣкѣ надъ болѣе благородными и имѣющими прямое отношеніе къ общежитію. Отсюда, частные интересы сильнѣе сказываются въ человѣкѣ, сильнѣе охватываютъ его, — чѣмъ общественные. Только съ успѣхами цивилизаціи умъ человѣка высвобождается отъ господства его чувственной природы, а вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ бо́льшее признаніе и интересы чисто общественные. — Если этотъ взглядъ на природу человѣка вѣренъ, въ чемъ мы съ своей стороны совершенно убѣждены, — получитъ объясненіе изъ природы человѣка и обозначенный выше порядокъ первыхъ зародышей общежитія. Свойственное

человѣческой природѣ преобладаніе способностей чувственныхъ надъ умственными, инстинктовъ эгоистическихъ надъ соціальными должно было съ особенной силой проявиться на первыхъ ступеняхъ его историческаго развитія. Оно должно было выразиться въ такомъ общественномъ порядкѣ, въ которомъ индивидуальная воля и личные интересы преобладали бы надъ волей и интересами цѣлаго. Черты именно такого порядка (или безпорядка) и открываетъ сравнительно историческое наблюденіе. — Подчиненіе личной воли пользамъ цѣлаго есть уже явленіе позднѣйшей исторіи; человѣчество приходитъ къ необходимости такого подчиненія рядомъ тяжелыхъ испытаній, при чемъ первоначальная неограниченная свобода личности нерѣдко утрачивается безъ остатка.

Заключеніе.

Какую бы важность ни имѣлъ вопросъ о методѣ, все же значеніе той или другой литературы еще не исчерпывается одной оцѣнкой ея методологическихъ пріемовъ. Это только одна сторона дѣла, хотя и въ высокой степени важная. Указывая слабыя стороны ученыхъ пріемовъ, господствующихъ въ Германіи, мы далеки отъ мысли отрицать всякое значеніе трудовъ нѣмецкихъ ученыхъ. Писатель, установившій правильныя начала методы, можетъ, подобно О. Конту, въ своихъ собственныхъ трудахъ далеко уклониться отъ вѣрной дороги, которую самъ указалъ; и наоборотъ,— высказавшійся въ пользу ложныхъ ученыхъ пріемовъ, можетъ также быть имъ невѣренъ и на дѣлѣ слѣдовать, если и не совершенно вѣрнымъ путемъ, то тропинкой болѣе или менѣе къ нему приближающейся. Именно въ этомъ послѣднемъ положеніи и находятся нѣмецкіе ученые. Несмотря на всѣ попытки соединенія философскихъ пріемовъ съ

опытными, въ дѣйствительности они идутъ только путемъ наблюденія и даютъ большой запасъ обобщеній, составляющихъ необходимую подкладку эмпирическихъ законовъ. Ихъ сочиненія представляютъ не только богатѣйшее собраніе всякаго рода матеріяла, но и основательную его обработку какъ съ точки зрѣнія положительнаго права, такъ и дѣйствительныхъ пользъ и нуждъ государства. Основательное знакомство съ такими почтенными трудами, какъ выше приведенныя сочиненія Роттека, Захаріи, Шмиттеннера, Аренса, Шталя, Вайца, Дальмана, Моля, Блюнчли, Эшера, Штейна и Гольцендорфа, — безусловно необходимо для каждаго, кто желаетъ посвятить свои силы разработкѣ вопросивъ государственной организаціи. Наше искреннее уваженіе къ благороднымъ усиліямъ нѣмецкой мысли и побудило насъ подвергнуть внимательной оцѣнкѣ даже и тѣ ея проявленія, которыя мы никакъ не можемъ считать удачными.

КОНЕЦЪ.

Опечатки.

страница	*напечатано:*	*вмѣсто:*
1	философскаго	философскаго
16	говорить	говорить
23	нормь	нормъ
35 въ примѣчаніи	въ его посмертномъ изданіи	въ посмертномъ изданіи его
41	англичанина	Англичанина
48	можно	могутъ
63	исходя отъ	исходя изъ
69	Sumum sus	Summum jus
—	звѣньяхъ	звеньяхъ
70	Grindlinien der philos.	Grundlinien der Philos.
74	такъ же	также
75	элемента, почти	элемента почти
165	Захарію	Захарія
176	„Это.....жизни“	Это.....жизни
181	политику	полемику
210	опромѣтчивостью	опрометчивостью
222	одобрѣніе	одобреніе

2007058727